

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АЙБАЗОВА Айшат Магометовна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В КИНОДИСКУРСЕ
(на материале карачаево-балкарских фильмов о депортации)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор
Сергей Николаевич Бредихин

Ставрополь – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Лингвокультурологические и лингвоаксиологические основания изучения ценностно-ориентационного пространства	14
1.1. Лингвоаксиологический анализ культурных доминант.....	14
1.2. Лингвокультурный анализ аксиологических концептов карачаево-балкарской картины мира.....	33
1.3. Ценностный пласт лингвокультурного концепта как база экспликации аксиологических доминант.....	53
1.4. Кинодискурс как поликодовое пространство репрезентации национальных аксиологических концептов	77
Выводы по первой главе.....	97
Глава 2. Лингвокультурная специфика поликодовой и полимодальной репрезентации аксиологических концептов в карачаево-балкарском кинодискурсе	100
2.1. Контаминация вербального, аудиального, визуального и символического кодов в процессе актуализации концептов.....	100
2.2. Ключевые лингвокультурные аксиологические концепты прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ.....	137
2.2.1. Позитивная область аксиологического пространства.....	145
2.2.2. Негативная область аксиологического пространства.....	153
2.3. Социокультурная и историко-эпистемологическая детерминация аксиологем.....	168
2.4. Трансляция этноспецифических карачаево-балкарских аксиологических доминант в поликультурное пространство России.....	183
Выводы по второй главе.....	202
Заключение	205
Список литературы	210

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению способов конвергентной экспликации аксиологических концептов карачаево-балкарской лингвокультуры в национальном кинодискурсе.

Актуальность темы данного исследования обусловлена совокупностью факторов. Во-первых, в настоящее время наблюдается все больше вызовов в рамках антропологического поворота в лингвистике, в частности, по созданию комплексной методологии анализа способов вербализации этнокультурно маркированных и социально-исторически детерминированных компонентов аксиологического пространства языковой и концептуальной картины мира. Комплексная методология, включающая компоненты критического дискурса-анализа, приемы лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа базовых концептов-идеологем, позволяет решить данные вопросы и создать основу когниовербальной нивелировки идеологического экстремизма. В то же время распрямление и анализ этнокультурных метаконцептов, составляющих узловые компоненты всей структуры ценностно-ориентационного пространства народа, позволяет определить некоторые универсальные для российского общества элементы как эпистемологические и способствовать формированию культуры согласия в многонациональном сообществе.

Во-вторых, с учетом синтезирующей тенденции в эволюции научного знания о языке и укрепляющимся влиянием киноиндустрии на общественную жизнь представляется релевантным анализ проявления оценочных средств в кинодискурсе. Основной формой трансляции культурных и исторических компонентов выступают документальные и художественные фильмы, ярко демонстрирующие состояние языковой реальности в различные периоды времени. Вследствие того, что потенциальная аудитория кинопроизведения

отличается общими ценностными ориентирами и установками, которыми можно манипулировать, отражение в кинотексте состояния ценностной картины мира в различные этапы истории способствует выявлению прагматического потенциала оценочности языковых средств, детерминированного идеологизированностью исследуемого жанра кинодискурса.

В-третьих, актуальность темы данного исследования связана с повышенным вниманием лингвистов к изучению характеристик языковой картины мира миноритарных народов. В последние десятилетия, в связи с ассимиляцией языковых меньшинств на фоне давления со стороны окружающих их более крупных языковых и культурных объединений, наблюдается спад в количестве носителей соответствующих языков. В результате этого возникает ряд государственных инициатив, нацеленных на поддержку сохранения и популяризации многонационального и поликультурного облика Российской Федерации. Анализ функционирования оценочных средств, используемых в кинодискурсе с целью характеристики воздействия освещаемых в киноработах событий на моральное состояние пережившего их народа, играет значительную роль в установлении ценностной ориентации исследуемого этнического объединения.

В-четвертых, несмотря на слабую распространенность избранного для анализа карачаево-балкарского языка даже в рамках России, данный язык является эталонным представителем очень обширной в мировом масштабе тюркской языковой группы, в которую входят такие языки, как турецкий (70 млн носителей), узбекский (37 млн), азербайджанский (30 млн), казахский (16 млн), туркменский (8 млн) и уйгурский (12,3 млн). Следовательно, анализ элементов модификации ядра аксиосферы карачаево-балкарской лингвокультурной общности внесет существенный вклад в степень разработанности аналогичных вопросов других тюркоязычных этносов, а также позволит описать основные принципы конвергенции этнокультурно маркированных областей аксиосфер разноструктурных лингвокультур в единой концептуальной картине мира России.

Степень разработанности темы исследования. Особое место в рамках лингвокультурологической проблематики занимает проблема экспликации аксиосферы, которая неоднократно привлекала внимание лингвистов (Е.Ф. Серебrenикова (2011, 2008), Е.В. Бабаева (2008), Е.В. Беккер (2015), С.Н. Виноградов (2007)). Разработка вопросов лингвоаксиологии имеет преимущественное значение для выявления и объяснения специфики языковых и концептуальных картин мира (Т.В. Булыгина (1997), А.Д. Шмелев (1997), Н.А. Сидорова (2011), М.С. Андрухина (2011), С.Н. Виноградов (2021), Н.А. Голубева (2021)) и особенностей национального менталитета (М.А. Ахматова (2015), М.Ч. Джуртубаев (2005), А.А.-Дж. Койчуев (2010), М.Ч. Кудаев (1988), А.Я. Кузнецова (1982),) и национального языка (А.К. Боровков (1932), А.В. Дыбо (2021), У.Д. Алиев (1930)), предоставляет широкие возможности для построения модели языковой личности (В.И. Карасик (2004), С.Г. Воркачев (2001)), соотносится с организацией речевого и неречевого воздействия (Н.И. Формановская (2007), Е.Ф. Тарасов, В.В. Богданов (1990), Т.А. ван Дейк (1989), А.Б. Зильберт (2001)), связывается с достижением необходимого уровня коммуникативной компетенции и оптимизацией межкультурного общения (А.Х-М. Тоторкулова (2003), И.И. Горлова (2021), А.Г. Дружинин (2018, Р. Ладо (1989), Т.А. Светоносова (2006)), позволяет решить проблемы влияния лингвокультурных стереотипов в процессе восприятия и интерпретации феноменов объективной и рефлексивной реальности (А. Вежбицкая (1999), Н.Н. Болдырев (2000), С.Н. Бредихин (2021), Р.А. Волкова (2023), С.Г. Воркачев (2022)).

Работы, рассматривающие некоторые аспекты, а также базовые принципы взаимоотношений культуры и ценностей (А. Вежбицкая (1999), В. фон Гумбольдт (1984), М.С. Каган (2001), Н.Ф. Алефиренко (2010), С.М. Толстая (2015), G. Thompson (2014)), не ставят вопроса о формировании универсальных аксиологем с учетом конвергенции отдельных компонентов доминантных метаконцептов, входящих в концептуальные и языковые картины отдельных этносов, формирующих единое мультинациональное интерпретативное пространство.

Существующие на сегодняшний день концепции С.А. Аскольдова (1997), С.Г. Воркачева (2001), В.И. Карасика (2001, 2005, 2006), В.В. Колесова (1995), Ю.С. Степанова (2001) о сущности, структуре, функциях концепта и его соотношении с языковыми единицами, базируются на наличии некоего монолингвокультурного пространства и не проясняют сущности транскультурного концептоформирования.

В связи с этим рассмотрение именно конвергентных способов актуализации этнокультурно маркированных, социально-исторически детерминированных аксиологических доминант, обладающих высоким потенциалом модификации общероссийского ценностно-ориентационного пространства ввиду поликодовой дискурсивизации в формате кинотекста, является одной из наиболее актуальных областей исследования современного лингвокультурного направления дискурс-анализа.

Объектом исследования в данной работе выступают аксиологические доминанты как ядро аксиосферы карачаево-балкарского лингвокультурного сообщества, транслируемые в поликодовом пространстве национального кинодискурса.

Предметом исследования являются этнокультурно маркированные вербальные, визуальные и символические способы актуализации и модификации аксиологических доминант карачаево-балкарской лингвокультуры в национальном кинодискурсе.

Цель исследования заключается в системном анализе лингвокультурной специфики поликодовой экспликации аксиологических культурных концептов и метаконцептов в аспекте интенсификации традиционных и новых социально-исторически детерминированных ценностей как в национальном, так и общероссийском пространстве.

В рамках данной цели был поставлен ряд более конкретных исследовательских **задач**:

- описать конвергенцию лингвоаксиологического и лингвокультурного методов как эффективного алгоритма выявления ценностных компонентов культурных аксиологических концептов;

- определить поликодовую специфику интенсификации аксиологических доминант в кинодискурсе, транслирующем этнонациональные аспекты аксиосферы карачаево-балкарской картины мира;

- определить специфику контаминации вербального, аудиального, визуального и символического кодов в процессе экспликации культурных аксиологических концептов;

- выявить и проанализировать ключевые лингвокультурные аксиологические концепты прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ, как комплексного поля языковой ситуации социокультурно значимого события;

- проанализировать способы формирования и модификации позитивного и негативного пространства метаконцепта «Депортация» в карачаево-балкарском национально-маркированном кинодискурсе;

- рассмотреть социокультурные и историко-эпистемологические особенности детерминации аксиологем;

- выделить и проанализировать способы трансляции этноспецифических карачаево-балкарских аксиологических доминант в поликультурное пространство России.

В качестве **материала** исследования выступают документальные и художественные произведения карачаево-балкарского кинодискурса на тему депортации. В работе проанализированы кинотексты следующих фильмов: «Хорлатмаз адам эси» (2019), «Мариям» (2022), «Чтобы помнили» (2020, 2021) и «Судьбы печальные страницы» (2022). Перечисленные киноработы выбраны для анализа, потому что, во-первых, они имеют широкую потенциальную аудиторию и выступают средством формирования общественного мнения по вопросам исторического развития актуального образа карачаево-балкарского народа. Во-вторых, в них отражаются точки зрения разных представителей народа на одни и те же исторические события. В-третьих, в них широко

представлены оценочные средства в адрес акторов тех исторически важных событий, сформировавших современную языковую и ценностную картину мира народа.

Методы исследования. В исследовании использовалась комплексная методика анализа, интегрирующая социопрагматический метод, метод контекстуального анализа, метод лингвостилистического анализа и приемы количественного анализа.

Социопрагматический метод был направлен на определение степени зависимости средств выражения оценки в кинотекстах исторической тематики от общественных интересов и мировоззрений участников коммуникации. Метод контекстуального анализа применялся, во-первых, с целью определить обусловленность оценочных средств контекстов, в котором они представлены, во-вторых, для выявления средств репрезентации имплицитной оценки. Метод количественного анализа был призван выявить частотность средств выражения оценки.

В качестве основы комплексной методологии анализа также применялся герменевтико-интерпретационный подход, позволяющий определить какую роль исходные компоненты традиционных духовных ценностей карачаево-балкарского народа в качестве доминант сравнения играли в интерпретации аксиологических концептов, формируемых в полимодальном и поликодовом пространстве кинодискурса. В дополнение к вышеозначенному герменевтико-интерпретационному анализу применялся метод лингвоаксиологического анализа для восстановления аксиосферы национальной языковой картины мира.

Теоретико-методологическую базу исследования составили основополагающие труды отечественных и зарубежных учёных по таким направлениям языкознания, как:

– дискурсология (Н.Д. Арутюнова (2002), М. Stubbs (1983), П. Серю (1999), В.И. Карасик (2002), М.Л. Макаров (1998), М.А.К. Halliday (1978), И.Р. Гальперин (1981), Н.Г. Widdowson (1973), J. Östman, Т. Virtanen (1995),

D. Maingueneau (1992), Т. А. ван. Дейк (1989), Е.С. Кубрякова (1996), С.Н. Бредихин (2022);

– оценочная семантика и лингвоаксиология (Е.В. Бабаева (2004), Н.Д. Арутюнова (1985), Ю.И. Мирошников (2007), Т., Т.В. Маркелова (1993), Е.Ф. Серебренникова (2011), И.В. Чекулай (2006), В.И. Карасик (2002), Е.М. Вольф (1981, 2002), Н. Grzmił-Tylutki (2011));

– исследование кинодискурса (J. Wildfeuer, J. Bateman (2016), M. Dynel (2011), M. Mai, (2006), С.С. Назмутдинова (2008), Губман, Б.Л. (1998), J. Wildfeuer (2013);

- семиотика и киносемиотика: С.С. Зайченко (2013). Г.Г. Слышкин (2004), К. Метц (1993), Н.Б. Мечковская (2007), М.Б. Ямпольский (1986), Н.А. Агафонова (2008), Ю.Г. Цивьян (1984), П.П. Пазолини (1984), Ж. Делёз (2004), Ч. Пирс (2000);

- лингвокультурология: И.В. Привалова (2006), Г.Г. Слышкин (2004), С.И. Меньшикова (2007), В.И. Карасик (2004), Н.Ф. Алефиренко (2010), С.М. Толстая (1997);

- история и культура карачаево-балкарского народа: А.Я. Кузнецова (1982), М.Ч. Кудаев (1988), М.Х. Хаджиева (2021), А.А. Чеченов (2018), А.К. Боровков (1932).

Гипотеза исследования. Критический дискурс-анализ социально-исторически детерминированного типа связи между ценностным содержанием и регулярно воспроизводимыми и относительно устойчивыми (по своим целям, участникам, хронотопу) коммуникативными ситуациями ориентирован на установление структурных и семантических характеристик аксиологем в карачаево-балкарской языковой картине мира, вписанной в контекст общероссийской культуры, истории и языкового пространства. Совокупность концептологических характеристик позволяет раскрыть содержание аксиосферы на конкретном фрагменте рассматриваемой картины мира.

Конвергенция традиционных этнонациональных компонентов и социально-исторически детерминированных элементов в структуре

аксиологических метаконцептов карачаево-балкарской картины мира детерминирует степень проявления характеристик личности, транскультурной вариативности и ситуативной комбинаторики базовых аксиологем. Базовые аксиологические доминанты демонстрируют высокую степень устойчивости экспликативных характеристик ценностей и норм карачаево-балкарской лингвокультуры в процессе трансляции их в мультилингвокультурное пространство.

Научная новизна данной работы состоит в определении способов вербальной и визуальной экспликации социально-исторически маркированных аксиологических концептов, их изучении и типологизации с позиций когнитивно-дискурсивного подхода. Выявлена специфическая форма конвергентного кодирования метаконцептов (на основе вербальной, аудиальной и визуальной синергии), позволяющая наиболее эффективно транслировать многослойные семиотические структуры. Новизна исследования определяется следующими факторами: 1) определена детерминирующая роль ценностных компонентов по отношению к другим явлениям с культурной составляющей в аспекте экспликации аксиологических доминант; 2) обоснована тесная взаимосвязь аксиологического пространства с важнейшими регуляторами поведения, прежде всего социальными нормами, и значимостью их характеристик лингвокультур различных типов; 3) национальный кинодискурс определен как поликодовое пространство интенсификации культурных аксиологических концептов, характеризующихся темпоральной, ситуативной и интерпретативной детерминацией; 4) разработана методика градуального анализа позитивизации и негативизации отдельных концептов базового модифицирующего аксиосферы карачаево-балкарского сообщества метаконцепта «Депортация»; 5) общность социально-исторического контекста рассматривается в качестве базового принципа экстраполяции аксиологических доминант в общероссийское ценностно-ориентационное пространство.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке теоретико-методологических основ поликодовой экспликации аксиологических

концептов, а также определении факторов социально-исторического детерминирования узловых точек аксиологического пространства концептуальной картины мира. Значимым представляется выделение сущностных признаков базовых метаконцептов конкретного прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ в карачаево-балкарской лингвокультуре, определение и анализ способов их вербализации, принципов и методов лингвокультурологического изучения аксиологом как модифицируемых социально-историческим контекстом когниовербальных единиц. Актуальным следует признать разработку комплексной дискурсивно-концептологической модели экспликации доминантных аксиологом в поликодовом дискурсивном пространстве кинодискурса.

Практическая ценность работы состоит в том, что её результаты могут привлекаться к составлению теоретических лекционных курсов по лексикологии и стилистике тюркских языков, при чтении спецкурсов по дискурсологии, прагмалингвистике и лингвоаксиологии. Изложенные в диссертации материалы могут быть использованы в процессе написания выпускных квалификационных работ, а также диссертационных исследований различного уровня.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Этнокультурно маркированный кинодискурс представляет собой поликодовое пространство трансляции и модификации лингвокультурных аксиологических концептов, конституирующих национальную аксиосферу народа, характеризующуюся темпоральной, ситуативной и интерпретативной детерминацией. Ядерные области позитивизации и негативизации национально маркированного метаконцепта карачаево-балкарского языкового сознания «Депортация» на основе общности социально-исторического контекста способны к экстраполяции и вхождению в общероссийское ценностно-ориентационное пространство.

2. Комбинирование аксиологической, алетической и деонтической модальностей в вербальном коде (с подкреплением в визуальном, аудиальном и семиотических кодах) в кинодискурсе депортационной тематики является

доминантным механизмом репрезентации метаконцептов и структурирующих их этноспецифических лингвокультурных концептов, подробно описывающих позитивное и негативное пространство локального сообщества.

3. Вербализация оценки представителей власти героями демонстрируемых событий периода депортации осуществляется через их соотнесение с оценочным стандартом, обладающим нейтральной позицией в оценочной системе. Градация положительного и отрицательного оценочного значения предопределена соотношением с оценочной системой стереотипного набора признаков, который является единым для носителей языка при характеристике событий и их действующих лиц.

4. Преобразование универсальных ценностных доминант происходит путем внедрения традиционных религиозных и мифологических паттернов распределения, благодаря чему и осуществляется интимизация разделенных компонентов и глобализация частных элементов концептуально-валерного пространства прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ в поликодовом выражении. Актуализация оценки в исследуемых кинотекстах, ее интенсификация и деинтенсификация, основываются на дихотомии «хороший-плохой», что, с одной стороны, отражает существовавшую в освещаемый в анализируемых фильмах исторический период негативную оценку фигурировавших в определенных событиях реальных персонажей, формируя негативный план метаконцепта «Депортация», с другой стороны, свидетельствует о стабильности и сохранности традиционных аксиологических доминант до настоящего времени.

Степень достоверности обеспечивается опорой на фундаментальные труды отечественных и зарубежных лингвистов, использованием комплексной методики анализа, обширным корпусом проанализированных примеров.

Апробация. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на международных (Анапа, 2022; Майкоп, 2022; Симферополь, 2022), всероссийских (Липецк, 2023; Ростов-на-Дону, 2023; Ставрополь, 2024) научных и научно-практических конференциях. По теме

диссертационного исследования опубликовано 10 научных работ, из них 3 научных статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация общим объемом 255 страниц состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка лексикографических источников и источников фактического материала.

Глава 1. Лингвокультурологические и лингвоаксиологические основания изучения ценностно-ориентационного пространства

1.1. Лингвоаксиологический анализ культурных доминант

Антропоцентрический подход предполагает изучение объектов познания прежде всего с точки зрения природы человека, цели его жизни, учитывает их функции в развитии личности человека и её совершенствовании. Большинство исследователей сходятся во мнении, что идея антропоцентризма была сформулирована ещё в период античности. Помимо таких фундаментальных, основополагающих для современной философской науки подходов к размышлениям о сущности человека и бытия, как материализм и идеализм, идея антропоцентризма безраздельно заняла роль центральной константы античного мира. Идея антропоцентризма в тот исторический период фактически служила неким интегрирующим все концепции смыслом, фокусирующим интерес всех сфер человеческой деятельности на бытии человека (Прудченко, Дюпина, Дизер, 2020, с. 151). Данный подход полярно отличался от предшествовавшего ему в эпоху Средневековья теоцентрического подхода, согласно которому в основе всех человеческих изысканий должно быть стремление к постижению божественной сущности. Заявив о себе в должной мере ещё в эпоху Возрождения, антропоцентрическая модель исследования мира, в соответствии с которой «именно человек является венцом творения и наивысшей ценностью», успешно развивалась и в период Нового времени на фоне революционных изменений новоевропейской философии и науки (Гурьянова, Жданова, 2022, с. 79).

Тесная связь языка со всеми областями человеческой жизнедеятельности определяет необходимость применения антропоцентрического подхода в

лингвистических исследованиях. Кроме того, «энергичная» сущность языка логично обосновывает применение междисциплинарных и динамических подходов к анализу языковых явлений. В данном контексте интересным и актуальным представляется комплексное рассмотрение в гуманитарном дискурсе философских и языковых дисциплин. Ярким примером подобного взаимодействия можно считать взаимодействие языкознания и аксиологии, результатом которого является рождение молодой междисциплинарной науки лингваксиологии и развитие лингвоаксиологических исследований (Беккер, Панова, 2015).

Аксиология представляет собой особую философскую дисциплину, посвященную анализу ценностных ориентаций и пространств их влияния на различные аспекты человеческой деятельности. Как самостоятельная дисциплина аксиология обособилась в 1902 г., философ французского происхождения П. Лапи в своем труде «Логика воли» ввёл для теории ценностей термин аксиология (от греч. *axios* – ценный), не оставив шанса предложенному в том же 1902 г. И. Крайбигом термину тимология (от греч. *timia* – ценимый), маркировав тем самым именно иерархическую структуру коллективного ценностно-ориентационного пространства, в противовес субъективным системам намеренного оценивания. Э. Гартман в «Системе философии в общем очертании» (1907-1909) признал положение «аксиологии» в этой системе, установив тем самым и название новой дисциплины (Выжлецов, 2010, с. 35).

Универсальные и общечеловеческие понятия «ценность», «мировоззрение», «идеология» неизменно находятся на пике интереса исследователей, представляющих общегуманитарные области знания, тем не менее нельзя отрицать возрастающую актуальность работ по рассмотрению этих философских терминов именно на данном этапе развития научной мысли. Мировоззрение порождается сочетанием бытия, сущности, поведения индивида, формируя у него «целостное представление о природе, обществе и т.д.», и впоследствии воплощается в системе ценностей и идеалов личности, социальной группы, общества (Демина, 2022, с. 658-659). Система ценностей (определённый

образ восприятия мира в аспекте интерпретации его положительных и отрицательных проявлений) может быть свойственна индивиду, отдельным социальным группам, обществу, сложившемуся в конкретных географических, хронологических или других границах. Системой ценностей руководствуется индивид при выборе жизненных приоритетов, несущих свой особый смысл для каждого. Идеология – еще одна тема, которая обсуждается в области исследований социальных и гуманитарных наук (Демина, 2022, с. 658-659).

Однако следует отметить, что в зависимости от эпохи, образ «ценностей» в сознании людей постоянно менялся. Из чего следует, что с наступлением новой эпохи определение их корректировалось в силу смены поколений научных коллективов, которые развивали данную тематику. Интересен тот факт, что в эпоху античности понятие «ценность» ещё даже не имело терминологического выражения. В связи с этим, мыслители того периода прибегали к использованию других наименований для данного понятия. Одним из самых распространённых вариантов термина «ценность» в ту эпоху было слово «благо», предложенное греческим философом Аристотелем и «причислявшееся им к категории бытия, качества и отношения» (Аристотель, 2019, с. 13).

Вполне очевидно, что в средневековый период иерархию ценностей или, другими словами, наивысших благ возглавлял Бог. В соответствии с этим неудивительно, что «ценность» для людей той эпохи представляли также смирение, истина, справедливость» (Омелаенко, Яцевич, 2023, с. 52).

Эпоха Возрождения была отмечена кардинальными изменениями в ценностных ориентирах населения. Ценностный приоритет был отдан человеку как самостоятельной личности, его достоинству и творчеству. В ряд ценностей особого значения в этот период вошли также эстетика, стремление к знаниям, глубокие размышления об окружающей действительности и наблюдения, этическая теория и сакральная наука (Омелаенко, Яцевич, 2023, с. 52).

В эру научных инноваций ценностная система приобрела резкую коммерческую направленность, иерархию ценностей возглавили сферы способные принести человеку прибыль – научные исследования и инновации,

просветительская и трудовая деятельность. Индустриальная и постиндустриальная эпохи позволили упрочить положение идеалов прошлого и настоящего – достижения технической отрасли, подъём престижа участников образовательной сферы, экономическое процветание (Тамбиянц, Уварова, 2016).

Существенное развитие учение о ценностях получило благодаря немецким мыслителям. Доказательством этого служит тот факт, что именно представителя немецкой философской школы, а именно И. Канта, принято считать основоположником актуальной концепции ценностей, обосновавшим фундаментальные нравственные принципы, влияющие на душевное состояние человека и его модели поведения. Исследуя тематику нравственных ценностей, в своих философских трудах И. Кант причисляет к ним «мораль, волю и долг» (Кант, 2025). По убеждению философа, лишь человек со свободой воли и осмысленной личностью способен на контроль чувств и самоанализ, которые причисляются им к сущностным ценностям индивида (Омелаенко, Яцевич, 2023, с. 52).

Солидарный с И. Кантом И. Фихте также утверждал, что нравственность может быть присуща исключительно личности, которая находится в поиске высшего предназначения и тяготеет в сторону недостижимого идеала. Опыт бытия и самоанализ должны сориентировать человека в осознании этого назначения. Согласно данной концепции, реализуя свое предназначение, человек достигает высшей человеческой ценности – закрепление этических принципов и служение обществу (Виндельбанд, 1998, с. 230).

Культурные явления следует анализировать не только с точки зрения их ценности, но также учитывать воспринимающего их индивида. Это связано с тем, что ценности действительно осознаются лишь духовной личностью, а такую личность необходимо рассматривать как более высокую и ценную как в социальном, так и в коммуникативном аспектах. Таким образом, процесс оценки культурных фактов требует внимания к тем, кто их оценивает, поскольку именно через призму субъективной и социальной интерпретации открываются истинные смыслы и значимость этих явлений. Важно учитывать, что восприятие ценностей является субъективным процессом, и, следовательно, различия в оценках могут

быть обусловлены различиями в уровне развития духовных и личных качеств тех, кто эти явления исследует. Тем самым, исследование культуры не может быть полноценным без анализа субъекта культуры – «культурофора» (термин образован по аналогии с устоявшимся термином «этнофор» – индивидуальный носитель определённой этнической культуры и национальной психики), который в состоянии воспринимать и интерпретировать эти ценности. Сопоставляя ценности и субъекты оценивания, мы сможем глубже понять, как культурные явления встраиваются в контекст человеческой жизни и духовного развития (Омелаенко, Яцевич, 2023, с. 52).

Н. Гартман же в своих работах утверждал, что в подлинной своей природе ценности открываются лишь человеку, воспринимающему их на интеллектуальном и эмоциональном уровне, т.е. исследователь инференционально маркировал их интерпретативную дуальность. Ввиду того неоспоримого факта, что именно человек производит оценку себя, объектов и феноменов окружающей реальности, между человеком и ценностями установлена тесная взаимосвязь. В сознании человека всё происходящее наделяется смыслом лишь после обработки поступившей информации об окружающем на основе уже закрепившейся системы ценностей (Гартман, 2002, с. 347). Ценность существования, ценность действий, ценность мышления, ценность энергии, ценность испытаний, ценность целенаправленной работы и ценность свободы самоопределения Н. Гартман причислял к фундаментальным ценностям человека.

В связи с широким разнообразием ценностей, которыми руководствуется в течение своей жизни человеческое существо, многие философы различных эпох совершали попытки их категоризации и выстраивания их иерархии. М. Шелер, как один из пионеров философской антропологии, философской теории о поведенческих особенностях и природе человеческого индивида, выдвинул идею об объединении ценностей в группы позитивных и негативных ценностей. Его идея заключалась в том, что ценности должны существовать в иерархии, где одна ценность превалирует над другой, а осмысление оценки в свою очередь является

обязательной частью познавательного процесса, который принято называть «предпочтением» (Шелер, 1994, с. 319). Уровень значимости ценности обосновывается степенью её зависимости от временного периода и от положения других ценностей в иерархии. Особую роль в своей теории М. Шелер отдаёт нравственным ценностям, которые характеризуются как ценности идеальные, незабываемые сохраняющие свою актуальность на протяжении многих поколений.

Следующим этапом было выделение М. Шелером личностных и предметных ценностей, другими словами, тех, которые характеризуют конкретного индивида, и тех, которые свойственны всем ценным объектам, обладающим благами. К группе личностных ценностей мыслитель относит ценности самого человека и нравственные ценности. В его философских трудах также упоминается разделение ценностей на собственные и чужие, групповые и частные, знаковые и др. (Шелер, 1994, с. 319).

Особое место в истории становления науки о ценностях занимает Ф. Ницше, под воздействием трудов которого трансформировалось отношение к ценностям в целом, в виду того, что в его исследованиях ценности рассматриваются в принципиально новой перспективе (Савоськина, 2014, с. 71). М. Хайдеггер был убеждён, что трансформация академической философии в «философию ценностей» и «феноменологию ценностей» являлась исключительной заслугой Ф. Ницше. В рамках концепции, сформировавшейся в связи с этой трансформацией, ценности стали выполнять функцию «вещей в себе», которые организуются в «системы», вырабатывают «этику ценностей» (Хайдеггер, 2007, с. 85). В человеческой жизни ценности имеют высший приоритет. Ф. Ницше отстаивал позицию о том, что для выживания любому этническому объединению было необходимо прибегать к оценке окружающего категориями добра и зла, хотя представления об этих категориях менялись от народа к народу. В результате непосредственной симпрактической оценки все объекты обретают ценность, а субъекты смысл к существованию, в условиях отсутствия способности к оценке «пуст орех бытия», только в процессе оценки появляется возможность творить (Ницше). Вместе с тем, в работе Ф. Ницше,

появившейся несколько позднее, «К генеалогии морали», сомнению подвергаются ценности, уже закрепившиеся в мировом сознании, под вопрос ставится главенство добра в иерархии ценностей и действительно ли зло занимает в ней низшую ступень (Ницше, с. 16). Итогом рассуждений Ф. Ницше стало обращение к читателям с призывом подвергать критическому анализу моральные ценности и главным образом изучать условия и обстоятельства их появления, и исключительно после выполнения этих требований заниматься вопросами истинных ценностей, но не ложных. Выражаясь иначе, философ предпринял попытку донести до современников и последующих поколений, что, несмотря на разницу в природе ценностей их формирование зависит от многих аспектов, истинные ценности не поддаются испытанию временем, переходят от поколения к поколению и пользуются всеобщим одобрением, вопреки разнице традиций, этнической и конфессиональной принадлежности (Омелаенко, Яцевич, 2023, с. 54).

Когда речь идёт об истории лингвоаксиологии, заслуги Дж. Локка в её становлении традиции не принято подвергать сомнению (1632-1704 гг.). Анализируя его работы, Н.Д. Арутюнова утверждает, что чрезвычайно важную роль сыграла его концепция, в рамках которой «хорошему» и «плохому» отводится роль категорий сознания, а не примитивного чувственного опыта, т.е. постулируется их когнитивный, а не аффективный субстанционал и потенциал. Кроме того, важно отметить, что именно за ним закреплена аргументация идеи о том, что существует градация «хорошее» и «плохое», т.е. уровни проявления этих категорий могут колебаться (Арутюнова, 1988, с. 18), т.е. именно в работах Дж. Локка архетипическая оппозиция «хороший – плохой» не просто обретает скалярную форму, но видится как биполярное семантическое единство (Варкачева, 2024, с. 35), с градуальным характером экспликации. А.В. Скворцова также подчёркивает, что труды Дж. Локка стали основой для целого ряда исследований, посвящённых анализу ценностной шкалы как переменной, чьё значение может меняться. Со временем этот подход нашёл свое отражение в работах по изучению проблематики оценки в лингвистике (Скворцова, 2016, с. 276).

Обнаружение тесной связи ценностных понятий и категорий с языковыми феноменами повлекло за собой комплексный анализ случаев проявления аксиологического компонента и в современных лингвистических работах. Фактически именно благодаря наличию у человека языковых навыков становится возможной полноценная трансляция его мировосприятия, формирующегося на основе коллективных и личных ценностей (Телегина, 2021, с. 16). В работах О.С. Ахмановой ценности воспринимаются как «семиологические свойства языковых элементов (единиц), создаваемые (конституируемые) упорядоченным («системным») отношением между означающим и означаемым» (Ахманова, 1966, с. 510)

Ярой сторонницей оценочного подхода, утверждая, что в нём получает проявление взаимовлияния языка и отражаемой им объективной реальности, была отечественный филолог Е.М. Вольф, работы которой были направлены на продвижение идеи о нерушимой связи ценностей и языка (Вольф, 1981; Вольф, 2022). В результате своих исследований Е.М. Вольф приходит к выводу, что в рамках ценностно-ориентированного анализа «предметными ценностями» могут выступать любые предметы человеческой жизнедеятельности или социальных связей, а также сопровождающие их природные феномены, их чего следует возможность оценивания их в положительном или отрицательном ключе. Актуализация ценностных отношений в языке посредством применения определённых семантических и синтаксических структур привлекала особое внимание языковеда (Вольф, 2002, с. 5-6).

Интерес к вопросам сущностной составляющей оценки проявляла в своих работах и Н.Д. Арутюнова (Арутюнова, 1985; Арутюнова, 1988). Из наблюдений Н.Д. Арутюновой следует, что вследствие формирования предложений и исходя из порождаемых на их основании значений возникает взаимозависимость языка и когнитивных схем. Нередко модальные и оценочные значения выступают ретрансляторами связи обыденной деятельности и эмоционального состояния индивида. По заявлению лингвиста, язык обеспечивает гармонию систематично

организованного мышления и беспорядочных моментов жизни, индивидуальных психологий и непродуманных ценностей (Арутюнова, 1988, с. 4).

В трудах В.Н. Телия, В.И. Карасика, Е.В. Бабаевой, Н.Ф. Алефиренко и в других лингвокультурологических исследованиях детально рассматриваются теории об истоках народных ценностей и их связи со сложившейся народной традицией. С целью выявления ценностного компонента лингвокультурологи проводят идентификацию ценностных доминант ингерентных изучаемой этнокультурной единице, позволяющих выявить исключительные моменты в мироощущении отдельных народов и социальных общностей (Телегина, 2021, с. 17).

В работах В.И. Карасика ценности выделяются как «наиболее фундаментальные характеристики культуры». Ценности служат для человека фундаментом непосредственной оценки окружающего мира (Карасик, 2002б, с. 116). Ученый акцентирует внимание на особых положениях, играющих, на его взгляд, ключевую роль в формировании системы ценностей. Таким образом, исходя из представленных В.И. Карасиком постулатов, ценностную картину мира составляют общечеловеческая и специфическая части, а транслируется она через сопряженные оценочные суждения, идентичные законоведческим, каноны, нормы этики, религиозные законы, уникальные сюжетные мотивы и мифологические аллюзии. Вследствие формирования оценочных суждений зарождаются аллюзивные включения и ассоциативные пересечения культурных реалий и оценки событий, что обеспечивает установление ценностных парадигм имманентных конкретной культуре. Согласно концепции автора, аксиологическую картину мира образуют центральные понятия и первостепенные для этой культуры ценности, а их комбинация порождает культурный тип, который фиксируется и удерживается в языке (Карасик, 2022, с. 166).

Другие исследования, связанные с аксиологической тематикой в контексте вербальной трансляции ценностно-ориентационного пространства, также в той или иной степени затрагивали гипотезу о существовании ценностей индивидуального и социального типов, объединение которых ведёт к

утверждению отдельной ценностной картины мира. Некоторые авторы полагают, из комбинации социальных и индивидуальных ценностей возникает своего «концептуальный континуум», который транслируется и в субъективных суждениях (Vikulova, Tareva, Serebrennikova, 2020, p. 170).

Развивая гипотезы В.И. Карасика, в своих исследованиях Е.В. Бабаева приходит к выводу о критическом значении ценностей для дискурсивных типов и жанров на уровне их структурной организации. Выдвинутая В.И. Карасиком концепция типизации дискурса, как считает Е.В. Бабаева, объясняет наблюдаемую исследователями специфичность ценностно-нормативной картины мира, являющейся следствием контраста между социолингвистическими и прагмалингвистическими вариантами коммуникации (Бабаева, 2004, с. 14).

В соответствии с когнитивным подходом, возможность аналитической обработки ценностей обеспечивается благодаря осмыслению языка путём детального изложения человеческого опыта. В объяснении Ф.А. Лаго, данный метод подразумевает анализ путей проникновения и закрепления в рамках определенного дискурса ценностей различных категорий и их осмысленного применения в разных языковых сферах (Lago, 1996, p. 991). Внимание современных исследователей направлено на выявление выраженных в языке ценностных связей между лицом и объектом и манипуляций, осуществляемых в пределах структурных элементов языкового сознания (Мурясов, Serebrennikova, Федорова, 2004; Синеева, 2007; Солодилова, 2014). Как когнитивные, так и лингвокультурологические исследования ориентируются на прагматическую функцию оценочных утверждений, проявлением которой при изложении мысли, по наблюдениям В.Н. Телия, служит зависимость подбора специфичных речевых единиц от инициатора аксиологически маркированного коммуникативного акта (Телия, 1986, с. 29-30).

Идея отражения ценностной системы индивида в различных элементах языка получила реализацию в трудах иностранных учёных, вовлечённых в исследование основных проблем семантики и обобщение операционной

специфики оценочных высказываний (Телегина, 2021, с.19). По убеждению А. Уолтер, в области языкознания в XX в. А. Мартине первый обратился к понятию «аксиология». Данный термин был привлечён им для описания области исследований, направленной на выявление частных смысловых параметров языковых единиц (Walter, 2001, p. 62).

Тем временем имеет место и другая позиция, согласно которой пионером в причислении аксиологии к комплексу языковедческих проблем стал лингвист швейцарского происхождения Ш. Балли. Он на основе практического анализа языковых фактов пришёл к выводу о ключевой роли человеческой способности к положительной или отрицательной оценке в вопросах изучения не только внутреннего мира человека, но и языковой системы. В представлении лингвиста оценка – это некий сложный феномен, который, пронизывая языковые средства, находит выражение в речевых элементах, за которыми закреплена особая функция (Jackiewicz, 2014, p. 9).

Значимую роль в укреплении оценочной проблематики как области лингвистических исследований, по оценкам значительного числа языковедов, сыграл романист чешского происхождения О. Духачек. В своей работе по синхронной семантике «*Le Champs conceptuel de la beauté en français moderne*», изданной в 1960 году, учёный подчёркивает эталонную природу оценочных языковых элементов. Благодаря анализу визуальной перцепции индивида и её корреляции с языковыми ресурсами, он оказал большое влияние на исследования ценностной системы в контексте когнитивной лингвистики (Thompson, 2014, p. 28).

Конец XX и начало XXI вв. характеризуются акцентом учёного сообщества на развитии исследований аксиологического аспекта, в результате чего в лингвистике появилось ответвление ярко выраженного антропоцентрического характера, оформившееся в дисциплину с названием «аксиологическая лингвистика» или «лингвоаксиология». Ядерными для исследований в данной области стали понятия «ценность» и «оценка», как некий абстрактный результат взаимного влияния индивида, окружающей действительности и вербальных

способов репрезентации этих констант в скалярном поле оценивания (Серебренникова, 2008; Thompson, Alba-Juez, 2014).

Сложный объект анализа и дифференциальные точки зрения на критерии выделения средств вербализации аксиологом объясняет отсутствие на данный момент у лингвистической аксиологии определения, подчёркивающего её специфику и общепризнанного в научном сообществе. Ю.И. Мирошников, в частности, характеризует лингвоаксиологию как «науку о ценностных отношениях человека к действительности, о его способности постигать ценностную структуру мира и воплощать ценности в разных видах человеческой деятельности» (Мирошников, 2007, с. 5). Тем временем, обращаясь к работам Ж.А. Джамбаевой, мы найдём трактовку аксиологической лингвистики как междотраслевой дисциплины, исследования в рамках которой направлены на анализ форм отражения ценностей в лингвосознании и коммуникативном поведении человека (Джамбаева, 2013, с. 30). Другими словами, различные культурные и социальные идеалы находят своё выражение в языке, который использует адресат. Разноуровневые языковые единицы, такие как слова и фразы, служат не только для передачи информации, но и для демонстрации личных и общественных убеждений.

Исходя из данных анализа симпатий и антипатий личности, учёные предпринимают попытки сделать рациональные выводы о связи языковых явлений с ценностным миром индивида, что позволяет говорить об антропоцентричном характере аксиологической лингвистики (Карасик, 2002; Grzmil-Tylutki, 2011). В своих исследованиях Е.Ф. Серебренникова приходит к мнению, что «человек говорящий конституирует себя в качестве субъекта через язык, являясь существом мира, в едино-цельном проявлении своего сознания, самосознания, мышления, памяти, воли, разума, эмоционально-психического состояния, интенционально и эпистемически» (Серебренникова, Антипьев, 2011, с. 9).

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что теория ценностей была разработана в результате многовекового интереса к ценности как фундаментальному понятию человеческого бытия. Впоследствии начала

проследивать связь между ценностями и оценкой, а также их воплощением в речевой деятельности личности и фиксации ценностных и оценочных категорий в языковой системе. Данное наблюдение позволило прийти к выводу о существовании тесной связи между языкознанием и аксиологией, что впоследствии и привело к утверждению лингвоаксиологии как новой сферы языковедческого знания, отличающейся конгруэнтностью применения теоретических моделей и методологического комплекса инструментов аксиологии, воспринимаемой как совокупность фундаментальных ценностных концепций, и нестандартных подходов лингвистики, что обеспечивает условия для обнаружения и рассмотрения случаев представленности ценностей в единицах языках. Преимущественное внимание в лингвоаксиологии уделяется исследованию ценностного комплекса человека и фрагментов ее проявления в языке.

Как приоритетная составляющая культурного базиса народа, ценности концептуализируются и категоризируются в языке, осмысляются не только в рамках лингвоаксиологии, но и лингвокультурологии. Перейдём к более детальному рассмотрению данного направления исследований.

Несмотря на восприятие языка в современных исследованиях как ретранслятора менталитета и жизненной позиции этнической общности, языковеды едины во мнении, что исключительно многоаспектный и подробный анализ языковых фактов способен обеспечить аргументацию идей о национальном самосознании (Булыгина, Шмелев, 1997, с. 481) Ядром лингвокультурологических исследований является культурная семантика, обладающая особой познавательной значимостью для мироощущения представителей лингвокультуры (Ковшова, Гудков, 2018, с. 48-49)

Узконаправленная лингвокультурология открылась миру в 1996 году, но обрела значительно большую известность после того, как Фарзад Шарифиан обеспечил её современной междисциплинарной основой, применив свои комплексные знания в дисциплинах, непосредственно связанных с деятельностью человека: антропологии, когнитивистике и лингвистике. В тот период он ещё не относил свои работы к лингвокультурологии, приписывая к

данной науке только труды Гэри Палмера. Вопреки этому, в современных научных кругах существует единогласное мнение о нецелимости вклада Ф. Шарифиана в обоснование и развитие лингвокультурологии (Питерс, 2017, с. 39).

Лингвокультурология, как указывает Ф. Шарифиан (Sharifian, 2015, p. 515) характеризуется междисциплинарностью своих исследований, предметом которых выступает взаимосвязь языка и форм концептуализации, составляющих композицию культуры и фиксирующихся в соответствующем языке и его вариантах. Осмысливая различные аспекты культурного формирования и их объективации в языке, лингвокультурология прибегает к применению таких инструментов, как анализ механизмов концептуализации и категоризации культурных смыслов, к числу которых относятся «культурные категории, культурные метафоры, культурные схемы и культурные модели», которые обнаруживаются во всех естественных языках (Питерс, 2017, с. 37).

Глубина распространения процессов концептуализации в культуре обеспечила понятию концепта ключевую роль в лингвокультурологических исследованиях, в результате чего данный термин твёрдо обосновался в терминологическом инструментарии языкознания конца XX века, но вместе с тем, стоит заметить, и в нынешний период он всё ещё не обрел общепринятого толкования, вопреки тому факту, что с момента его внедрения в лингвистический дискурс появилось множество его определений и методов его изучения. Изучением концептов в рамках лингвокультурологии занимались Н.Д. Арутюнова (1985), С.Г. Воркачев (2001), В.И. Карасик (2001), Г.Г. Слышкин (2001), Ю.С. Степанов (1997), В.Н. Телия (1996) и др., по мнению которых концепт занимает место ментального образования, становление которого в человеческом сознании обеспечивается совпадением ряда факторов.

Обратившись к работам Н.Д. Арутюновой, можно найти подход к трактовке концепта как к органичному объекту относительной философии, базирующейся на взаимовлиянии таких духовных составляющих культуры, как фольклор, религия, культурные традиции, эмоции и ценности. В понимании учёного, концепт способен полноценно заменить распространённые

мировоззренческие термины, фиксация которых в языковой форме позволяет получить данные о духовной культуре народа (Арутюнова, 1993, с. 3-6). В рамках данной интерпретации концепты следует воспринимать как понятия массового сознания, несущие культурную и ценностную значимость.

В структуру концепта, как многослойного смыслового образования, согласно В.И. Карасику, входят три главных аспекта: ценностный, образный и понятийный. Говоря об основаниях для восприятия ментальной единицы как концепта, исследователь выделяет проникновение её в языковое сознание и именование одним номеном, однозначно интерпретируемым в базовых векторах восприятия, как обязательные условия (Карасик, 2001, с. 109).

В результате совместной работы В.И. Карасика и Г.Г. Слышкина было выработано следующее суждение, касающееся циклических соотношений на восходящих витках герменевтической спирали «концепт – язык – сознание – концепт»: 1) рождение и пребывание концепта проходит в человеческом сознании; 2) репрезентация культуры в сознании происходит через концептуальную призму; 3) актуализация концепта обеспечивается закреплением его в средствах языка и/или речи (Карасик, Слышкин, 2005, с. 13-15). По утверждению ряда учёных, данная модель соотношения указанных понятий гипотетична, что обосновывается сущностной многогранностью отношений между языком и культурой в силу нередко проявляющейся двунаправленности связи между языком и сознанием. Главной характеристикой лингвокультурного концепта, выделяющей его на фоне других лингвокультурных явлений, по единогласному мнению учёных, служит его ментальность, что позволяет интерпретировать концепт как ментальное формирование с ярко выраженным ценностным свойством (Карасик, Слышкин, 2005, с. 13).

При рассмотрении вопроса о структуре концепта невозможно обойти стороной версию Ю.С. Степанова, акцентирующего внимание на всепроникающем характере концепта, в структуру которого входит всё, что подразумевает культурная единица: историческое происхождение слова,

ключевые элементы содержания, видение, оценки и др (Степанов, 1997, с. 41). Для визуального представления структуры концепта современные лингвисты предлагают фигуру круга, в котором выделяется ядро, околядерная область и периферия. Степень задействованности той или иной области регулируется степенью поглощённости носителя языка определённым признаком. Исследовательское описание концепта строится на указании признаков в зависимости от уровня их выраженности по мере их ослабления от ядра к периферии (Карасик, Слышкин, 2001, с. 76-77).

Аналогично факту отсутствия единого определения концепта, классификация концептов также проводится по многим критериям. Наибольшую поддержку обрела классификация, базирующаяся на дифференциации концептов на универсальные и национальные. Универсальные концепты строятся на общепринятых взглядах на мир, непривязанных к культурному восприятию отдельного народа, имеющих глобальный характер. К подобного рода концептам относятся общечеловеческие представления о добром и зле, радости и горе, любви и ненависти. При этом всё же следует признать различную культурно маркированную наполненность даже универсальных концептуальных пространств. В противоположность универсальным, национальные концепты характеризуются закреплённостью за конкретной этнической группой, взгляды которой на глобальные вопросы могут отличаться от принятых в других народах. Интересно отметить, что, согласно концепции А. Вежбицкой, подобно тому, как мысли в сознании человека могут строиться на конкретном языке, так и чувственный опыт может быть актуализирован в сознании в соответствии с определённым языком (Вежбицкая, 1999, с. 23).

В рамках своей теории, учёный представляет классификацию, разграничивающую «концепты-автохтоны (значение которых включает общие и национальные составляющие) и протоконцепты (универсальные концепты)» (Вежбицкая, 1999, с. 23). По мнению В.П. Нерознака, список базовых национальных концептов строится на безэквивалентной лексике, отражающей концепты национальной культуры (Нерознак, 1998, с. 85). Такие категории, как

ТАУЛА (ГОРЫ), НАМЫС (ЧЕСТЬ), АТА ДЖУРТ (РОДИНА), к примеру, относятся к национальным концептам карачаево-балкарской культуры

Представляя собой одну из ядерных категорий лингвокультурологии, культурные концепты подвергаются детальному анализу на материалах разнообразных языков и культур. Несомненно, ключевым атрибутом лингвокультурного концепта выступает её ценностный аспект (Карасик, 2004, с. 129). Основу ценностной картины мира конкретной культуры составляют культурные доминанты, воспринимаемые как концепты исключительно важные в рамках этой культуры. Культурные доминанты различных этнических групп являются крайне актуальным объектом языковых и культурологических исследований и несут в себе огромную прикладную ценность, функционируя как основа для роста кросс-культурных коммуникативных навыков (Тахтарова, 2009).

Всё вышеперечисленное приводит к логичному заключению о частичном пересечении исследований в области лингвокультурологии и лингвоаксиологии, что обосновано фундаментальной ролью ценностного компонента для любой культуры. Существованием данного принципа объясняется необходимость использования лингвокультурологического и лингвоаксиологического анализа при изучении концептов и культурных доминант. Контекст данной корреляции предполагает толкование ценностей как специфического набора склонностей и эталонов, важность которых для этнокультурной общности разделенно осознается и транслируется самими «культурофорами». Не менее существенным является факт возможности толкования культуры с опорой на аксиологические константы. Примером подобной интерпретации может послужить определение Н.А. Сидоровой, утверждающее, что «культура – это особое измерение духовной жизни, включающее в себя ценности, психические установки, стереотипы, образцы действий, ментальные программы, отличающие одну социальную группу от другой, реализуемые в деятельности субъекта и наследуемые внутри группы» (Сидорова, 2011, с. 12).

Лингвоаксиологический анализ культурных доминант в самом обобщённом виде подразумевает реализацию следующего алгоритма действий:

- 1) идентификацию в рамках конкретной культуры её базовых ценностей с основой на их исторической и культурно-философской значимости;
- 2) осуществление формально-структурного и семантико-стилистического анализа единиц, соответствующих критериям из первого пункта;
- 3) выделение ценностной компоненты, получающей репрезентацию через оценку, эксплицируемую единицами исследуемого языка (Каурова, Коренева, 2022, с. 271).

Лингвоаксиологические аспекты, учитывая их влияние на идеологию и потенциал изменения ценностных ориентиров общества или отдельных его категорий, также были изучены с использованием материалов образовательного (Нерсесян, 2020) и научного (Браславская, 2020) дискурсов. Профильная специализация видов дискурса, определяемая соответствующими им социальными институтами, в конечном итоге исполняет роль детерминанты, обеспечивающей функциональное усовершенствования фактора воздействия, а также механизмов его вербального воплощения. Критически важно сделать акцент на том, что с точки зрения лингвоаксиологического подхода приведённая функция контролируемого преобразования рассматривается как доминирующая, другими словами, система ценностей и оценок воспринимается в первую очередь как узкоспециализированная структура с позиции реализации её коммуникативно-прагматических возможностей.

Другим основанием роста научно-исследовательской активности в сфере ценностной параметризации дискурса является предрасположенность дискурсивного пространства регистрировать и передавать выстроившуюся по состоянию на исследуемый промежуток времени в национально-культурном объединении ценностную систему вне зависимости от сосредоточенности на трансляции её мировоззренческой направленности. Проанализировав обозначенную ранее концепцию исследований, можно сделать заключение о недостаточной степени разработанности вопросов, касающихся анализа лингвистического потенциала дискурса в перспективе аксиологического осмысления ценностных доминант. Однако, к положительным моментам можно

отнести тот факт, что на нынешнем этапе разработки данной проблемы уже зафиксированы ключевые дискуссионные вопросы, связанные с интерпретацией лингвоаксиологического своеобразия дискурсов разных типов и видов.

Благодаря работам Ю.С. Старостиной, в англоязычном дискурсе были делимитированы три наиболее существенных уровня аксиологической репрезентации, использование которых релевантно и при анализе многочисленных разновидностей дискурса на материале других языков: «1) уровень общесоциальных ценностных доминант конкретного лингвокультурного сообщества, 2) уровень ценностей социальных групп или профессиональных сообществ и 3) уровень индивидуальных ценностных ориентиров» (Старостина, 2021, с. 249-250).

В своём исследовании Ю.С. Старостина также приходит к выводу, что в ходе анализа языкового выражения ценностных доминант целого лингвокультурного сообщества возможно использование двух методов по их рассмотрению. К упоминаемым методам относится рассмотрение ценностных доминант как на общемировых ценностных ориентиров, без привязки к конкретному национально-культурному фонду, либо противоположно направленный вектор рассмотрения их как показателя сугубо национальной идентичности (Старостина, 2021, с. 249-250).

Критический анализ вышеизложенных концепций позволяет сделать следующие выводы. Вектор лингвистических исследований на сегодняшний день определяется распространившимся в гуманитарных науках антропоцентрическим подходом, фокусирующим внимание на внутреннем мире самого человека, а не окружающей его действительности. Лингвокультурология и лингвоаксиология исследуют взаимосвязь языка, мышления и культурных ценностей через призму концептов – ментальных образований с национально-культурной спецификой. Эти концепты, особенно культурные доминанты, воплощают ценностные ориентиры этнического сознания. Аксиоцентрический анализ, несмотря на относительную новизну данных дисциплин, доказал свою

эффективность в изучении культурно обусловленных ценностных систем и их языкового выражения.

1.2. Лингвокультурный анализ аксиологических концептов карачаево-балкарской картины мира

Карачаево-балкарский язык входит в кыпчакскую группу тюркских языков. Со временем становится неоспоримым тот факт, что, даже несмотря на прикрепленность к совсем не многочисленным народам, карачаево-балкарский язык очень важен в плане методологии изучения языка, прежде всего, языков тюркской системы (Боровков, 1932). Так как карачаево-балкарский язык избежал влияния арабской и персидской лексики в отличие от анатолийско-турецкого, азербайджанского и узбекского языков и в настоящее время сохраняет все особенности, присущие коренному тюркскому языку, он может рассматриваться в качестве эталонного тюркского языка (Алиев, 1930, с. 32).

В настоящее время изучение языка в контексте культуры и истории привлекает больше внимания, чем традиционные структурные исследования. Активно развивается когнитивная область, включая анализ языковой картины мира карачаево-балкарского народа, основанный на исследованиях архетипов, символов и представлений, репрезентированных в нартском эпосе, который является одной из ключевых версий общекавказской Нартиады. В этом эпосе категория пространства выражается через важнейшие понятия, такие как «гора» и «равнина». Гора рассматривается как священное место, символизирующее центр и границу обитания народа. В этом контексте можно говорить о «вертикальной» перспективе объективной и ментальной реальности горцев, представляющей собой прасимвол кавказской этнокультуры. Исследователи считают, что подобные культурные универсалии – концепты УМ (АКЪЫЛ),

ВРЕМЯ (ЗАМАН) и ДЕЙСТВИЕ (ИШ), проявляющиеся в языке, служат отражением того, как народ воспринимает окружающий мир, исторические эпохи и уровень своей материальной культуры (Дыбо, Улаков, Кетенчиев, Айбазова, 2021).

На современном этапе развития лингвистической науки в фокусе мировых исследований находится вопрос взаимосвязи языка и культуры, стимулируя появление работ, направленных на рассмотрение языковых картин мира различных народов, ввиду того, что именно посредством языка осуществляется репрезентация системы мировоззрения человека. Понимание человеческого мира как единой системы и интеграция образов, зафиксированных в сознании, происходит в ходе языкового творчества, на которое влияет как лингвистическая, так и экстралингвистическая среда. К экстралингвистическим факторам относятся культурно-исторический контекст, образ жизни народа, который использует данный язык, а также менталитет той этнокультурной группы, к которой относится человек (Раемгужина, 2009, с. 3). В результате погружения в контекст окружающей действительности, в сознании индивида аккумулируются образы, связанные с культурно-национальными шаблонами и устоявшимися оценками (Телия, 1986, с. 233). Для каждого языка характерно построение частной обособленной системы убеждений об объективной реальности. Таким образом, при условии, что мир осмысливается нами как продукт взаимодействия человека и среды, картину мира можно определить как «результат переработки информации о среде и человеке» (Маслова, 2001, с. 64). Жизненный стиль этноса и среда его существования провоцируют рождение значительного количества фундаментальных культурных концептов, на которых базируются народное миропонимание и мировоззрения. Как отмечает Г.Р. Галиуллина, «язык является неотъемлемой частью бытия, он аккумулирует социально-культурный опыт общества и является одной из основных форм передачи народных традиций, тех наивных мифологических представлений народа, которые существовали на заре человечества» (Galiullina, 2008, p. 197).

Язык играет ключевую роль в том, как человек воспринимает и осмысляет реальность вокруг себя. Однако формирование личной картины мира зависит не только от языковых структур. Важную роль здесь играют индивидуальный опыт, знания, культурные традиции и другие социальные факторы. Окружающий нас мир интерпретируется и осмысливается через язык; это приводит к тому, что система образов преобразуется в человеческом сознании в систему символов и значений. Таким образом, взаимодействие языка и восприятия мира определяется множеством факторов, влияющих на то, как мы понимаем и интерпретируем действительность (Маругина, Ламинская, 2010, с. 36). Родная культура человека, сложившаяся под влиянием таких аспектов жизни его народа, как территориальное положение, климатический фон, его конфессиональная принадлежность, менталитет, устройство языка и многих других, служит ключевой детерминантой в восприятии и понимании им мира. Главным ключом к пониманию жизненного опыта, поведенческих паттернов и традиций «древних людей является восстановление свойственных им представлений и ценностей» (Galiullina, 2008, p. 197).

Что касается аксиологических концептов, в языке они преимущественно представлены абстрактными именами, формирующими особый пласт лексики. Подобным концептам (ДОБРОЕ, ТРУД, СЧАСТЬЕ, СВОБОДА, ЛЮБОВЬ, СУДЬБА и некоторые другие) уделяется усиленное внимания, о чем свидетельствует многочисленность посвященных им работ (Степанов, 1997; Карасик, 2005; Сафонова, 2003). Помимо этого, аксиологическим концептам приписывают важную функцию связующего звена между национальными концептосферами, так как, участвуя в трансляции национальной культуры и устанавливая шкалу ценностей, духовные ориентиры, идеологические принципы и стили поведения членов этноса, они также выражают понятия равноценные для всего человечества (Форофонтובה, 2008, с. 141).

Важно подчеркнуть, что аксиологические концепты сильно индивидуализированы, и всегда исходными посылками для их появления служит оценка окружающего мира, включая все его составляющие и их взаимодействия,

а также интерпретация их конкретной личностью. Личностной концептуально-валерной системой обоснованы внутренние ограничения, благодаря чему в подсознании фиксируются новые когнитивные структуры, определяющие будущую жизнедеятельность и социальную реальность индивида (Бредихин, 2022, с. 187). По мнению И.В. Приваловой, такие концепты имеют вторичный характер относительно национальной аксиологической структуры. Подобно другим концептам, аксиологические концепты, проявляясь в языке, служат конструктом национальной структуры оценки (Привалова, 2006, с. 9-17).

Параллельно с аксиологическим концептом языковеды часто рассматривают и лингвокультурный концепт, который хоть имеет некоторые сходства с аксиологическим, однако, полностью с ним не отождествляется. Лингвокультурный концепт определяют как когнитивную структуру человеческого сознания, получающего материальное воплощение в языке и обуславливаемое культурой. Одной из основных составляющих такого концепта является ценность, но в роли не философской категории (сверхценности), а лингвокультурной (определяемая двумя аспектами: актуальность и оценочность) (Слышкин, 2004, с. 23, 26). Таким образом, основным критериальным признаком лингвокультурного концепта выступает не оценочный компонент (в отличие от аксиологического), базирующийся на этно-национальной концептуально-валерной системе, но сам факт присутствия культурного аспекта интерпретации. Каждый аксиологический концепт может быть отнесен во всей полноте его структуры к лингвокультурным, т.е. интерпретируемым внутри того или иного сообщества и находящим свою вербализацию, но не каждый лингвокультурный концепт будет содержать оценочность в её скалярном, градационном формате, т.е. включаться в пространство би- и полинарных семантических аксиологических единств.

Передача накопленных предыдущими поколениями знаний, умений, норм поведения, верований осуществлялась неформальным, естественным путем – через общение со старшими, участие вместе с ними в трудовой деятельности. Так был заложен фундамент национальных культур народов Северного Кавказа. В

них отражались не только фольклорные, художественные аспекты, но и хозяйственные, трудовые, профессиональные (ремесленные), мировоззренческо-философские, экологические и другие ценности (Тоторкулова, 2003, с. 1).

Основные ценности карачаевцев и балкарцев можно выявить из Завета (Осият), представленного в качестве вступления в этическом кодексе горцев «Ёзден адет». *Ёзден* в карачаево-балкарском языке является собирательным названием для высшего благородного сословия карачаевцев и балкарцев, аналогичного дворянскому сословию в дореволюционной России. Другими словами, в данного кодекса зафиксированы самые высокие требования к поведению горцев, передававшиеся из поколения к поколению. Рассмотрим вступление и его перевод.

БИСМИ ЛЛЯХИ РР АХМАНИ-РРАХИМ!

- 1) *Адамгъа адам керек.*
- 2) *Дуня деген къаугъады, Жашагъаннга саугъады.*
- 3) *Ахишылыкъны унутма, Аманлыкъны эсде тутма.*
- 4) *Тели да бол, эсли да бол – Элинг, жеринг бла бирге бол.*
- 5) *Хакъ кертини эр айтыр, Эр айтмаса, эл айтыр.*
- 6) *Адамны бети – бетинде, Элни бети – адетинде.*
- 7) *Адет билсенг – адетге кёре, Билмесенг – бетге кёре.*
- 8) *Анам тикген тонум бар, Атам салгъан жолум бар.*
- 9) *Ашау ючюн окъума да, Жашау ючюн окъу.*
- 10) *Аз аша да, аз да жата – Амма, башынга эркин бол.*

ВО ИМЯ АЛЛАХА, МИЛОСТИВОГО И МИЛОСЕРДНОГО!

- 1) *Человеку нужен человек.*
- 2) *Мир – это и смута, И дар живущему.*
- 3) *Добра не забывай, Зла не помни.*
- 4) *Глуп ли ты, разумен ли – Будь всегда со своим народом и землей.*
- 5) *Истину возвещает герой, А если не герой, то народ.*

6) *Совесть (честь) человека – на его лице, Совесть (честь) народа – в его обычаях.*

7) *Зная обычай – поступай по обычаю, Не зная – поступай по совести.*

8) *Есть у меня шуба, сшитая матерью, Есть у меня путь, проложенный отцом.*

9) *Учись не ради пропитания, А ради жизни.*

10) *И скудно ешь, и мало проживи – Но только будь свободен.*

(Джуртубаев, 2005, с. 147)

Уже в интродукционной строке стихотворения, до акцентирования внимания читателя на жизненных ориентирах необходимых для гармоничного существования горского общества, мы можем выделить одну из фундаментальных ценностей карачаево-балкарского народа – религию. «*Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного*» – фраза, с которой мусульманин должен начинать все свои действия. *Аллах* (араб. الله, букв. «Бог») – единый Бог, которому поклоняются в Исламе, а *Милостивый* и *Милосердный* – дополнительные имена Аллаха, выраженные его высокими качествами. Данная фраза выступает ярким доказательством того, что многие лексемы, а, следовательно, и стоящие за базовыми вербализаторами концепты, связанные с религиозной тематикой, в карачаево-балкарском языке представлены арабизмами ввиду известных исторических корней формирования Ислама. Перечислим и проанализируем распространенные аксиологические концепты с религиозной привязкой.

В первую очередь, обратим внимание на концепт ХАЛАЛЛЫКЪ (от араб. حلال – разрешённый, разрешённое), в буквальном переводе относится ко всему дозволенному, разрешенному в Исламе, тому, что не является грехом. В связи с относительно долгой историей исповедания карачаевцами и балкарцами данной религии, мы можем судить о достаточно высокой оценочной нагрузке, заложенной в данный концепт, так как в отношении веры нет ничего более значимого, чем вопрос дозволенности и греховности деяний человека. Следовательно, мы можем сделать вывод, что главная антиценность для карачаево-балкарцев представлена концептом ХАРАМЛЫКЪ (от араб. حرام –

запретное, неприкосновенное), то есть всё запретное, относящееся к греховному. Достаточно ожидаемо, что концепт ДИНЧИЛИК (от араб. دين – религия), в адаптации в русской концептосфере – НАБОЖНОСТЬ, в целом охватывающий все аспекты, характеризующие людей, выделяющихся своим четким следованием законам религии и богобоязненностью, также выступает в качестве аксиологического концепта с ярко выраженной положительной оценочностью, отражающего одну из базовых ценностей народа. Соответственно, резко отрицательная оценка в ракурсе карачаево-балкарской языковой картины мира закреплена за концептом ДИНСИЗЛИК, представляющем самый большой грех в глазах Бога мусульман – безбожие. В данном случае следует особо подчеркнуть контраст, к примеру, с общей европейской картиной мира, в которой атеизм широко распространен и уже не является чем-то осуждаемым, в то время как многие молодые люди и вовсе считают религию пережитком прошлого и ассоциируют религиозность с недостатком образования. Подобные различия как в самой культуре, так и в ее репрезентации в языке, и служат основанием продолжения лингвокультурных исследований специфически организованных малых патриархальных сообществ.

Продолжить список положительных аксиологических концептов карачаево-балкарской картины мира можно следующими примерами: ШЫЙЫХЛЫКЪ – СВЯТОСТЬ, АЛЛАХНЫ БУЮРГЪАНЫ – ПРЕДОПРЕДЛЕННОЕ АЛЛАХОМ / ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ, ДИН КЪАЗАУАТ – ВОЙНА ЗА ВЕРУ.

Концепт ШЫЙЫХЛЫКЪ (от араб. شيخ – старец, старшина, староста) (СВЯТОСТЬ) резко отличается от аналогичных концептов в языках культур, построенных вокруг христианской веры. В то время как в Христианстве святость приписывается людям, за которыми замечали те или иные чудеса, Ислам возможность наличия чудотворных способностей у простых людей (т.е. не у пророков) категорически отрицает, поэтому у мусульман святость связана не с чудесами, а с религиозными знаниями. Таким образом, мы можем утверждать, что в концепте ШЫЙЫХЛЫКЪ заключена ценность знаний о религии.

Органичная связь ЗНАНИЯ и РЕЛИГИОЗНОСТИ в карачаево-балкарской лингвокультуре создает специфическое пространство позитивизации в отличие от привычного «западного» понимания оппозиционных отношений в семантической паре «знание – вера».

Что касается концепта АЛЛАХНЫ БУЮРГЪАНЫ (ПРЕДОПРЕДЛЕННОЕ АЛЛАХОМ / ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ), то важным будет отметить ещё одно значимое отличие карачаево-балкарской и европейской картин мира. Очень близок к данному концепту концепт СУДЬБА, который в европейском мировосприятии может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию (например, в вербализаторах ядерной зоны концепта «рок», «фатум»), иначе говоря, люди могут быть как довольны, так недовольны тем, что их постигает, могут считать справедливым или несправедливым то, что им уготовано жизнью. Однако в культурах с фокусом на исламских ценностях, предопределение и судьба неразрывно связаны с чем-то положительным, так как всё, что с человеком случается предписано Аллахом, который знает все судьбы и мудрость которого смертным не постичь, следовательно, всё, что он предопределяет человеку – лучший для него вариант развития событий.

Ещё одним важным аксиологически маркированным концептом для карачаево-балкарского мировосприятия является ДИН КЪАЗАУАТ (от араб. غزو – вторжение) (ВОЙНА ЗА ВЕРУ). Так как ценность веры для данной культуры, как мы уже установили, высока, то неудивительно, что и борьба во благо религии будет носить крайне высокую положительную оценку.

На примере перечисленных религиозных аксиологических концептов мы смогли убедиться, что большинство лексем, выражающих подобные концепты, характеризуется арабским происхождением (ввиду очевидных исторических причин). Кроме того, на основе анализа вышеприведенных концептов мы можем утверждать, что немалая доля базовых вербализаторов карачаево-балкарских аксиологических концептов представлена поливербатами, т.е. имеет конкретизирующий функциональную сферу компонент.

В первом афоризме «Ёзден адет» *Адамгъа адам керек* подчеркивается важность человеческих взаимоотношений, поддержание которых на положительных тонах всегда приоритизировалось горцами. Данным стремлением обосновывалось требование уважать старших, покровительствовать младшим, почитать гостя и т.д.

В данном контексте можно сразу начать с пары из аксиологических концептов с положительной и отрицательной оценочной нагрузкой соответственно – СЫЙ БЕРИУ (почтение, оказание почтения кому-то) – СЫЙ БЕРМЕУ (непочтительность к кому-то). В переводе с карачаево-балкарского *сый* означает «честь», «авторитет», «уважение». Честь для горца дороже жизни, соответственно оказание чести и уважение друг другу является первостепенным условием доброжелательных отношений в карачаево-балкарском обществе.

КЪОНАКЪБАЙЛЫКЪ (букв. богатство гостями) – ГОСТЕПРИИСТВО. Известное во всем мире кавказское гостеприимство не обошло стороной и Карачай с Балкарией. Гость в доме карачаевца или балкарца – человек, удобство и счастье которого приоритет всех жильцов, следовательно, всё, охватываемое концептом КЪОНАКЪБАЙЛЫКЪ, характеризуется только положительной оценкой, которая конвенционализируется и легитимизируется как в концептуально-валерной системе народа, так и в инскриптивных текстах Завета.

Следующий афоризм *Дуня деген къаугъады, Жашагъаннга саугъады* наставляет горцев ценить жизнь, но не идеализировать её, ведь в этом земном мире, *дунии* (араб. دُنْيَا – мир, свет, мирская жизнь), можно увидеть как отголоски рая, так и найти признаки ада. Предки указывают на необходимость ценить время в этом мире, но не обманываться её материальными благами, так как в них сокрыта «смута». Вследствие этого *дуния* (жизнь) можно представлять как ценность, так и антиценность, т.е. универбат, вербализующий бинарное семантическое единство разновекторных оценок объективной реальности. Следующие концепты содержат положительную оценку жизни: ЗАУУКЪ ДЖАШАУ (ЛЕГКАЯ ЖИЗНЬ / НЕГА), НАСЫБ ДЖАШАУ (СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ), МАМЫРЛЫКЪ ДЖАШАУ (СПОКОЙНАЯ / БЛАГОПОЛУЧНАЯ

ЖИЗНЬ). Далее обратим внимание на аксиологические концепты с негативной оценкой: АЗАБ ДЖАШАУ (ГОРЬКАЯ ЖИЗНЬ), ДЖАЛГЪАН ДУНИЯ (БРЕННЫЙ МИР), ДУНИЯЛЫКЪ КЪАЙГЪЫЛА (МИРСКИЕ ЗАБОТЫ). Таким образом, именно конкретизации в дополнительном адъективном или субстантивном элементе маркирует вектор оценивания.

Третий афоризм *Ахшылыкъны унутма, Аманлыкъны эсде тутма* подчеркивает особую ценность памяти в философии карачаево-балкарцев. У горцев не принято оправдывать свои поступки провалами в памяти: не помнишь – не придаешь значения. Кодекс учит помнить и ценить добро, оказанное нам, но не держать зла за причиненные обиды. В качестве примера, отражающего негативную оценку отсутствия памяти, можно привести аксиологический концепт ЭССИЗЛИК (ЗАБЫВЧИВОСТЬ, БЕСПАМЯТСТВО), который, в отличие от русского ЗАБЫВЧИВОСТЬ, всегда носит только отрицательную окраску, при этом степень интенсификации негативной оценки в «эссизлик» значительно выше, чем в русском корреляте.

Из четвертого и пятого афоризмов *Тели да бол, эсли да бол – Элинг, жеринг бла бирге бол / Хакъ кертини эр айтыр, Эр айтмаса, эл айтыр* мы можем сделать вывод, что у карачаевцев и балкарцев высоко ценится единство со своей народной общиной, однако мудрые предки завещают бороться за истину даже вопреки мнению общины. К концептам, транслирующим почтение к своему народу и значимость этнонациональной и территориальной идентификации, относятся: БИР МИЛЛЕТ (ЕДИНЫЙ НАРОД), ТАУЛУ МИЛЛЕТ (ГОРСКИЙ НАРОД), АТА ДЖУРТ (ОТЧИЗНА / ОТЕЧЕСТВО), ДЖУРТ (РОДИНА), ТУУГЪАН ДЖЕРИМ (МОЯ РОДИНА / МЕСТО РОЖДЕНИЯ), КЪАРНАШЛЫКЪ (БРАТСТВО), МИЛЛЕТИНГЕ СЮЙМЕКЛИК (ЛЮБОВЬ К СВОЕМУ НАРОДУ).

В шестом и седьмом афоризмах *Адамны бети – бетинде, Элни бети – адетинде / Адет билсенг – адетге кёре, Билмесенг – бетге кёре* обращают внимание на, пожалуй, одни из самых широко известных даже для некавказских народов ценностей карачаевцев и балкарцев, а именно – честь и обычаи. Однако

в этих универсальных аксиологических концептах четко прослеживается этнокультурная интерпретанта. Во все века главным для карачаево-балкарцев было сохранить свои чести и достоинство, жить по совести и по обычаем, оставленным предками. Поступившийся совестью (честью) горец терял уважение соплеменников, а, по итогу, и всякий смысл своего существования.

Плавно вытекаем из предшествующих, восьмой афоризм *Анам тикген тонум бар, Атам салгъан жолум бар* также указывает на необходимость продолжать путь предков и, отталкиваясь от уже обозначенных ориентиров. При этом весьма значимым представляется симпраксическая маркированность привязки к культурным ценностям, возводящая «быт народа» в статус жизненно важной ценности. То, как высоко ценят карачаевцы и балкарцы свою честь и обычаи своего народа ярко выражено в следующих аксиологических концептах: ХАЛАЛ КЪЫЙЫН / УРУНУУ (ЧЕСТНЫЙ ТРУД), НАМЫСЛЫ АДАМ (ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ), НАМЫСЛЫЛЫКЪ (СОВЕСТЛИВОСТЬ / НРАВСТВЕННОСТЬ), СЫЙ (ЧЕСТЬ), СЫЙЫЛЫ АДАМ (УВАЖАЕМЫЙ / ПОЧИТАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК), КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР АДЕТ (КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ОБЫЧАЙ, БУРУН ЗАМАННЫ АДЕТИ (СТАРЫЕ ОБЫЧАИ), ТАУ АДЕТ (ГОРСКИЙ ОБЫЧАЙ), АДЕТЛИК / АДЕТСИЗЛИК (ВОСПИТАННОСТЬ / НЕВОСПИТАННОСТЬ, однако в буквальном переводе мы получим «наличие / отсутствие обычаев»). Таким образом, интеллигентность и воспитание в карачаево-балкарском понимании строится именно на соблюдении обычаев.

Девятый афоризм *Учись не ради пропитания, А ради жизни* акцентирует внимание последующих поколений на ценности получения знаний, но не только как освоения набора практических навыков, а как процесса познания самой жизни, основанного на привязке к «своим корням». Мудрецы прошлого учат жить осмысленно и рассматривать жизнь не просто как плотское существование в любых пригодных, даже рабских, условиях, а жить свободно, ибо физическая и, прежде всего, духовная свобода должна носить высшую ценность для горца (на что указывает десятый афоризм *Аз аша да, аз да жата – Амма, башынга*

эркин бол). Соответственно и все концепты, связанные с тематикой свободы, в карачаево-балкарской культуре наполнены самой высокой положительной оценкой. К примеру, ЭРКИНЛИК (СВОБОДА / ВОЛЯ), БАШЫНА ЭРКИНЛИК (НЕЗАВИСИМОСТЬ / СУВЕРЕННОСТЬ / САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ), СЮЙГЕНИНГИ АЙТЫРГЪА ЭРКИНЛИК (СВОБОДА СЛОВА), ХАЛКЪНЫ ЭРКИНЛИГИ ЮЧЮН КЮРЕШИУ (БОРЬБА ЗА СВОБОДУ НАРОДА), АЗАТ ХАЛКЪ (СВОБОДНЫЙ НАРОД). Как наглядно видно из микроконтекста адета концептуальный компонент «эркин», обрамляемый конкретизаторами грамматического и лексического характера всё же неизменно транслирует не личностное пространство свободы, но свободу и независимость всего народа.

Проанализировав фундаментальные ценности карачаевцев и балкарцев, мы можем сделать выводы и об антиценностях этого народа. Таким образом, в народе, почитающем религию, естественно будут порицаться богохульство и грешный образ жизни без раскаяния. Данная антиценность описывается в следующем стихотворении из Кодекса.

Къагъанакъ да – гюнях жюклю.

Атасыны терслиги – баласыны къанында.

Гюняхларым азды деме, Сууапларым кѣпдю деме.

Билмей этсенг – бир гюнях, Билип этсенг – минг гюнях.

Аллахны танымагъан Гюняхны да танымаз.

Гюнях ёлтюре бара, Сууап кѣтюре бара.

Уллу гюнях жаханымге жол ачар.

Даже младенец нагружен грехами (отцов).

Вина отца – в крови его детей.

*Не говори, что у тебя мало грехов, Не говори, что у тебя много
благодетелей.*

Согрешить по незнанию – это один грех,

Согрешить, зная, – тысяча грехов.

Не признающий Аллаха Не признает и грех.

Грех понемногу убивает, Благоденствие понемногу возвышает.

Великий грех открывает дорогу в ад.

(Джуртубаев, 2005, с. 147)

Пример репрезентации данной антиценности в аксиологическом концепте был уже приведён выше при рассмотрении религии как ценности изучаемой культуры.

Любовь горцев к своему народу и исторической родине предполагает презрение предательских действий, при чем, как по отношению к индивиду, так и по отношению ко всему народу. О нетерпимости горцев к предателям свидетельствуют следующие строки из Кодекса и перечисленные нами аксиологические концепты.

Сатхычдан душман иги. Сатхычны минг бети, бир адети.

Сатхычны сылтауу кѣп.

Батырны жери – алда, Сатхычны жери – салда.

Сатхыч адам не киши туююл, Не тиши туююл.

Нѣгерин сатхан элин да сатар. Сатлыкъ барда хорлам жокъ.

Враг лучше предателя.

У предателя лиц тысяча, а нрав – один.

У предателя много оправданий.

Место батыра – впереди (войска),

Место предателя – на носилках (погребальных).

Предатель – это и не мужчина, И не женщина.

Предавший друга предаст и народ. Пока есть измена, не будет победы
(Джуртубаев, 2005, с. 217).

Соответствующие аксиологические концепты, маркирующие дерогативное поле оценивания феноменов, противоречащих концептуально-валерной системе народа, подрывающих основы единения: САТЫЛЫУ (ПРЕДАТЕЛЬСТВО), САТЛЫКЪ АДАМ (ПРЕДАТЕЛЬ), ДЖАУГЪА САТЫЛЫУ (ИЗМЕНА / ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ПОЛЬЗУ ВРАГА), ЭР-КЪАТЫН

АРАНЫ БУЗУУ (СУПРУЖЕСКАЯ ИЗМЕНА), КЪРАЛНЫ САТЫУ (ГОСУДАРСТВЕННА ИЗМЕНА).

У народа, ценящего честь и совесть, а также хорошее отношение к ближнему, закономерное презрение будут заслуживать хитрые, скупые, лживые, трусливые люди, соответственно в этих человеческих пороках также заключаются народные антиценности. Приведем в качестве доказательства данного утверждения афоризмы из Кодекса, а также соответствующие аксиологические концепты.

ХЫЙЛАЧЫ – ХИТРЫЙ

Элге – акъылман, Хыйлачыгъа – душман.

Хыйланы бир хайыры Жети хата келтирир.

Хыйлачыны кёлю къара, Сёзю – учхара.

Хыйлачыгъа жукъ сорсанг, Не алдап къояр, не тынгылап къояр.

Хыйланы къуйругъу – бир тутум.

Хыйла деген акъылны ауанасыды.

Хыйла сёзге – ачыкъ сёз.

Для народа – мудрец, Для хитреца – враг.

Одна выгода от хитрости Принесет семь бед.

У хитреца душа черная, Речи – скользкие.

Спросишь у хитреца о чем-нибудь – Или обманет, или промолчит.

У хитрости хвост короткий (один хват).

Хитрость – это тень ума.

На хитрые речи – открытый ответ.

КЪЫЗГЪАНЧ – СКУПОЙ

Къызгъанчха чомарт – те ли. Къызгъанчны кёлю – терен уру.

Къызгъанч, берсе, унутмаз, Алса, алдым деп айтмаз.

Къызгъанч адам элин-жерин Гудучудан толу су нар.

Къызгъанч адам, факъырачыгъа сом берсе, Кеси кесин шыйых су нар.

*Жашлыгында кызыганч Къартлыгында жут болу р.
Чомартны жаны – тёрде, Жутну жаны – кюбюрде.*

*Скупой глупцом считает щедрого. Душа скупца – глубокий погреб.
Скупой, если и даст, то не забудет, Если возьмет, то не признается.
Скупому кажется, Что вся округа полна воров.
Подал нищему рубль, Скряга мнит себя святым.
Кто в молодости жаден, К старости станет алчным.
Душа щедрого – на возвышении, Душа скупого - в сундуке.*

ЖАЛГЪАНЧЫ – ЛЖИВЫЙ

*Алтын-кюмюш тот болмаз, Жалган хапар жабышмаз.
Жалган жолну жюрюген Жарты жолда жардан кетер.
Аштапар хантчы болур, Ётюрюкчю антчы болур.
Ётюрюкге – тюрюк.
Кёлсюз адам ётюрюкчю болур.
Жалганчыгъа – жалган сый.
Кёрмеген бла билмеген Жалган сёзге терк ийнаныр.*

*Золото и серебро не заржавеют, Клевета не пристанет.
Кто ходит ложным путем, На полпути с обрыва упадет.
Обжора любит готовить, Лжец – клясться.
(Должный) ответ на вранье – плевок.
Малодушный человек обычно – лживый.
Лживому – ложная честь.
Легче всего верят лжи Тот, кто не видит, и тот, кто не знает*

КЪОРКЪАКЪ – ТРУСЛИВЫЙ

*Телини сёзю айтыр, Къоркъакъны кёзю айтыр.
Къоян айтханды: «Мен, къоркъакъ болсам да, чабышханда, алчыма».
Кызыганч киши, жашай келсе, Къуу болур,*

Къоркъакъ киши, жашай келсе, Къул болур.

Къоркъакъны анты халыдан уничке.

Батыр киши – тау кибик, Къоркъакъ киши – кырау кибик.

Аман адам – пох адам, Къоркъакъ адам – жокъ адам.

Глупца выдает его речь, Труса – его глаза.

Заяц однажды сказал: «Пускай я труслив, зато в беге первый».

Жадный человек когда-нибудь лишится всего,

Трусливый человек когда-нибудь Холопом станет.

Клятва труса тоньше нитки.

Мужественный подобен горе, Трусливый подобен инею.

Плохой человек – дерьмовый, Трусливый человек – ничтожный (ничто).

(Джуртубаев, 2005, с. 212-219).

Концепты, воплощающие в себе отрицательную оценку:

1) хитрости: ХАРАМ АДАМ (ХИТРЫЙ ЧЕЛОВЕК), ХАРАМ КЁЛЛЮЛЮК (ЗЛОВРЕДНОСТЬ), ХАРАМ ДЖИЛИК (МЕРЗАВЕЦ / ПОДЛЕЦ), ХАРАМЧЫЛЫКЪ / ХЫЙЛАЧЫЛЫКЪ (ХИТРОСТЬ / МОШЕННИЧЕСТВО / ЖУЛЬНИЧЕСТВО), ФИТНАЧЫЛЫКЪ (ХИТРОСТЬ / ИНТРИГАНСТВО);

2) скупости: КЪЫЗГЪАНЧЫЛЫКЪ (ЖАДНОСТЬ / СКУПОСТЬ), ДЖУТ АДАМ (ЖАДНЫЙ / НЕНАСЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК), ДЖУТЛУКЪ (ЖАДНОСТЬ / НЕНАСЫТНОСТЬ), МАЛКЁЗЛЮК (АЛЧНОСТЬ);

3) лживости: ЁТЮРЮК / АЛДАУУКЪ (ЛОЖЬ / ОБМАН), ДЖАЛГЪАНЛЫКЪ (ЛОЖНОСТЬ / ФИКТИВНОСТЬ), АЛДАУУКЪ ХАПАР (ВЫДУМАННЫЕ СЛУХИ);

4) трусости: КЪОРКЪАКЪЛЫКЪ / КЪЫЗБАЙЛЫКЪ (ТРУСОСТЬ), КЪОРКЪАКЪ / КЪЫЗБАЙ АДАМ (ТРУСЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК).

Все упомянутые в данном параграфе (а также в остальной части Кодекса) народные ценности являлись жизненным ориентиром карачаевцев и балкарцев на протяжении веков: с момента обособления их как отдельной этнической группы в конце раннего Средневековья (история алано-асских предков)

(Лайпанов, 1998, с. 62-64) и по нынешний день в эпоху информационных технологий. Эти ценности определяли их поведение и жизненные устои на всех этапах исторического развития.

Верность данным ценностям позволила карачаево-балкарскому народу с благородством пережить один из самых значимых и тяжелейших периодов своей истории – уже неоднократно упомянутый в нашей работе – период депортации. Во время Великой Отечественной войны карачаевцы и балкарцы были ложно обвинены в связях с немецкими оккупантами и насильственно переселены на территории Средней Азии (2 ноября 1942-го и 8 марта 1943-го года соответственно). Период депортации приравнивают к геноциду карачаево-балкарского народа, так как переселение происходило в жесточайших условиях. Без права перевозки крупного багажа, карачаевцы и балкарцы были вынуждены выходить из домов практически с пустыми руками и без предварительного предупреждения, на сборы давалось максимум 2 часа. Перевозили их в товарных вагонах, не предназначенных для транспортировки людей, многие погибли в пути – часть от голода, часть от болезней. На местах прибытия переселенцев не жаловали, воспринимая как врагов родины, там народу пришлось начинать жизнь буквально с нуля при минимальной помощи от местных соседей. В 1957-м году новая власть реабилитировала карачаево-балкарский народ и позволила вернуться на их малую родину.

Данный этап оставил прочный след в народном сознании карачаево-балкарцев и привёл к образованию метаконцепта ДЕПОРТАЦИЯ (кар.-бал. КЁЧГЮНЧЮЛЮК). Напомним, что данный термин был введен Г.Г. Слышкиным и определяется следующим образом: «метаконцепт – ментальная единица, возникшая в результате осмысления носителями языка продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования (такие, как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс)» (Слышкин, 2004, с. 107). Метакоцепт как бы является «концептом над концептами», вбирающим в себя ряд других абстрактных концептов, и структура которого определяется понятийным, эмоциональным (образным) и ценностным аспектами

(Меньшикова, 2007, с. 62). Исходя из последнего элемента его структуры, очевидно, что метаконцепт является релевантным объектом не только лингвокультурного, но и лингвоаксиологического анализа. В случае метаконцепта ДЕПОРТАЦИЯ его структуру можно охарактеризовать следующим образом:

- 1) понятийный аспект – сам факт насильственного переселения народа с исторической родины;
- 2) эмоциональный (образный) аспект – перенесённые предками в данный период трудности и лишения, скорбь о жертвах геноцида;
- 3) ценностный аспект – почитание данного периода как одного из фундаментальных факторов формирования нынешнего характера и жизненного уклада народа, уважение к труду и упорству, позволившим предкам пережить геноцид.

Стоит отметить, что при буквальном переводе лексемы КЁЧГЮНЧЮЛЮК, используемой карачаевцами и балкарцами для обозначения депортации, мы получим совершенно нейтральную единицу «переселение», не наделённую какой-либо оценочной нагрузкой. Однако при рассмотрении данной лексемы в историческом и социальном контексте, неоспоримо присутствие негативной оценки при её восприятии. Сегодня недовольство вызывает и то стечение обстоятельств, при котором день национального траура балкарцев в память о жертвах переселения (8 марта) совпадает с государственным праздником Международным женским днём.

Метаконцепт КЁЧГЮНЧЮЛЮК (ДЕПОРТАЦИЯ) реализуется через следующие абстрактные концепты: ДЖУРТ (РОДИНА), ДЖОЛ (ДОРОГА), РАЗЛУКА (АЙЫРЫЛЫУ / КЕТИУ), СЫЙ (ЧЕСТЬ), НАМЫС (НРАВСТВЕННОСТЬ), КЪЫЗГЪАНЧЫЛЫКЪ (ЖАДНОСТЬ), ДИНЧИЛИК (НАБОЖНОСТЬ), АЛЛАХНЫ БУЮРГЪАНЫ (ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ), МАМЫРЛЫКЪ ДЖАШАУ (СПОКОЙНАЯ / БЛАГОПОЛУЧНАЯ ЖИЗНЬ), АЗАБ ДЖАШАУ (ГОРЬКАЯ ЖИЗНЬ), ТУУГЪАН ДЖЕРИМ (МОЯ РОДИНА / МЕСТО РОЖДЕНИЯ), КЪАРНАШЛЫКЪ (БРАТСТВО), ХАЛАЛ КЪЫЙЫН /

УРУНУУ (ЧЕСТНЫЙ ТРУД), НАМЫСЛЫ АДАМ (ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ), НАМЫСЛЫЛЫКЪ (СОВЕСТЛИВОСТЬ / НРАВСТВЕННОСТЬ), ЭРКИНЛИК (СВОБОДА / ВОЛЯ), БАШЫНА ЭРКИНЛИК (НЕЗАВИСИМОСТЬ / СУВЕРЕННОСТЬ / САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ), САТЫЛЫУ (ПРЕДАТЕЛЬСТВО), КЪРАЛНЫ САТЫУ (ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА), ДЖАЛГЪАНЛЫКЪ (ЛОЖНОСТЬ / ФИКТИВНОСТЬ), АЛДАУУКЪ ХАПАР (ВЫДУМАННЫЕ СЛУХИ), ЁЛЮМ / АДЖАЛ (СМЕРТЬ), АЧЛЫКЪ (ГОЛОД), КИШИ ДЖУРТ (ЧУЖБИНА), КИШИ АДАМ (ЧУЖАК) и т.д.

Большую часть первичных для метаконцепта КЁЧГЮНЧЮЛЮК (ДЕПОРТАЦИЯ) концептов составляют аксиологические концепты, в основе которых центральные ценности карачаево-балкарской культуры. В обоснованности их включения в данный ряд можно убедиться при интенциональном подходе к воспроизведению событий и обстоятельств, характеризующих период 1942-1957 годов для карачаевцев и балкарцев. Ложно обвинённые в ИЗМЕНЕ родине, они в кратчайшие сроки насильственно депортированы на ранее невиданную землю. И в дороге, и по прибытии их сопровождают голод и холод, так как карачаевцев переселили в конце осени, и обзавестись скотом и урожаем к первым зимним холодам они не успели. Ухудшению ситуации способствуют заранее распространённые среди местного населения ложные СЛУХИ о каннибализме и государственной измене новоприбывших. Большая часть здоровых мужчин на фронте, трудиться приходится в основном женщинам и детям. Однако карачаево-балкарцы не унывают, надеясь на помощь Всевышнего и продолжая ВЕРИТЬ в мудрость Его ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ. Благодаря взаимопомощи, упорному ЧЕСТНОМУ ТРУДУ и участию некоторых местных, им со временем удается наладить ЖИЗНЬ на новом месте, а через 14 лет геноцида, результатом которого становится статистика в более чем 70 000 СМЕРТЕЙ, они наконец получают СВОБОДУ. Жизнь не упрощается автоматически по возвращении на РОДИНУ, здесь тоже нужно строить всё с чистого листа. Тем не менее, после долгих лет лишений и страданий братские НАРОДЫ всё же возвращаются к СПОКОЙНОЙ и БЛАГОПОЛУЧНОЙ ЖИЗНИ. Таким образом, даже в обыденном описании

наивного восприятия феномена депортации карачаево-балкарского народа значительную часть составляют базовые вербализаторы аксиологических лингвокультурных концептов.

Из всего вышеприведённого, можно сделать вывод о том, что карачаевцы и балкарцы, несмотря на территориальную обособленность, остаются братскими народами, объединёнными общим карачаево-балкарским языком, маркирующим и концептуально-валерную систему как основу единения народа. Изучение этого языка позволяет понять, как внешние исторические, политические и экономические факторы могут влиять на судьбы целых народов, налагая отпечаток на их язык и культуру.

Карачаево-балкарский язык представляет собой богатый лексический пласт, активно впитывающий элементы различных культур и языков. Его развитие на протяжении веков отражает не только исторические изменения, но и культурное восприятие народа, способствуя формированию уникальной языковой картины мира. Заимствования, начиная от исконных тюркизмов и заканчивая русизмами, подчёркивают динамичную взаимосвязь между языком и окружающей реальностью.

Анализ аксиологических лингвокультурных концептов подчёркивает их значимость в формировании и передаче культурных и нравственных ценностей народа. Эти концепты служат не только связующим звеном между различными культурами, но и отражают уникальные мировоззренческие установки, присущие конкретным этническим группам.

Система моральных норм и ценностей, представленных в этических кодексах народов Северного Кавказа, демонстрирует, как традиции и коллективные представления формируют социальное поведение и взаимодействие. Завет (Осият) в контексте «Ёзден адет» иллюстрирует основные требования к поведению и моральные устои карачаево-балкарцев, которые передаются сквозь поколения, обеспечивая сохранение культурной идентичности.

Таким образом, аксиологические концепты играют ключевую роль в культуре, обеспечивая трансляцию семантического компонента норм и

ориентиров, которые не только связывают индивидуальные и коллективные ценности, но и способствуют межкультурному диалогу, обогащая общее человеческое сознание.

Метаконцепт ДЕПОРТАЦИЯ, обрамляющий трагический опыт карачаево-балкарского народа, является не только отражением исторической неизбежности, но и живой памятью о стойкости и упорстве людей, выдержавших жестокие испытания. Этот концепт помогает сохранить в языковом сознании народа ценности, связанные с честью, родиной и нравственностью, что служит устойчивым основанием для их идентичности. Следовательно, осознание метаконцепта ДЕПОРТАЦИЯ может стать важным шагом к укреплению национального самосознания и бережному отношению к культурным традициям, способствуя тем самым восстановлению и сохранению идентичности карачаево-балкарского народа в условиях современности.

1.3. Ценностный пласт лингвокультурного концепта как база экспликации аксиологических доминант

Находясь на таком неоднозначном этапе развития человечества, характеризующемся резкими сменами научных парадигм, а также возникновением всё новых научных направлений на стыке уже сформировавшихся дисциплин, что обосновано актуальными вопросами современных исследователей, для решения которых оказались недостаточными теоретические и методологические базы фундаментальных наук, вполне логичной оказывается востребованность работ, фокусирующихся на исследовании таких основополагающих категорий философии, как «оценка» и «ценность», ведь именно данными категориями руководствуется человечество, принимая решение о необходимости развития того или иного вида деятельности.

Будучи широко исследованными в рамках философской дисциплины аксиологии, данные категории, тем не менее, стали объектом изучения и в рамках других наук, таких как правовая аксиология, социология, психология, культурология, лингвокультурология и лингвоаксиология. В рамках нашего исследования, соответственно, акцент будет сделан на рассмотрении «оценки» и «ценностей» как лингвокультурологических и лингвоаксиологических категорий, но для начала обратимся к толкованию данных понятий с разных научных точек зрения.

В зависимости от культурного периода и идеологии понятие ценностей трактовалось по-разному. Рассматривая эпоху античности, мы увидим, что, обращаясь к проблеме ценностей, мыслители, как правило, занимались обсуждением сущности красоты, добра, зла. Средневековье связывало ценности с божественным началом; в эпоху Ренессанса определяющее значение имели ценности гуманизма, в Новое время научный прогресс установил базовый принцип выделения предметов и явлений как ценностей, а в XVII веке в роли ценностей впервые воспринимают Волю, Свободу, внутреннюю активность человека (Лавриненко, 1998).

Философская энциклопедия дает следующее определение: «ценность – это «невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности – в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения своего «достояния» в тайниках сердца (аспект прошедшего), которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие» (НФЭ). Данная дефиниция подчеркивает субъективность и отсутствие вербальных коррелятов ценностных доминант, с чем мы не можем согласиться.

В определениях некоторых исследователей понятие ценности включает в себя поведенческий аспект. С точки зрения Е.В. Бабаевой, ценности выступают в роли главных жизненных ориентиров человека, задающих вектор его деятельности и устанавливающих стандарт его поведения (Бабаева, 2004, с. 60), в то же время А.Н. Усачева утверждает, что ценности – это «исторически

сложившиеся, обобщенные представления людей о типах своего поведения, возникшие в результате оценочно-деятельностного отношения к миру, образующие ценностную картину мира, закрепленную в сознании представителей отдельного этноса и зафиксированную в языке этого этноса» (Усачева, 2002, с. 26). В концепции В.Е. Чернявской ценности также воспринимаются как устоявшиеся воззрения, интерес субъекта к некоему объекту (Чернявская, 2004, с. 109).

Ядро ценностной сущности включает следующие характеристики (Данильян, 2006, с. 411):

1. Ценности по своей природе социальны и строятся на объектно-субъектных связях. Вполне логично, что в изоляции от общества нет смысла рассуждать о понятии ценностей. Следует подчеркнуть, что, как таковые, вещи и события без их отношения к человеку, к общественной жизни не имеют связи с ценностями. Следовательно, ценности по умолчанию считаются человеческими ценностями и имеют социальную значимость. Таким образом, можно говорить о прагматике ценностной составляющей в объективном мире, так же как о прагматике знака в его функциональном употреблении в дискурсе.

2. Основой формирования ценностей служат ежедневные события в жизни человека. Любые действия человека продиктованы определённой целью, на реализацию которой и направлена его деятельность. Предполагаемый результат рассматривается индивидом в начале его деятельности в качестве ценности. Ввиду этого, человек и выполняемые им для достижения цели задачи воспринимаются им как существенные, ценностные для него. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что к ценностям можно относить лишь общественно значимые результаты, удовлетворяющие общественные нужды. На основе этого можно заключить, что формирование ценности происходит в условиях пересечения областей значимости различных представителей лингвокультурного сообщества в коммуникативных практиках и создания общего пространства релевантности (Бредихин, Серебряков, Манаенко, 2024).

3. Необходимо проводить границу между понятиями «ценность» и «значимость». Данные понятия коррелируют, но не тождественны друг с другом. Понятие значимости включает в себя уровень мощности, интенсивности ценностного восприятия. Кроме того, понятие значимости может проявляться и в негативной сущности, то есть относиться не только к ценностям, но и к «антиценностям». Представляя собой колоссальную важность для общества и личности, зло, общественное неравенство, войны, преступления и заболевания, тем не менее, не могут восприниматься в качестве ценностей. Из этого можно сделать вывод, что понятие «значимость» глубже, чем понятие «ценность». Ценность следует характеризовать как положительную значимость, в то время как явления, отрицательно сказывающиеся на общественном развитии, можно интерпретировать как отрицательные значимости. Таким образом, ценность – это не значимость любого рода, а именно та, которая оказывает положительное воздействие на жизнь человека, социальных групп или социума в принципе.

4. Каждая ценность обладает двумя основными характеристиками: функциональным значением и личностным смыслом. Функциональное значение ценности представляет собой сумму общественно важных свойств и функций, которые делают предметы или идеи ценными в конкретном обществе. К примеру, любая идея имеет своё информационное содержание и уровень достоверности. Личностный смысл ценности заключается в её связи с потребностями индивидов. Личностный смысл каждого человека, с одной стороны, формируется объектами, которые выполняют роль ценностей, а с другой стороны, он зависит от самого индивида. Таким образом, субстанциональные характеристики ценностного пространства демонстрируют дихотомичность, основанную на противоборстве векторов интимизации и конвенционализации различных пластов ценностной структуры (Бредихин, Пелевина, 2021).

5. Ценности, по своей сути, являются объективными. Это утверждение может вызвать дискуссии. Дело в том, что ранее упоминалось: в отсутствие субъекта не имеет смысла говорить о ценности. Ценность является понятием,

которое зависит от восприятия отдельного человека, его эмоций, желаний и чувств. Это означает, что она имеет субъективный характер. Также стоит отметить, что для конкретного индивида объект теряет свою ценность, как только он перестаёт вызывать интерес или не удовлетворяет его потребности. Проще говоря, без учёта субъекта и связи объекта с его желаниями и интересами, ценность не существует. Однако формирование концептуально-валерной системы индивида происходит в рамках диктата ценностно-ориентационных установок лингвокультурного сообщества, или иной социумной группы, таким образом привязка личностных ценностей к соответствию «общественным стандартам» представляется хотя и факультативной, но в высшей степени желательной.

В философских кругах существуют различные мнения о понятийной сущности ценностей. Первые попытки облачить данное понятие в термин восходят к середине XIX века и принадлежат немецкому физиологу и философу Р. Лотце, определившего ценностям отдельное поле, оторванное от фактов объективной реальности и не предполагающее рациональный подход к восприятию их действительности. Подобное вычленение подчеркнуло актуальность категории «ценность» для сфер, связанных как с бытийной составляющей, так и информативной. О.Г. Дробницкий и А.А. Ивин выражают солидарность со взглядами Р. Лотце, придерживаясь той позиции, что в ценностях находят отражение как негативные, так и положительные потребности индивида и коллектива, из чего следует выделение таких категорий как положительные и негативные ценности. Между тем, из-за парадоксальности идеи негативных ценностей, подобная терминология стала объектом научных дискуссий. Данный подход к рассмотрению термина препятствует синонимизации его с аспектом значимости, так как степень значимости, помимо ценностей, могут характеризоваться и антиценности. С аксиологической точки зрения объект может получить положительную, негативную или нейтральную оценку (Гранин, 1987, с. 66).

В категории ценностей находит воплощение компонент практичности, демонстрирующий степень значимости того или иного объекта для человеческой

жизнедеятельности и развития. Данная категория имеет отношение к предпочтениям как обособленных индивидов, так и целого коллектива. Важно заметить, что факт наличия ценностей не подразумевает их функционирование в каком-то отдельном поле. Сущность единиц данной категории определяется спецификой взаимодействия материальных элементов и феноменов, из чего следует вывод о независимости их детерминации. При этом будет ошибочно заявлять об абсолютной оторванности ценностей от субъекта, поскольку человек является главным источником оценочных суждений и когнитивных интерпретаций. Перечисленные свойства наводят на восприятие ценностей не просто как вещественного объекта, а как показатель соответствия определённым личностным критериям. Формирование ценностей происходит исходя из фактических условий функционирования. (Андрюхина, 2010, с. 55).

Несмотря на долгие столетия изысканий в области аксиологии, учёным до сих пор не удалось унифицировать типологическую систему ценностей. Однако, разбор публикаций большого количества экспертов в данном направлении позволяет нам выявить тенденцию к выделению типов ценностей исходя из поля их функционирования (естественные / цивилизационные / социально-значимые ценности), способов проявления (вещественные / идеальные / гибридные), природы (физические / гуманистические / эстетические / когнитивные), практичности в повседневных делах человека (фундаментальные / консьюмеристские ценности) и т.д. Распространено формальное распределение ценностей на позитивные и негативные, контекстуальные и универсальные, личностные и фактологические ценности (Кадачиева, Абдулкадырова, 2018).

Имеет смысл проанализировать классификации, выдвигаемые конкретными учёными-лингвистами. В понимании языковеда А.В. Головановой ценность является отражением субъектно-объектных отношений, в связи с чем рациональным представляется изучение ценностей через анализ мировоззрения, определяющего специфику этих отношений. В работе данного лингвиста ценности объединяются в следующие группы: 1) гуманистические, 2) эстетические, 3) консьюмеристские, 4) чувственно-ориентированные (Голованова, 2002, с. 6).

Тем временем, в классификации Е. Ф. Серебренниковой ценности распределяются на 5 особых зон функционирования: 1) сфера Истины (интерпретация ценности осуществляется через дихотомию истинного и ложного); 2) сфера Эстетики (ценность осмысливается в рамках эстетической дихотомии прекрасного и безобразного); 4) сфера Наслаждения (ценностное содержание анализируется через оппозицию благого и вредного); 5) сфера Утилитарности (аксиологический статус определяется по критериям прагматической значимости) (Серебренникова, 2011, с. 29). На основе такой классификации возникает мнение о том, что вербальная экспликация той или иной ценностной сферы маркирует форму трансляции того или иного вида модальности (алетической, деонтической, аксиологической, эпистемической).

Анализ лингвокультуры в ценностно-смысловом контексте представляет собой основополагающий метод лингвокультурологии. Проблематика лингвокультурологии обязывает обращаться к таким категориям, как ценности, оценки и смысл. Данное положение непреложно.

Ценности обычно интерпретируются как сформировавшиеся представления о значимостях определённых объектов для индивида (Чернявская, 2004, с. 109). С такой точки зрения ценность становится одной из разновидностей значения. Чтобы правильно использовать концепцию ценности в области лингвокультурологии, работы С.Н. Виноградова приобретают особое значение. Учёный трактует ценность как «идеальное образование, отражающее важность (значимость, сущность) предметов и событий реальной действительности для общества и отдельного человека, проявляющееся в различных аспектах человеческой деятельности» (Виноградов, 2007, с. 93). Эти идеи С.Н. Виноградова помогают лучше понимать ценности в контексте культуры и языка, подчёркивая их роль в формировании восприятия окружающего мира и социальных связей. Осмысление данного аспекта приобретает принципиальное значение в перспективе дальнейших социо- и культурно-лингвистических исследований.

Рассматривая различные взгляды на категорию ценности под углом философской и лингвистической наук, Г.Г. Слышкин резюмирует, что ключевое различие этих аналогичных и одноимённых категорий состоит в том, что в философском понимании ценность ассоциируется лишь с положительными значениями, тем времени языковедческие исследования изучают как ценности, так и антиценности. Более того, в значительном числе случаев с языковой точки зрения отрицательные ценности представляются более релевантными и информативными (Слышкин, 2004). Примером исследований в подобном ключе может служить работа В.И. Карасика, акцент в которой сделан на изучении концепта ЛЕНЬ (Карасик, 2004, с. 114-119) Исследования Т.А. Светоносковой позволяют прийти к выводу о поляризованной структуре организации ценностей, согласно которой в системе ценностных координат каждой ценности соответствует дихотомическая антитеза (Светоноскова, 2006).

В данной интерпретации огромную значимость приобретают воззрения С.Г. Воркачёва о бинарно-семантическом единстве представления скалярных и оппозиционных парадигм, репрезентирующих позитивную или негативную оценку генерализованного содержания (Воркачев, 2022).

Как вид реализации ценностного компонента, параллельно с ценностью, лингвистической и общей аксиологией изучается и категория оценки.

В качестве философской категории, оценка привлекала к себе внимание мыслителей еще в древности, однако и на нынешнем этапе развития человечества остается одним из самых актуальных предметов обсуждения в современных научно-исследовательских кругах. В философии, в частности, оценка осмысливается как «акт установления соответствия или несоответствия оцениваемого феномена принятым субъектом ценностям (как положительным, так и отрицательным), на которые ориентирован субъект ценностного отношения» (ФЭС, 1983, с. 671).

Теория познания характеризует аксиологическую оценку как абстрактное понятие, представляющее собой разновидность оценочного восприятия человеком действительности. Оценка проецирует потребности и склонности

личности, отражает его негативное или, наоборот, равнодушное отношение к тем или иным объектам или событиям. Она выражает позицию субъекта в системе общественных отношений и в культуре. В подобное положение необходимости ценностного ориентирования индивид попадает лишь в ситуации обязательного выбора жизненного вектора. Как следствие определённого выбора из предложенного спектра объектов или возможностей, происходит установка оценочной системы в качестве внутреннего стимула и регулирующей силы, служащей как непрерывный механизм соотношения положительного и отрицательного. В структуру системы оценок входят два уровня: 1) перцептивно-опытный; 2) смыслообразующий, на котором формируется концептуальный фундамент человеческой реальности. Данная система обеспечивает функционирование субъектно-объектных ценностно-смысловых отношений, в то время как её личностно-эмоциональная составляющая проявляется в ментальной области данных отношений. В основе перцептивно-опытного типа оценочных связей лежит определённым образом сложившееся эмоциональное состояние, находящееся под непосредственным влиянием естественных или социальных нужд индивида. К определению конкретной ценностной позиции человек приходит впоследствии установления чёткой жизненной цели. В случае коллективного субъекта данная позиция складывается из мировоззрений всех личностей, воспринимающих себя членами общности. В прямой взаимосвязи с экзистенциальными переживаниями личности находится фундаментальная система оценок, воспринимаемая как уникальный научный ресурс, обладающий высокой вариативностью. Проявления данной вариативности можно наблюдать как на различных уровнях организации жизни, так и в более широком понимании мира, включая индивидуальное мировоззрение и коллективное восприятие общества или исторической эпохи. В зависимости от их значения, объекты оценки можно классифицировать на три категории: ценности, антиценности и неценности (Андрюхина, 2010, с. 54-55).

В работах В. А. Блюмкина оценка трактуется с двух сторон: как процесс оценивания и как его результат, выражающийся заключением о важности

оцениваемого объекта для субъекта. Иными словами, оценка ценностей определяет, соотносятся ли между собой свойства конкретных феноменов или предметов и стремления общества, данная взаимосвязь складывается в процессе целенаправленной социальной активности (Блюмкин, 1981, с. 6). Посредством оценки у человека формируются отношения как с окружающей действительностью, так и напрямую с другими людьми, внедряя его в общественную систему ценностей.

Особо подчёркивает значимость оценочного компонента и Е.Ф. Серебренникова, обосновывая свою позицию тем, что он является неотъемлемой составляющей теории истины, а также теории и практики интерпретации (Серебренникова, 2011, с. 34). При необходимости оценить предмет или феномен, индивид должен его осмыслить. К тому же оценке подвергаются только предметы, связанные с физическими или духовными потребностями индивида и социума.

Несмотря на взаимную корреляцию понятий «оценка» и «ценность», для них характерны и значительные различия. О.Г. Данильян описывает их следующим образом (Данильян, 2006, с. 415).

Прежде всего, если существует некая ценность, то это связано с объектом оценки, а сами процесс оценки – это ментальный акт, в результате которого устанавливается значение данного объекта для человека. Когда мы находим предмет или его характеристики полезными, приятными, добрыми, красивыми и так далее, происходит момент оценивания.

Во-вторых, в отличие от ценности, которая всегда имеет положительный аспект (невозможно говорить о «отрицательных ценностях»), оценка может принимать как положительное, так и отрицательное направление. Человек способен воспринимать определённый объект или его качество не как полезное, а как вредное, оценивать поступок другого как плохой или аморальный, а просмотренный фильм как бесцельный, без глубокого содержания и т. д. Все подобные высказывания относятся к оценкам.

В-третьих, объективная ценность возникает как результат практического подхода. В то же время, субъективная оценка зависит от различных факторов. Она не только базируется на качестве самой объективной ценности, но и подвержена влиянию социальных и индивидуальных характеристик человека, осуществляющего оценку. Это подразумевает, что одно и то же явление может быть воспринято и оценено по-разному людьми, живущими в одной временной параллели.

В рамках логико-философской парадигмы сущностные черты категории оценки определяются как аналогичные по значимости другим репрезентативным характеристикам элементов объективной действительности, однако отмечается, что данная характеристика для предмета не является аутентичной, такой как, например, форма, состав материала или цвет. Данная характеристика целиком обусловлена личными предпочтениями индивида и его отношением к действительности. Аутентичные характеристики, напротив, зафиксированы природой предмета, транслируют объективные показатели рассматриваемого феномена, в то время как оценка показывает заключение о предмете только на основе личных суждений индивида, другими словами, представляет собой контекстуальную, индивидуальную характеристику (Толстая, 2015, с. 11). Как пишет Спиноза, «никакая вещь не может быть ни хорошей, ни дурной, если она не имеет с нами чего-либо общего» (цит. по: Арутюнова, 1988, с. 21).

Как с логической, так и с языковой позиций, оценку разделяют на общую и частную. В общей оценке заключается абстрактное, генерализированное восприятие предмета, исходящее из системной интерпретации его разных свойств и параметров (например, хорошим обед можно назвать, если он аппетитный, насыщенный и горячий; при оценке можно брать во внимание и сервировку стола, и антураж, и стоимость и т. д.). В трансляции общей оценки могут участвовать как единицы нейтральной лексики (качественный / некачественный), так и экспрессивной (роскошный / волшебный / омерзительный). Демонстрируя, как правило, субъективный взгляд на предмет, частная оценка затрагивает специфические параметры и признаки объекта, из чего

следует акцент в данном случае на субъекте оценки и его собственных жизненных ориентирах, а не на объекте оценки.

Субъективная оценка подразумевает анализ объекта с различных сторон его понимания, в связи с чем их подразделяют на гедонистические (эмоциональные состояния, оценочные суждения и реакции индивидов могут трактоваться по-разному), этические (дающие оценку предмету с точки зрения морали: милосердный, терпимый, жадный), эстетические (объединяют различные проявления прекрасного: изящный, элегантный), утилитарные (значимость предмета, явления, феномена для продуцента высказывания в симпраксическом аспекте). Оценка всегда в той или иной степени компаративна и может отражаться как в абсолютном противопоставлении (отличный – ужасный), так и в относительном сравнении (лучше – хуже) (Толстая, 2015, с. 12-13).

В лингвистических штудиях, не ограничиваясь лишь позицией модальной логики, такие образцовые виды оценки, как «хорошо», «плохо», «безразлично», получили развитие в классификациях с достаточно богатой семантикой. Классификационные структуры были связаны не с теорией противостояния добра и зла, а со значением, обретаемым оценочной единицей в широком диапазоне применения. Г.Х. фон Вригт, логик из Финляндии, предложил в максимальной степени полную классификацию оценок. В основе данной классификации лежит употребление носителями языка прилагательного *good* и его антонимов:

- 1) инструментальные оценки (хороший нож);
- 2) технические оценки (плохой специалист);
- 3) оценки благоприятствования (плохой / вредный для здоровья);
- 4) утилитарные оценки (хороший совет);
- 5) медицинские оценки (хорошее сердце);
- 6) гедонистические оценки (хорошая шутка) (Wright, 1963, p. 17).

Как логичный итог стремительного повышения интереса к ценностям как объекту изучения не только философии, но и лингвистики, в конце XX века формируется новое направление, названное аксиологической лингвистикой или

лингвоаксиологией. Приоритетной проблематикой данной отрасли стало установление методологии и технологии исследования внутренней природы речевого субъекта, его индивидуальных ценностных установок, а также ценностных ориентиров всего языкового коллектива на материале соответствующего языка (Серебренникова, 2011, с. 18-19).

Оценка – это своего рода способ бытия ценностей. Для лингвокультурологии приоритетное значение имеют оценки, получившие словесную репрезентацию. Ряд лингвистических областей, включающий семантику, языковые и речевые способы формулирования мысли, парадигматические отношения, в основе построения которых лежат принципы языковой вариативности и отбора языковых репрезентаций (содержательно экспрессивная синонимия, лексико-фразеологический полиморфизм и т.п.).

Таким образом, как идеалистичные образования, ценность и оценка не подвержены субъективному восприятию и проявляются безотносительно рефлексивных обращений нашего сознания. Они обусловлены выбранным лингвистическим оформлением и принятым способом речемыслительной активности или когнитивным стилем. Понятие выбора занимает особое место в культурно детерминированной сфере человеческой деятельности, а также является неотъемлемой составляющей лингвокультуры. Следовательно, подобно культуре в целостном её проявлении, ценность сопряжена с деятельностью и занимает в ее системе конструктивную позицию. Неоспоримым является утверждение, что личность постоянно к чему-либо тяготеет, а к чему-то наоборот чувствует отвращение. В то же время человеческой оценке подвергаются действия членов окружающего социума и достигнувшие индивида бытовые ситуации, а также его личная манера поведения. Эта оценка и составляет базу его последующих жизненных выборов (Алефиренко, 2010, с. 74).

На примере современного английского языка И.В. Чекулай активно развивал функциональный подход к рассмотрению принципов оценочной категоризации (Чекулай, 2006). Будучи сторонником концепции об объективной сущности ценностей, лингвист особо подчёркивает утверждение о том, что

ценности представляют собой не конкретные объекты и феномены, а образно олицетворяют их индивидуальные и неотъемлемые свойства и признаки. Принимая своё знакообозначение, предмет обособляется от субъекта, присудившего ему тот или иной символ (независимо о того, индивидуальный это субъект или коллективный). В связи с этим, все концепты приравниваются к ценностям, без учёта того, транслируют ли они ценность в её традиционном или исследовательском понимании. Опираясь на труды Р.М. Хэйра, автор выдвигает предположение, что все слова, в результате дискурсивно-метафорического мышления, преобразуются в слова-ценности (Hare, 1952).

В языке заложен широкий спектр вариантов экспликации оценочных суждения. В рамках это спектра представлены ценностно-маркированная лексика (главным образом к данной категории относятся прилагательные и оценочные существительные и глаголы), паремиологический фонд языка, словообразование, интонация, передающая разнообразие эмоций, а также, разумеется, специальные эмотивно-оценочные высказывания (предостережение, благословение и т.д.) и «малые» оценочные тексты (заповеди, заклинания и т.д.). Однако высказывание может иметь очевидный оценочный характер и при отсутствии особых оценочно-маркированных единиц, в случае если в высказывание заложено описание значимых в определённой картине мира обстоятельств (Вольф, 1985, с. 7).

Структурирование и разделение ценностей может осуществляться по ряду оснований. Для аксиологической литературы характерно использование широкого спектра различных классификаций. К примеру, существует следующее разделение: базовые ценности (дом, свет, тепло, мир), витальные (здоровье, ум, жизнь, реализация, счастье), цивилизационные ценности (солидарность, толерантность, любовь, мир, благосостояние), идеологические ценности (вера, либерализм, патриотизм), моральные ценности (справедливость, милосердие, почитание старших, святость), эстетические (гармони, органичность, элегантность). К понятию ценностей, как правило, обращаются с отсылкой к общепринятым оценкам, нормам и установкам, согласно которым

действует преобладающая часть общества. В связи с этим можно утверждать, что главным критерием утверждения ценностей служат совокупные взгляды общества в целом, а нормы определены традицией (Толстая, 2015, с. 14).

Большинство оценок в народной культуре являются нормативными, то есть они соответствуют стандартам и стереотипам, установленным традицией; индивидуальные суждения и предпочтения зачастую нивелируются в коллективной концептуально-валерной системе. В этой системе оценок субъектом выступает всё общество и сама традиция. Таким образом, в народной культуре не существует формализованной «теории» о добре и зле. Мы делаем выводы на основе косвенных сигналов – предписаний (всё, что предписано, считается хорошим) и запретов (всё, что запрещено, считается плохим), а также позитивных и негативных мотивационных объяснений ритуальных действий (Толстая, 2015, с. 26).

Что касается лексического аспекта, с этой точки зрения классификация оценки на рациональную (интеллектуальную) и эмоциональную себя оправдывает. Преследуя своей целью выразить в максимальной степени индивидуальное, весьма своеобразное заключение говорящего об упоминаемом объекте, последовательности действий или явлений, эмоциональная оценка характеризуется высоким уровнем субъективности, так как не берёт во внимание фактические параметры обсуждаемого объекта. (Черкас, 1999, с. 74). В эмоциональной оценке заключается индивидуализированная обратная связь человека с предметами и феноменами, составляющими окружающую действительность и волнующими эмоциональное пространство автора, которое также дополняется его жизненными ориентирами, нравственными принципами, в связи с чем объект рассуждений понимается как значимый для субъекта (Болдырев, 2000, с. 14). Отличие рациональной оценки состоит в том, что она предполагает рассмотрение объекта с точки зрения удовлетворения им установленных требований, которые могут быть выражены большим спектром параметров, таких как нравственные (добро – зло), вкусовые (красота – уродство), интеллектуальные (ум – глупость), признаковые (большой –

маленький) и другие. Кроме рациональной и эмоциональной составляющих, оценка также может основываться на сенсорном опыте индивида. Сенсорное восприятие связано с осмыслением окружающего мира через органы чувств и описанием его в соответствующих категориях: вкусный – невкусный, жесткий – мягкий и так далее (Болдырев, 2000, с. 13). Подобное разделение имеет весьма условный характер, ввиду нереальности функционирования в живом языке сугубо эмоциональной оценки, потому как сущность живой речи не предполагает полного отсутствия рационального аспекта (Майсюк, 2003, с. 160).

В рамках языковых исследований был разработан ещё один способ описания оценки – на уровне формулировки и структуры (Лужнёва, 2004, с. 75). Т. Лужнёва представляет разделение форм репрезентации оценки следующим способом: 1) лексический (однословный, фразеологически оформленный); 2) деривационный (аффиксальный); 3) грамматический (синтаксический (изложенный в словосочетании или предложении), морфологический (предусматривающий степени сравнения, модальные глаголы, повторения); 4) интонационный (посредством графической репрезентации); 5) коммуникативный (организация текста); 6) стилистический (учитываются все экспрессивные средства). Со структурной точкой зрения оценочные значения подразделяются на общеоценочные и частнооценочные (Лужнёва, 2004, с. 9).

Действующий в данный период развития науки языковой подход требует особого внимания в рассмотрении оценки в условиях семантико-прагматического взаимодействия. Впервые разработкой проблемы оценки в рамках прагматической парадигмы занялись последователи теории речевых актов в 70-е гг. XX в. По их мнению, первостепенная задача оценочных высказываний состояла «не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выразить эмоции и отношения между участниками коммуникации» (Черкас, 1999, с. 72). Их теория предполагала, что оценочные суждения характеризуются крайне точной направленностью, что объясняется их чёткой задачей спровоцировать адресата на конкретную эмоциональную реакцию, сформировать настрой. Это

свидетельствует о вовлеченности не только семантического, но и прагматического компонента языковой ситуации.

По форме воздействия оценки на адресата, её разделяют на имплицитную и эксплицитную (Клушина, 2008). Несмотря на свою открытую сущность, последняя характеризуется довольно редким проявлением, что объясняется ее двойкой природой воздействия на реципиента. Внедрение данного типа оценки требует применения своего рода «ярлыков, которые мгновенно воспринимаются адресатом, не требуя усилий для их декодирования» (Клушина, 2008, с. 42). Однако простота интерпретации перестает быть чем-то приоритетным как логичное следствие трансляции текстов с очевидным пропагандистским содержанием, включающим компоненты эксплицитной оценки, что преимущественно ведёт к неприятию текста адресатом. В настоящее время, благодаря своей способности внедрить в сознание реципиента предустановленные суждения, имплицитная оценка представляется наиболее востребованной (Клушина, 2008, с. 40).

В традиционном наивном типе миропонимания, опирающемся на мифологические воззрения, оценка может быть интегрирована в абсолютно все её элементы: представители флоры и фауны, время и локация, цвет и число и т. д.; всё, что окружает человека – вне зависимости от того, объект это или явление – может иметь как отрицательный, так и положительный характер, может способствовать благосостоянию человека или нести угрозу для него. Оценочными свойствами в этой ситуации, как правило, наделяются и образы, которые преимущественно не входят в ценностную систему лингвистической картины мира (Толстая, 2015, с. 15).

Категория оценки занимает особый статус среди научно-исследовательских проблем ещё с древних времён (Арутюнова, 1988, с. 12) и изучается в рамках философии, психологии и лингвистики, при том, что, затрагивая эту тему, философы непременно ограничивали её семантикой слов, реализующих оценку (хороший и плохой, добро и зло, правильный и неправильный, красивый и безобразный, любить и нравиться и т. д.), по суди

дела осуществляя языковой (семантический) анализ. В культурологическом контексте в целом и в особенности в традиционной национальной культуре этот спектр научных проблем мало разработан. Тем не менее, элементы фольклора, народных верований, а также ритуальных норм и запретов позволяют воссоздать одну из ключевых семантических категорий культуры – систему ценностей традиционного общества. Концепции и методы, разработанные логиками и лингвистами для анализа категории оценки, могут быть в целом адаптированы для изучения материалов традиционной культуры. При этом важно учитывать особенности языка, характерного для данной культуры, его символическую сущность, а также ритуальные и магические функции, которые он выполняет (Толстая, 1994, с. 172-177). Таким образом, ценностные характеристики являются доминантными для лингвокультурных единиц, а ценности и антиценности интенсифицируются посредством их использования в определенных функциональных ограничениях. Своего рода катализаторами для интенсификации ценностного компонента могут служить паремиологический пласт языка, символика, социально-ритуальное поведение представителей изучаемой лингвокультуры. Приведём примеры из карачаево-балкарской лингвокультурной традиции.

Как и у всех народов Северного Кавказа, у карачаевцев и балкарцев очень высокое значение имеет нравственное воспитание и высоко ценится порядочное поведение, а безнравственные поступки глубоко порицаются. Другими словами, благородный нрав воспринимается в данной культуре как ценность, а безнравственность как антиценность. Данные ценностные ориентиры ожидаемо ярко выражены в пословицах карачаево-балкарского народа (нарт сёзле). Рассмотрим примеры.

Ач да бол, токъ да бол, намысынга бек бол. – И голодным, и сытым сохраняй воспитание.

Адам къатында адам ёлмез. – Рядом с человеком человек не умрёт (т. е. достойный человек всегда придёт на помощь ближнему).

Адамдан уялгъынчы кесингден уял. – Прежде чем стыдится перед людей, постыдись перед собой.

Ахчадан намыс багъалыды. – Воспитание дороже денег.

Адеби болмагъан къыз – тузсуз хант. – Девушка без воспитания – что еда без соли.

Айыблы джашагъандан эсе, отда кюйген игиди. – Чем в позоре жить, лучше в огне сгореть.

Айыбны суу бла джууалмазса. – Позор водой не смоешь.

Данная аксиологическая доминанта находит воплощение в вербализаторах концепта СТЫД (УЯТ) и служит её интенсификатором, ведь всё, что не соответствует понятиям карачаевцев и балкарцев о чести и нравственности, ведёт к стыду и позору. Приведём примеры из кинотекста фильма «Мариям».

Джарарыкъ тюлдю. Айыб-байыб боллукъду. ... Сен джырлаб айлансанг адамла бизге не айтырла? (Мариям, 2022, 04:29-04:45) – **Нельзя. Стыдно будет от людей.** ... Если ты будешь песни распевать, **что люди скажут?** (перевод автора – А.А.)

Б: *«Твой брат на мне не женится. Меня убьют, если узнают»* (Мариям, 2022, 27:56-28:08).

А: *«Талакъ. Талакъ. Талакъ»* (Мариям, 2022, 39:40-39:47). – Развод. Развод. Развод (перевод автора – А.А.).

Последние фразы героев показывают последствия пренебрежения героиней нравственных принципов карачаево-балкарцев.

Как известно, кавказцы славятся своим гостеприимством и щедростью. Соответствующие наставления даны и в пословицах карачаевцев и балкарцев.

Ач къонакъны хапарла бла сыйлама. – Не корми голодного гостя рассказами.

Ач келгенни тойдур, кеч келгенни къондур. – Пришедшего голодным – накорми, пришедшего поздно – приюти.

Неудивительно, что первым делом, после возвращения брата Ахмата с фронта, Мариям предложила его накормить, несмотря на то, что еда у них была скудная в условиях депортации.

Кел, ашатайым (Мариям, 2020, 34:20). – Пойдём, **накормлю** тебя (перевод автора – А.А.).

Самой очевидной антиценностью для горцев, очевидно, является трусость. Горец должен быть смелым и не позволять каким-либо невздам или препятствиям сломить его дух.

Къоркъакъ этегинден, дженгинден да къоркъады. – Трус боится и своего подола, и своего рукава.

Къоркъакъгъа къатын болгъандан эсе, батыргъа джесир болсанг игиди. – Лучше быть пленницей храбреца, чем женой труса.

Хомухдан ёлгенден эсе, джигитлик этиб ёл. – Лучше умереть героем, чем трусом.

В анализируемых кинотекстах даная аксиологическая доминанта актуализируется через оппозиционированный концепт ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК), вербализаторы которого служат усилению его ценностного компонента. Приведём примеры.

Душманны ууатыр ючюн фронтха джашларын ийиб, ала да кеслерин аямай (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:58-02:04). – **Послали сыновей своих на фронт, чтобы разгромить врага, и те себя не жалели** (перевод автора – А.А.).

Кеслерини аскер борчларын къанларын аямай толтургъан солдатла бла офицерлеге ол учузлукъну кёлтюрюрге бютюн къыйын болгъанды (Хорлатмаз адам эси, 2019, 22:09-22:17). – **Солдатам и офицерам, исполнявшим свой воинский долг не щадя своей крови**, было очень тяжело смириться с подобным унижением (т.е. депортацией и лишением их орденов почёта и воинских наград, так как они происходили из репрессированного народа) (перевод автора – А.А.).

Высочайшей ценностью у карачаевцев и балкарцев считается родная земля. Любовь к родине воспевается и прозе, и в поэзии, и в песнях. Особое

распространение данный воспитательный момент получил благодаря карачаево-балкарским пословицам.

Ата Джурт – алтын бешик. – Родина – золотая колыбель.

Ата Джурт – ата юйден багъалы. – Родина дороже отцовского дома.

Джерсиз къалгъан халкъ – талкъ. – Народ без земли – просто толпа.

Концепт РОДИНА (АТА ДЖУРТ) содержит данный аксиологический элемент и функционирует в качестве усилителя соответствующей аксиологической доминанты. Примеры вербализаторов данного концепта можно найти в параграфе 2.3.

Особым уважением у карачаево-балкарцев пользуется человеческий труд, в независимости от того, на кого он направлен, будь то труд для собственной выгоды или же социально-полезный труд на благо общества и своего народа. Приведём примеры выражения данного ценностного компонента через пословицы.

Адам къыйналмай зауукъ кёрмез. – Без труда не познаётся радость

Адамны адамлыгъы, аида угъай, ишде биллиндери. – Достоинство человека проявляется не в еде, а в труде.

Башланмагъан ишде джылан джатар. – В незначительном деле таится змея. Именно благодаря упорному нечеловеческому труду карачаевцам и балкарцам удалось выжить в жесточайших условиях депортации. В связи с этим в кинотекстах анализируемых фильмов часто встречаются вербализаторы концепта ТРУД (ИШ), подчёркивающие значимость данной аксиологической доминанты. Приведём примеры из кинотекста.

Ма алай-алай ишлеб, ол каналны ишлегинчин ишледим (Хорлатмаз адам эси, 2019, 21:52-21:56). – Вот так мы **работали**, пока не **закончили работу** над каналом (перевод автора – А.А.).

Полялада ишлегенбиз башыбыздан джангур джауа (Хорлатмаз адам эси, 2019, 27:05-27:15). – Мы **работали** в полях, пока на нас лил дождь (перевод автора – А.А.).

Определённой оценочностью и символичностью карачаево-балкарцы наделяли и предметы повседневного использования. В своей работе о народах Северного Кавказа Н.Н. Харузин отмечал следующее о балкарцах: «Они были одеты в ярко-красные или малиновые рубахи, шелковые и ситцевые, и в полукафтаны, белые и серые» (Харузин, 1888, с. 189). Однако, несмотря на всё разнообразие цветов и материи, проводя особые ассоциации между качественными признаками и цветами, данный горский народ, был склонен, к примеру, демонстрировать своё происхождение или какую-то жизненную позицию через цвет своей одежды.

Во все эпохи семья являлась и остаётся одной из центральных ценностей кавказского общества, а благополучие в семье считалось делом чести и показателем женского успеха, поэтому каждая девочка росла с мечтами о счастливой супружеской жизни с множеством детей. Этим мотивирована традиция молодёжи отдавать предпочтение выразительным оттенкам, привлекающим внимание, в то время как представители старшего поколения придерживались умеренных оттенков, а пожилые склонялись к тёмной цветовой гамме. Занимавшаяся исследованием карачаево-балкарского народного искусства А.Я. Кузнецова в своей работе утверждает, что, «молодые девушки особенно предпочитали красные, малиновые, оранжевые оттенки» (Кузнецова, 1982, с. 109). Как заметил Г.Х. Мамбетов, «в одежде балкарских женщин наблюдаются большая яркость расцветки и более резкие сочетания цветов» (ИКБАССР, 1967, с. 443). Балкарцы и карачаевцы мастерски выбирали цветовые комбинации для одежды как мужчин, так и женщин (Кудаев, 1988, с. 78-80). Особенно ярко такая тенденция в одежде показана в фильме «Мариям», молодые героини которого ходят в платьях насыщенных сине-голубых, изумрудно-зелёных, красновато-коричневых оттенков, которые подчёркивают молодость, красоту и незамужний статус героинь. Ощущается резкий контраст с героинями более старшего возраста, которые нечасто мелькают в кадре, однако все они носят одежду блёклых тёмных цветов. На красоту молодой Бэлы и её предвкушение свадьбы с Ахматом указывает его младший брат Юсуф.

Сени ариу Бэланг сакълаб турады (Мариям, 2022, 36:26-36:29). – Тебя красавица Бэла ждёт (перевод автора – А.А.).

Как известно, уважение к старшим, а также к уже покойным родственникам или другим почившим членам своего коллектива является одной из характерных черт горских народов. Не стал исключением и карачаево-балкарский народ, в котором сформировался культ предков, для почитания которых по сей день проводится ряд ритуальных обрядов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в данной культуре уважение к предкам является одной из фундаментальных ценностей и, следовательно, получает реализацию различными путями в языке и в обычаях.

В связи с культом предков, особую значимость для карачаевцев и балкарцев приобрели похоронно-поминальные обряды. Карачаево-балкарцы твёрдо убеждены, что, для полноценного перехода почившего в ранг предков («ата-баба»), родственники должны организовать правильное захоронение тела и осуществить молитвенные действия (Хаджиева, 2021).

В анализируемых нами фильмах данная аксиологическая доминанта находит как визуальную репрезентацию (в фильмах показаны сцены с погребением умерших в депортации, фотохроника с кладбища спецпереселенцев), так и вербальную. Фразы героев фильмов, осуждающих политику властей в отношении их умерших родственников усиливает выраженность ценностного компонента таких концептов как СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ), ВЕРА (ДИН), СМЕРТЬ (ЁЛЮМ). Приведём примеры подобных фраз из избранных кинотекстов.

Къабыры къайсы болгъанын... ямалагъа атыб баргъандыла да (Хорлатмаз адам эси, 2019, 15:10-15:25). – Не разбирая где чья могила, (тела) просто **бросали** в ямы (перевод автора – А.А.).

Ёлгенлерибизни асырайбыз, биз джаназысыз, дуасыз (Хорлатмаз адам эси, 2019, 17:30-17:45). – Погибших своих мы хороним без **погребальной молитвы**, без **мольбы** (перевод автора – А.А.).

Таким образом, понятие ценности в различных исторических контекстах отражает эволюцию человеческого мышления, желание понять и осмыслить свою связь с миром. Античные философы искали истину в абстрактных концепциях красоты и добра, в то время как средневековые мыслители связывали ценности с божественным, подчёркивая их священный характер. Эпоха Ренессанса принесла с собой акцент на гуманистические ценности, открывая новые горизонты для самовыражения и индивидуализма.

В Новое время научный прогресс способствовал формированию более прагматичного подхода к ценностям, подчёркивая их функциональность. Появление в XVII веке понятия свободы как ценности символизирует переход к новой эпохе, где личная воля и активность стали основополагающими для понимания человеческой природы.

Ценности не только формируют поведение и систему ориентиров общества, но и отражают его культуру и природу. Важно понимать, что, несмотря на изменчивость этого понятия, ценности остаются неотъемлемой частью человеческого существования и взаимодействия в современном мире.

Категория оценки, будучи важной составляющей культуро-центрического дискурса, формирует основу для понимания ценностей и антиценностей в языке и поведении народов. Карачаево-балкарская культура служит ярким примером того, как моральные принципы и интеллектуальные достижения становятся основой социальной идентичности. Примеры народной мудрости, зафиксированные в пословицах, иллюстрируют взаимодействие между языком и культурой, позволяя нам увидеть, как языковые формы отражают и усиливают нравственные ориентиры общества.

Изучение ценностных категорий через призму фольклора, обращая внимание на символику и ритуалы, обогащает наше понимание культурных норм и традиций. Эти нормы не только сохраняются в памяти поколений, но и активно формируют современные представления о добре и зле. Следовательно, анализируя категорию оценки в традиционных культурах, мы открываем новые горизонты для интерпретации лингвокультурных явлений, что создаёт

возможность для глубокого междисциплинарного диалога между лингвистикой, культурологией и философией.

Карачаево-балкарцы представляют собой уникальный народ, чья культура глубоко укоренена в уважении к родной земле и традициям предков. Их любовь к родине пронизывает все аспекты жизни, начиная от фольклора и искусства и заканчивая повседневными обычаями. Значение, придаваемое цветам и символике одежды, служит ярким примером того, как эстетика и идентичность переплетаются в культуре народа, отражая его ценности и антиценности.

Уважение к предкам также занимает центральное место в ценностном спектре карачаево-балкарцев, что находит отражение в похоронно-поминальных обрядах. Правильное захоронение и молитвенные практики становятся важными не только для семьи, но и для обеспечения долговечной связи между живыми и ушедшими. Ритуальные трапезы, сопровождающие эти обряды, подчёркивают ценность еды как символа единства и памяти.

Таким образом, культура карачаево-балкарского народа представляет собой сложный сплав традиций, верований и практик, которые формируют их уникальное восприятие мира и способствуют сохранению их наследия для будущих поколений.

1.4. Кинодискурс как поликодовое пространство репрезентации национальных аксиологических концептов

Дискурсивные практики уже на протяжении очень длительного периода времени остаётся одним из наиболее часто исследуемых и актуальных объектов лингвистических работ. Данный феномен может быть обоснован общей тенденцией междисциплинарности проводимых исследований, проникающих абсолютно во все сферы научной деятельности. Таким образом, интерес к

изучению дискурса был вызван запросом на пополнение своей научной базы такими направлениями науки о языке, как психолингвистика, социоллингвистика, антропололингвистика, лингвоаксиология и лингвокультурология. Появление таких технических сенсаций, как, например, ChatGPT и других нейросетей, использующих в своей работе как технические знания программистов, так и навыки лингвистов в работе с текстовыми документами и различными языками, служит неоспоримым аргументом в пользу того, что в XXI веке именно сотрудничество учёных разных областей науки способно на революционные прорывы. Из этого следует сделать вывод, что и изучение дискурса в рамках всех вышеперечисленных междисциплинарных областей знания оправдано высоким уровнем удовлетворения научных интересов общества, связанных с вопросами языкового поведения индивида в различных социальных структурах. В нашей работе дискурс исследуется как важный элемент культурного конструкта.

Несмотря на неснижающийся научный интерес к дискурсу, сам термин, ещё не получил общепризнанного определения, поэтому существует значительное количество вариаций её формулировки. Рассмотрим одни из самых распространённых.

В понимании Н. Д. Арутюновой, дискурс (от франц. discours – речь) представляет собой цельный текст в единстве с его прагматическими, социокультурными, психологическими и другими экстралингвистическими факторами; текст, вырванный из череды социальных событий, внедрённый в систему социальных взаимодействий и участвующий в мыслительных процессах индивида. Как подчёркивает языковед, дискурс есть ничто иное как речь интегрированная в различные сферы человеческой жизнедеятельности, ввиду чего исследования дискурса не могут проводиться на материалах древних или вымерших языков, не имеющих прямого соотношения с настоящей действительностью (Арутюнова, 2002).

Формальное толкование термина подразумевает восприятие дискурса как структуры, по уровню превосходящей предложение. В данном случае имеется в виду речевое произведение, многоаспектная синтаксическая конструкция,

инкорпорированная в абзац или серию высказываний в диалоге, главный интерес здесь направлен на комплекс коннекторов, обеспечивающий неразрывность, единство этой структуры. Функциональный подход к пониманию дискурса, в самом обширном смысле, предполагает использование языка (речи) во всех возможных ситуативных вариациях. Для достижения более узкого варианта толкования дискурса при функциональном подходе к расшифровке термина, утверждается соотношение «текст и предложение» – «дискурс и высказывание», другими словами, дискурс трактуется как комплекс языковых единиц, объединённых по функциональному и содержательному принципу. Благодаря подобному осмыслению дискурса акцентируется внимание на сущностной разнородности дискурса и текста, данные понятия идентифицируются как последовательный поток высказываний (дискурс) и как зафиксированная совокупность высказываний (текст), либо как условную общую сущность (текст) и как репрезентацию этой сущности (дискурс). Следует отметить, что учёные абсолютно единодушны в необходимости воспринимать дискурс как динамичную прогрессирующую и темпорально развёрнутую речевую структуру, по сравнению с совершенно противоположными осмыслениями текста – от высшей степени абстрактного конструкта до максимально определенной материальной действительности. Как индикатор дискурса, контекст подчёркивает для исследователей важность оппозиционирования того, что получило прямое проявление (локуции), и того, на что намекали косвенно (иллокуции), благодаря чему коммуникативная ситуация становится многоуровневым явлением. Путём изучения условий и обстоятельств коммуникативного акта, релевантных социальной, психологической и культурной точкам зрения, исследователь приходит к контекстуальной трактовке дискурса, другими словами, внимание акцентируется на поле прагмалингвистического исследования. В связи с этим вполне естественно, что в изучение дискурса вовлечено множество разных концепций, занимающихся «теорией речевых актов, логической прагматикой общения, конверсационным анализом, анализом диалога, лингвистическим анализом текста, критическим

анализом дискурса, проблемами социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистикой и психолингвистикой» (Макаров, 1998, с. 68-75).

С начала 70-х годов прошлого века наблюдалось стремление исследователей к дифференциации понятий текста и дискурса, которые до этого этапа определялись в европейской науке о языке как равнозначные, даже принимая во внимание рассмотрение в данной паре и категории ситуации. Таким образом, дискурс принято было толковать как комбинированное восприятие текста и ситуации, в противоположность интерпретации текста как дискурса в отрыве от ситуации (Widdowson, 1973; Östman, Virtanen, 1995).

Стремясь найти новый подход к решению данного вопроса, В.В. Богданов предложил (Богданов, 1990а, 1993) отказаться от рассмотрения речи и текста как двух равнозначных ипостасей дискурсивного пространства, а вместо этого относиться к ним как к двум разным аспектам дискурса. Такую формулировку можно найти в работах и некоторых иностранных лингвистов, примером подобной работы может служить коллективное монографическое исследование «Analyzing Discourse: Text and Talk» (Tannen, 1982).

Столкнувшись с тем непреложным фактом, что не всегда существует возможность провести текстовую конвертацию конкретной речи и озвучить любой письменный текст (Богданов, 1990а, с. 3; Горелов, 1987, с. 225-227), было принято под понятием дискурса подразумевать всё, что имеет письменное или устное выражение. Логично будет заключить, что дискурс охватывает всё словесное взаимодействие как в звуковом, так и в графическом проявлении (Щерба, 1974, с. 290). Данное утверждение позволяет интерпретировать текст как «языковой материал, фиксированный на том или ином материальном носителе с помощью начертательного письма (обычно фонографического или идеографического). Таким образом, термины речь и текст будут видовыми по отношению к объединяющему их родовому термину дискурс» (Богданов, 1993, с. 5-6). Следует обратить внимание, что данные термины не противопоставлены и не характеризуются дихотомией.

Подобный взгляд на определение дискурса, несомненно, интересен тем, что в данном изложении особому рассмотрению подвергается многогранность понятия дискурс, расширяется пространство для исследований в связи с ликвидацией необходимости разграничивать монологический/диалогический, устный/письменный типы дискурса. В современной лингвистике всё чаще наблюдается тенденция рассматривать дискурс как комплексный феномен, объединяющий в себе элементы речи, текста и диалога. Подобного расширенного толкования мы придерживаемся и в нашей работе (Макаров, 2003, с. 59).

Исходя из того, что понятие дискурса может применяться относительно практически любой сферы деятельности, а киноиндустрия заняла значимое место в культурной повестке абсолютно любой страны, интерес лингвистической науки именно к специфической поликодовой форме дискурсивизации – кинодискурсу – существенно возрос. Учитывая тот факт, что как исследование кино, так и исследование кинодискурса являются относительно молодыми направлениями в науке, у термина «кинодискурс» нет единого определения. Рассмотрим некоторые из них.

В понимании Дж. Бейтмана и Я. Вильдфойер, к примеру, кинодискурс является следующей ступенью эволюции понятия «кинотекст», свидетельством чему, по их мнению, служит структурная упорядоченность кинодискурса, композиция которого включает вербальные и невербальные аспекты сюжетного повествования кинокартины, для которого свойственна высокая степень сосредоточения экстралингвистических компонентов. К примерам подобных факторов исследователи причисляют культурно-исторический контекст, информированность о потребностях целевой аудитории, место действий фильма, невербалика (графика, кинесика, пантомимика, лицевая экспрессия) (Wildfeuer, Bateman, 2016). Как указывает М. Дайнел, следует разграничивать понятия кинодискурса и кинематографического дискурса, поскольку второй фокусируется на анализе методов создания фильмов, которые не относятся к области лингвистических исследований, таких как, например, технические

аспекты съемки, а именно крупный план, перебивка, параллельное действие и т.п. (Dyrel, 2011, p. 41-49). Согласно трактовке польского лингвиста, «дискурс кинофильма» («film discourse») представляет собой «речь вымышленных персонажей в художественных фильмах и сериалах» («fictional characters' communication in feature films, as well as in series») в комплексе с их невербальными инструментами коммуникации, причём они могут интерпретироваться как в широком, так и в узком значении (Dyrel, 2011, p. 42). В узком значении визуальные средства коммуникации воспринимаются как некое неречевое явление, усиливающее эффект словесной коммуникации, с другой стороны, широкая интерпретация данного понятия подводит под визуальные средства коммуникации практически все невербальные сигналы, воздействие которых может обеспечить извлечение дополнительной информации из коммуникационного акта (Dyrel, 2011, p. 42).

В интерпретации немецких сторонников социолингвистического подхода к определению термина, кинодискурс воспроизводит образ конкретного социума, что подкрепляется тем аргументом, что кинофильмам свойственна концентрация социальных установок («mit sozialen Bedeutungen gesättigt sind») (Mai, 2006, 10-11). Фильмы предоставляют обширные сведения о реалиях изображаемого общества и указывают на аспекты, подверженные критике. Данная трактовка кинодискурса имеет особое значение для лингвокультурологических исследований, в том числе и для нашей работы.

Кинодискурс представляет собой вид творчества, который объединяет временные и пространственные элементы для визуального представления образов, меняющихся в ходе событий. Именно поэтому восприятие кинофильмов преимущественно осуществляется через зрительное и слуховое восприятие (Губман, 1998, с. 274-275).

Несмотря на принятые и приведённые выше обобщённые определения кинодискурса, кинопроизведения характеризуются разнородностью как в плане повествовательной структуры и монтажных решений, так и в плане используемой в кинотексте лексики, её стилистики, описываемых сюжетов, а

также степени их достоверности. Одной из самых обширных классификаций кинопроизведений, с учётом рассмотрения перечисленных элементов построения кинокартины, является разделение их на художественные и документальные, именно эти два киножанра и подвергаются анализу в нашем исследовании. Исходя из этого целесообразно будет дать определения видов кинодискурса.

В данной работе под художественным кинодискурсом понимается уникальная форма организации аудиовизуальных инструментов коммуникации, направленная на трансляцию сюжетов вымышленного характера или с крайне низким уровнем достоверности. Документальный кинодискурс тем временем опирается на сюжеты с высокой степенью достоверности и правдивости, тем не менее описываемые в фильме явления и события всё же подвергаются субъективной интерпретации авторов фильмов, что нередко обосновывается идеологическими задачами поставленными перед создателями (к примеру, исторические или документальные фильмы).

Для языковой стилистики художественного вида кинодискурса характерна эмоциональность, экспрессивность и образность, диалоги киногероев разнообразны, уместен разговорный стиль общения. С визуальной точки зрения художественные фильмы допускают абсолютно любые артистические и операторские решения, декорации и естественные фоны, сцены также нередко наполнены символизмом, проявляющемся через визуальные решения. Документальный кинодискурс строится на научной и публицистической лексике, стиль – нейтральный, разговорные формы и экспрессивность не допускаются (за редким исключением). В визуальном плане документальные фильмы ограничены реальными местами, в которых разворачивались описываемые в фильме события и явления, а также кинохроникой, допускаются постановочные сцены для воспроизведения исторических событий. Частым элементом документального кино является сцена интервью с участниками тех или иных значимых для фильма событий.

При анализе работ зарубежных исследователей в области кинодискурса можно выделить общую тенденцию: все они рассматривают кинодискурс как мультимодальный феномен. В связи с этим мультимодальный диалектико-реляционный дискурс-анализ становится главным методом исследования данной темы. Большинство современных зарубежных ученых признают мультимодальный подход наиболее обоснованным для изучения кинодискурса. Это связано с тем, что такой подход позволяет глубже и точнее охарактеризовать процессы смыслообразования, происходящие на логическом и межсемиотическом уровнях, что, в свою очередь, дает возможность более качественно интерпретировать художественную семантику кинофильма (Wildfeuer, 2013).

Такой взгляд на сущностную составляющую мультимодальности позволяет нам определить её как специфический образ существования объекта, в котором реализуется многообразие модусов. Спектр модусов включает речь (как в устном, так и в письменном оформлении), цветовую палитру, звуки и жестикюляции, интонационные ноты, а также, несомненно, разнообразные системы значений, принятых в определённой культурной традиции. Производство фильма требует использования всевозможных инструментов, привычных для кинематографа. К их категории специалисты причисляют изменение визуальных форматов, позволяющее влиять на пространственное восприятие фильма зрителем; регулировку освещения в кадре, в зависимости от которого обеспечивается «перенос» либо в «серые будни офисного работника, либо в захватывающую фантастическую вселенную рыцарей и магов»; закадровый голос; субтитры, синхронизированные с разворачивающимися в кадре действиями и многие другие. Исследователи, придерживающиеся мультимодальной концепции, акцентируют своё внимание на эффектах, возникающих в результате взаимодействия различных модусов в различных комбинациях (Покровская, 2022, с. 938).

В рамках киноведения выделяется направление, сосредоточенное на анализе кинодискурса в совокупности его поликодовых, мультимодальных и

мультимедийных характеристик. В данном научном направлении, получившем название «киносемиотика», кинематограф рассматривается как единственная в своём роде система, состоящая из знаков и знакосочетаний. (Ямпольский, 1986, с. 384).

Фундамент киносемиотики составляют идеи структурной лингвистики, однако данное направление включает в себя множество дисциплин, таких как поэтика, этнология и культурология. Исследования в этой области характеризуются систематическим подходом и направлены на анализ того, как визуальные, звуковые и текстовые элементы кино работают совместно для создания нарративов и эмоциональных воздействий на зрителей. Кроме того, следует указать на специфический формат не только одновременного параллельного воздействия на реципиентов гетерогенных кодов, но и их интенциональную суггестию, направленную на закрепление или модификацию исходного вектора восприятия реальности, представленной в кинодискурсивном событии. Данная характеристика способа трансляции всего спектра информационных компонентов была названа «фенестративной» (от лат. fenestra – окно), маркирующем структурную парадигматичность конвергенции кодов и смыслов в генерализованном содержании (Зильберт, 2001, с. 107).

Характерной особенностью кинодискурса считается знаковый плюрализм. Исключением из данного правила не стало и немое кино, сочетавшее в себе, помимо визуальных сигналов, специальные устные комментарии и титры (Мечковская, 2007, с. 354).

Стандартными для кинодискурса являются языковые и неязыковые знаки. В рамках теории Ч. Пирса, каждую группу составляют иконы, индексы и символы (Пирс, 2000, с. 57-60). Знаки-символы репрезентируются, как правило, вербальными средствами, для которых характерно как визуальное, так и устное оформление. Примерами визуального оформления могут служить заголовки и экранные надписи, вещи, имеющие значение для вселенной фильма – названия книг, ресторанов, постеры, названия улицы. Тем временем, в устном виде знаки-

символы получают проявление в песнях, озвучиваемых диалогах актёров, зачитываемых закадровым голосом писем и т.д. (Слышкин, 2004, с. 18).

Было установлено, что для индексов и икон характерна наименьшая представленность в языке, однако обе эти знаковые разновидности присутствуют в языке. К знакам-индексам естественных языков относятся шифтеры, интонации и междометия, между тем как иконические знаки реализуются в звукоподражании (Мечковская, 2007, с. 140-147).

Значимая часть невербальных средств принадлежит к категории иконических и индексальных знаков, визуальные они или звуковые роли не играет. Кроме того, аудиоряд фильма (естественный звуковой фон, машинные звуковые эффекты и музыкальное сопровождение), а также отдельные кейсы интеграции документальных видеороликов в эпизодический ряд художественной картины аналогично принадлежат к категории индексальных знаков. Тем временем, визуальная часть, соответствующая динамичным сценам с участием людей, животных или неодушевленных предметов, перемещающихся в пространстве, активно жестикулирующих и меняющих мимику лица, относятся к общей группе иконических и индексальных знаков. (Слышкин, Алексеев, Ефремова, 2004, с. 19).

Неоспорим факт того, что кинодискурс является местом проявления знаков абсолютно разнообразного спектра, актуализирующихся благодаря имплементации в системе с единым функциональным, смысловым и структурным фундаментом. Простые знаки при взаимодействии неизбежно синтезируются, становясь причиной генерации сложных знаков первого уровня, которые на следующем этапе развиваются до многослойных знаков второго уровня (Мечковская, 2007, с. 176). Сущностной отличительной чертой кинодискурса является некомпозиционная семиотическая структура, из чего следует, что при генерации комплексного знака (например, сцены или кадры) возникает новое значение, которое нельзя свести к простому суммированию значений отдельных элементов (Зайченко, 2013, с. 96).

Однако пока не установлено точно, что конкретно представляет собой многослойная семиотическая структура с некомпозиционным значением. Существует распространённое мнение, что ключевым знаковым компонентом кино с самостоятельной смысловой составляющей является «кадр / монтажный кадр». Кинематографический контекст применения данного понятия для описания отдельного визуального фрагмента, представляющего собой часть фильма или конкретный эпизод, в котором происходит определенное действие. (Агафонова, 2008, с. 22).

К выделению единиц кинопроизведения, однако, можно подходить и с других сторон. Ю.Г. Цивьян в своих работах утверждал, что единица кинотекста воплощается лишь в сочетании пары ядерных кадров, получивших номинальное название «базовая цепочка», или синтагма. При этом в качестве ядерного кадра выделяется элемент кинотекста не подлежащий распаду на менее значимые или масштабные элементы, однако связанного единым предметом съёмки и пространством (Цивьян, 1984, с. 109-121).

Тем временем, в результате исследований, К. Метц пришёл к выводу о функционировании «плана» в роли первостепенной единицы кино, при этом, согласно теории К. Метца, исходной единицей кино выступает «план» (Метц, 1993/1994), в то время как у П. П. Пазолини данная роль отводится термину «образ-знак» (Пазолини, 1984); у Ж. Делёза первой величиной символики кино выделяется «образ-движение», который порождает шесть вариантов образов: «образ-перцепция», «образ-эмоция», «образ-импульс», «образ-действие», «образ-переживание» и «образ-отношение» (Делёз, 2004). Множественность существующих подходов к установлению ядерной смысловой единицы кинодискурса, однако, не препятствует утверждению кинодискурса как системы, характеризующейся целостностью и комплексностью своей семиотической составляющей, становлению которой способствует многообразие систем.

Постижение человеческим сознанием фильма достигается благодаря декодированию и повышению информационной нагрузки, транслируемой разнотипными системами семиотики, впоследствии способствуя выработке

единого смысла. В процессе анализа мультимедийного дискурса М. М. Донская объединила в одну группу множество семиотических систем характерных для мультимодальных текстов, знаковую организацию которых повторяет и кинодискурс. Лингвист отмечает, что «мультимедийный дискурс создается главным образом на основе четырнадцати семиотических систем, три из которых относятся к сфере вербальных (устная речь, письменный текст и условно – буквенная тактика), а остальные являются невербальными (цвет, раскадровка, танец, кинесика, статика, мимика, музыка, пение, звуковые эффекты, костюм и вид и состояние героев\явлений\объектов)» (Донская, 2007, с. 6).

Обеспечение функционирования указанных семиотических систем осуществляется посредством внедрения и использования кодов – специальных знаков и принципов их комбинации. Интересно, что, помимо этого, существуют коды, образованные из необходимости обрабатывать комбинации не только обособленных знаков, но и целых семиотических систем, и активирующиеся на их пересечении. В рамках кинодискурса подобное функционирование и взаимопроникновение кодов стимулирует формирование особых связей, расширяющих коннотативное и/или символическое пространство знаков. Кодировка является «ключом, с помощью которого зритель может понять, где именно ему следует искать содержание изображения, какие именно связи <...> являются в данном случае существенными» (Филиппов, 2001, с. 266).

Согласно Г.Г. Слышкину, к числу кинематографических кодов «относятся ракурс, кадр, свет, план, сюжет, художественное пространство, монтаж» (Слышкин, 2004, с. 23).

Главным объектом исследований в данной области, как правило, становится одна из аналогичных структур: финальный кинопродукт, в котором материализируется кинотекст, как «связное, цельное и завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированного на материальном

носителе и предназначенном для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» (Ефремова, 2004, с. 4; Слышкин, 2004, с. 37), и изолированный кинодиалог как «вербальный компонент художественного фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным (звукозрительным) рядом в общем дискурсе фильма» (Горшкова, 2006, с. 77).

Таким образом, установлено, что кинодискурс является продуктом параллельного использования различного рода визуальных и вербальных кодов для трансляции заданного автором фильма смысла. Тем не менее, затрагивая тему совместного функционирования вербальных и визуальных единиц в кинопроизведениях, необходимо заметить, что природа их взаимодействия неоднобразна. Различные исследователи выдвигают свои классификации типов вербально-визуальной контаминации в кинодискурсе (Сенцова, 2017, с. 37-42). Для нашей работы наиболее целесообразной является классификация, предложенная В.А. Сенцовой в её диссертационном исследовании. Далее в параграфе 2.1 мы приведем наглядные примеры присутствия выделенных ей типов контаминации вербальных и визуальных компонентов поликодового текста в анализируемых нами фильмах. В своём труде В.А. Сенцова выделяет следующие виды контаминации.

1. Вербально-доминирующая контаминация, в рамках которой вербальная составляющая характеризуется абсолютной самодостаточностью и абстрагированностью от невербального компонента. В текстах с вербально-доминирующей контаминацией невербалика исполняет лишь фоновую роль, а её главная задача состоит в интенсификации вербального компонента.

2. Невербально-доминирующая контаминация встречается в текстах, в которых невербальный компонент, выступающий в роли смыслового носителя, занимает главенствующую позицию в кодовой структуре текста.

3. Комплиментарная контаминация характеризуется взаимозависимостью вербальных и невербальных компонентов, обособленное восприятие которых ведёт к полной потере смысла. Лишь единство этих разнородных элементов гарантирует адекватную передачу заложенного смысла.

4. Биполярная контаминация встречается в текстах, трансляция смысла которых требует демонстративного противопоставления концептуальной составляющей с используемыми вербальными и невербальными средствами. Как правило, данный тип кодовой контаминации служит для создания комического эффект.

5. Синергетическая контаминация, при которой вербальные и невербальные элементы поликодового текста обладают своим самостоятельным значением, однако благодаря их синхронному использованию происходит интенсификация общего значения.

Для характеристики разнообразных видов дискурса принято пользоваться тремя фундаментальными параметрами, утверждёнными для решения задач по дифференциации дискурсов. К данным параметрам относятся «модус, жанр и тональность» (Кибрик, 2009, с. 3; Chaume, 2004a, p. 16; Halliday, 1976, p. 22). Очевидным является факт независимости данных параметров друг от друга, между тем, в определённых случаях появляется возможность наблюдать их взаимосвязь.

Идентификация формы коммуникации является обязательной ступенью на пути к дифференциации дискурсов по модусу. Полноценная передача содержания кинопроизведения становится возможной благодаря синхронному использованию двух каналов коммуникации: акустического и визуального. То есть в то время, как другие виды искусства являются мономодусными и используют по одному каналу воздействия на аудиторию, как в случае с вербально-текстовым модусом художественных произведений, вербально-акустическим модусом непосредственно живой коммуникации, визуальным модусом графического искусства и аудиальным модусом звуковых композиций, радиоэфиров и подкастов, кино отличается тем, что прибегает к использованию аудиовизуального модуса, таким образом расширяя спектр своих возможностей воздействия на зрителя. Следует также подчеркнуть, что языковой компонент такого аудиовизуального произведения, как кинофильм, может быть реализован путём использования инструментов двух каналов, к примеру, устному модусу

соответствуют устная речь и песни, а письменному модусу – письменная речь и надписи. Их присутствием, собственно, и объясняется необходимость в обращении к кинопереводу (Корячкина, 2017, с. 14-15).

К параметрам первостепенной важности, кроме того, относят также и жанр. Благодаря своей уникальной структурной организации и набору характерных лексико-грамматических средств, жанр был выделен в качестве особого творческого образования (Кухаренко, 1988, с. 84; Тодоров, 1983, с. 367).

Стандартный структурный взгляд на природу жанра ведёт к восприятию его как шаблона конструирования дискурса, располагающего спектром функциональных составляющих и придерживающегося определенного организационного устройства. Для демонстрации традиционной формы реализации стандартного восприятия кинодискурса можно привести в качестве примера концепцию трёхчастной драмы. Согласно данной концепции, любой фильм можно разделить на три части, первые две из которых (завязка и развитие событий) нацелены на овладение внимание кинозрителя и его удержание. Последняя часть фильма характеризуется самым высоким уровнем напряжения и включает в себя кульминацию и развязку, которые, несмотря на концентрацию в них самого большого количества критических для сюжета событий, занимают наименьшую часть хронометража (Корячкина, 2017, с. 19).

Следовательно, опираясь на семиотико-стилистические параметры, языковеды придерживаются деления кинодискурса на три жанра: «художественный, нехудожественный, анимационный» (Слышкин, Ефремова, 2004, с. 40-42). Перейдём к характеристике перечисленных жанров.

1. «Художественный (постановочный) жанр воплощается в кинотекстах с преимущественным употреблением иконических знаков-изображений и художественной речи, которая чаще всего актуализируется в имитации бытового общения»;

2. «Нехудожественный (хронико-документальный) жанр традиционно представляют кинотексты, для которых свойственно преобладающее

присутствие индексальных знаков-изображений и поддержание научного или публицистического стиля речи (научный и публицистический кинодискурсы)»;

3. «Анимационный (мультипликационный) жанр ожидаемо складывается из кинотекстов, построенных на иконических знаках-изображениях и придерживающихся художественного стиля речи» (Корячкина, 2017, с. 21-22).

Следующим по важности параметром для рассмотрения является тональность, которая определяется характером взаимодействия участников коммуникации, в результате которого появляется дискурс как продукт мыслительного обмена между ними. Участниками коммуникации в данном контексте воспринимаются автор, отвечающий за построение дискурса и задающий его форму, и реципиент – получатель, которому предстоит ознакомиться с кинотекстом как частью дискурса и интерпретировать его содержание (Корячкина, 2017, с. 23).

Исходя из лингвистического и искусствоведческого взгляда на термин, автором выступает группа, отвечающая за креативные и административные задачи в процессе подготовки кинокартины, и определяющую роль в которой исполняет режиссёр. Другим словами, автор кинодискурса не единоличен и определяется множественностью, коллективностью (Ефремова, 2004, с. 32-33; Зарецкая, 2010, с. 50).

Второй участник коммуникации, реципиент, в рамках кинодискурса предстаёт как дистанцированный и плюральный. В зависимости от жанра, кинокартина может быть ориентирована на аудиторию с конкретными признаками (гендер, возраст, уровень образования, финансового дохода, хобби и т. д.)), хотя в большинстве случаев «получателю» кинотекста свойственно социально-культурное многообразие (Зарецкая, 2010, с. 152).

Исходя из того факта, что формирование отдельного вида дискурса является результатом практически любого вида и любой сферы человеческого взаимодействия, можно предположить, что конкретные виды дискурса могут содержать в себе пласт информации, характеризующую акторов коммуникации с точки зрения их культурной и социальной подготовки. В тексты дискурсов

может быть вложена информация о разнообразных социальных ситуациях и шаблонах поведения, а также способность на их основе прогнозировать возникновение подобных ситуаций в будущем. Из этого следует, что для полноценного усвоения сообщения одного из участников дискурса необходимо иметь представление о его мировоззрении.

В работе Т.А. Дейка приводится гипотеза, согласно которой «важнейшим компонентом процессов построения и восприятия текстов является осмысление стоящих за ними социальных ситуаций и их когнитивная репрезентация» (Дейк, 200, с. 161-163). Лингвист предполагает, что данная гипотеза получила начало благодаря тому, что многие ученые сошлись во мнении о том, что «построение моделей в памяти, соединяющих репрезентацию ситуаций с обработкой текстов (discourse), является многообещающим и наиболее продуктивным направлением исследований в данной области» (Дейк, 200, с. 161-163). Т.А. Дейк связывает осмысление текстов дискурса с анализом этнически маркированных составляющих текста и развивает идею о том, что модели этнических ситуаций имеют важное значение как в организации воззрений и идеологий в сознании человека, так и в их репрезентации в вербальной коммуникации. В своей работе он обосновывает данное утверждение примерами из интервью жителей Нидерландов, в котором они выражают свое мнение о мигрантах. Данное интервью иллюстрирует их стереотипы и предубеждения как представителей большой этнической группы в отношении представителей этнических меньшинств (Дейк, 200, с. 161-163). Тем не менее, это не мешает нам сделать закономерный вывод о том, что определённые тексты дискурсов, хоть и в разном объёме, могут содержать информацию о культуре и быте определённого этноса. Этнически маркированные тексты выражают информацию об идеологии, культуре, ценностях и (языковой) картине мира народа. В связи с этим, изучение дискурса (и тем более кинодискурса, воспроизводящего образ конкретного социума (Mai, Winter, 2006, с. 10-11)) неизбежно приводит к анализу кинотекста в лингвокультурном и лингвоаксиологическом плане. Данная векторная линия исследований предполагает анализ понятия «аксиологический концепт»,

которое характеризует значимость для определённой лингвокультуры вербализованных аксиологических доминант – аскиологем.

Аксиологический концепт входит в поле изучения двух научных моделей – когнитивной лингвистики и аксиологии. Обе эти научные дисциплины стремятся выяснить, как человек воспринимает мир и какие ценности для него являются значимыми, а также на то, как он проявляет эти ценности в своих различных действиях (Мирошников, 2007, с. 5). Категория оценки играет особую роль в повседневном существовании человека, представляющем собой главный объект изучения аксиологической лингвистики, сохраняющий свою релевантность, чем и оправдан двусторонний подход к рассмотрению данного феномена (Голубева, 2021, с. 5).

Являясь категорией абстрактной, а не физической, концепт представляет широкий простор для трактовки не только в рамках языковой дисциплины, но и других наук, таких как культурология, философия, психология, благодаря чему на данном этапе уже существует большое количество толкований, не связанных с языковыми признаками объекта. Исходя из наличия возможности подходить к интерпретации термина с различных сторон, становится допустимым определить концепт как «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» (Степанов, 1997, с. 40-43).

Данная интерпретация, сформулированная Ю.С. Степановым имеет высокую степень корреляции с теорией языкового знака Ч. Морриса и Ч. Пирса, согласно которой конструкт концепта, не принимая во внимание означаемое и означающее, включает и третью составляющую – интерпретанту. Термин «интерпретанта» используется для обозначения отдельной составляющей оценки, посредством которой, с учётом контекста и коммуникативной ситуации ее употребления, устанавливается значение языковой единицы (Моррис, 1983; Пирс, 2000). Однако, даже принимая во внимание тесную связь, существующую между понятиями концепта и языковой единицы, принципиальное значение имеет факт подлинной разноплановости этих понятий. Между тем как концепт

олицетворяет образование ментальное, языковая единица получает воплощение лишь в самом языке. Интересно заметить, что в то же время первое находит своё выражение через второе, которое адекватно отражает ценностную сущность первого (Голубева, 2021, с. 7).

В связи с разнородностью типов знания, составляющих каждый концепт, принято классифицировать концепты как индивидуальные и коллективные. Внутренний мир языковой личности формируется из концептов, порождаемых на основе коллективного и/или индивидуального восприятия мира. После усвоения фрагмента знания об окружающей действительности, языковая личность уже становится обладателем соответствующего концепта. Из данной закономерности следует, что концепт может быть охарактеризован как «свой», если он базируется на личном, субъективном знании, обусловленным психологической установкой, своеобразным мироощущением и уникальным ходом мыслей этой личности, однако, параллельно с этим концепт может опираться и на коллективное знание (Голубева, 2021, 7-8).

Кроме деления на индивидуальные и коллективные, существует также разграничение между типовыми и общими концептами. К типовым концептам относят концепты, содержащие определённый объём информации о многообразии объектов, затрагивающие предметы, личности, обстоятельства, происшествия, поступки и их последствия. К ряду общих концептов принадлежат концепты, входящие в концептуальные структуры многих народов и этнических групп, также именуемые «семантическими примитивами». Неоспоримо, что концепты лежат в основе формирования категорий (Вежбицкая, 1999).

Репрезентация ценностных категорий социума и отдельных индивидов посредством актуализации в кинотексте аксиологических концептов является важной составляющей процесса формирования образа героев кинокартины. Между тем способы актуализации концептов могут иметь свою специфику в зависимости от жанра кинопроизведения. В документальном кинодискурсе, к примеру, принято выражать через статистические данные из официальных

документов, экспертную оценку, отсылки на высказывания авторитетных специалистов соответствующей области, посредством сравнения с принятыми в социальных нормах, а также имплицитно (к примеру, эксперты могут приводить лишь данные определённого характера, оставляя без огласки противоположные сведения, а также возможен выбор той или иной интерпретации в соответствии с поставленной авторами фильма задачей). Параллельно с этим, в художественном кинодискурсе оценочность традиционно выражается через выразительность речи героев, включающую разнообразие образных средств. Помимо этого, важным инструментом трансляции ценностных ориентиров общества в художественном фильме может выступать визуальная составляющая (определённая расстановка предметов в кадре, выбор ракурса и локаций, а также игра с цветовой гаммой кадра и звуковыми эффектами).

На основании вышеизложенного, можно заключить, что, представляя собой очень сложный и многосторонний процесс, изучение дискурса предполагает применение многообразия подходов и интерпретаций. Выделенные ранее подходы обеспечивают репрезентацию различных аспектов дискурса, от его связи с социокультурными реалиями до его организационной структуры и воздействия на реципиентов. Кинодискурс выступает как сложный и многогранный объект исследования. Он объединяет в себе как вербальные, так и невербальные элементы кинофильмов, социокультурные аспекты, коммуникативную динамику между автором и зрителем, а также множество других факторов, делающих киноиндустрию насыщенной и многоликой.

Исследование этнически маркированных текстов кинодискурса позволяет выявить стереотипы, предубеждения и ценности определенных народов, что важно для подробного анализа лингвокультурных и аксиологических аспектов. Аксиологический концепт отражает ценности и эмоциональное отношение к различным явлениям и событиям, что является ключевым объектом феноменологической трансляции аксиологических доминант в кинодискурсе.

Можно с уверенностью сказать, что изучение кинодискурса и аксиологических концептов является неременным компонентом для понимания

разнообразных культурных и социальных аспектов жизни человечества. Анализ текстов с этой точки зрения поможет глубже проникнуть в суть коммуникационных процессов, а также понять особенности восприятия мира различными этническими группами.

Выводы по первой главе

Таким образом, развитие лингвокультурологии и лингвоаксиологии открывает новые горизонты в понимании языковых и культурных феноменов. В условиях все более глобализированного мира, где культура и язык становятся инструментами межкультурного взаимодействия, изучение взаимосвязей между языком, культурой и ценностными системами приобретает особую значимость. Эти дисциплины не только обогащают теоретическую базу гуманитарных наук, но и способствуют практическому применению полученных знаний в различных сферах, включая образование, социологию и международные отношения.

Кроме того, междисциплинарный подход позволяет учитывать многообразие человеческого опыта и глубже осмысливать национально-культурные особенности. Исследования в области лингвокультурологии и лингвоаксиологии становятся важным инструментом для выявления и понимания культурных доминант, играющих ключевую роль в формировании идентичности народа. В конечном итоге, эти направления науки продолжают вдохновлять нас на изучение и уважение культурного разнообразия, способствуя глобальному взаимопониманию.

Карачаево-балкарский язык не только служит средством общения, но и является живым свидетелем исторического и культурного наследия своего народа. Он отражает уникальную идентичность карачаевцев и балкарцев и их

стремление к сохранению традиций в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия.

Анализ аксиологических и лингвокультурных концептов открывает глубокое понимание не только традиций отдельных этнических групп, но и механизма передачи их культурных ценностей. В условиях глобализации и стремительных изменений в обществе, осознание уникальности и значимости этих концептов становится особенно важным для сохранения идентичности.

Важно подчеркнуть, что аксиологические концепты, такие как ДЕПОРТАЦИЯ, становятся не только инструментами сохранения исторической памяти, но и фундаментом для формирования устойчивой идентичности народов. Они способствуют восстановлению утраченных ценностей и норм, которые были испытаны на прочность в условиях исторических невзгод. Осознание и переосмысление этих метаконцептов важны для будущих поколений, которым предстоит не только понимать, но и принимать свою историю, извлекая из неё уроки. В этом контексте ДЕПОРТАЦИЯ становится символом не только страдания, но и силы, стойкости, а также способности к восстановлению. Углубленное изучение концепта ДЕПОРТАЦИЯ может вдохновить карачаево-балкарский народ на создание новой парадигмы, основанной на уважении к культурным традициям и взаимопонимании. Это, в свою очередь, повлияет на развитие межкультурного диалога и укрепление национального самосознания как важных условий для сохранения культурного наследия в современном мире.

Ценности, несмотря на свою трансформацию, продолжают оставаться фундаментом, на котором строятся человеческие отношения и общественные системы. Категория оценки в карачаево-балкарской культуре не просто отражает существующие моральные ценности, но и активно участвует в их формировании и трансформации.

Исследование карачаево-балкарской культуры и кинодискурса позволяет глубже осознать многообразие человеческого опыта. Это взаимодействие традиций, верований и современных интерпретаций выявляет, как этнические

группы формируют уникальное мировосприятие через художественные формы, такие как кино. В свою очередь, аксиологические аспекты служат важным инструментом для анализа, способствующего выявлению стереотипов и предвзятостей, что открывает новые горизонты для межкультурного диалога. Учитывая влияние различных социокультурных реалий, становится очевидным, что изучение кино как дискурса позволяет оценить не только само произведение, но и те культурные контексты, которые его окружали.

На основе вышеизложенного мы можем сделать вывод, что ценностный подход к анализу кинодискурса и лингвокультурных аспектов является необходимым для более глубокого понимания современных социальных процессов. Интеграция этих знаний способствует созданию пространства для осмысленного обмена между культурами и способствует сохранению уникального наследия, что особенно важно в условиях глобализации.

Глава 2. Лингвокультурная специфика поликодовой и полимодальной репрезентации аксиологических концептов в карачаево-балкарском кинодискурсе

2.1. Контаминация вербального, аудиального, визуального и символического кодов в процессе актуализации концептов

Язык представляет собой не только средство передачи мысли, но и средство её производства, так как является отражением динамики мышления и способствует передаче культурного наследия из поколения в поколение. Таким образом, вербализация когнитивно-культурного кода отдельного этноса включает в себя различные системы экспликации (Бредихин, Пелевина, 2021).

Это отчётливо прослеживается в контаминированных типах дискурсивного взаимодействия, которые призваны транслировать наиболее значимые области когнитивной, концептуальной и языковой картин мира с опорой на национальный менталитет и культуру в рамках антропоцентрического подхода (Хефни, 2019).

В. фон Гумбольдт является основоположником представлений о языке как основном способе инкодирования картины мира и присуждения ему ключевой роли в категоризации мыслительной деятельности, которая в свою очередь обеспечивает категоризацию мира. Исследователь писал: «Язык – орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении ей накопительного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» (Гумбольдт, 1984).

Центральной единицей когнитивной и языковой картин мира является концепт. Концепты изучаются на разных уровнях языка: лексическом,

фразеологическом, синтаксическом, на материале паремий (Гончарова, 2013, с. 225-226).

В термин «концепт» вкладывается разное содержание:

- значение слова, понятие, слово-понятие;
- комплексная единица сознания, включающая представления, образы, понятия (Кубрякова, 1988, с.143);
- основная единица ментальности, (Аскольдов, 1997, с. 269), имеющая три формы воплощения;
- образ, понятие, символ (Колесов, 1995, с.15);

В рамках лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (Степанов, 2001, с. 43).

Одним из самых интересных объектов для изучения способов реализации концепта является кинодискурс как специфическое контаминированное пространство интерпретации. В исследованиях, посвященных этому феномену термин «кинодискурс» трактуется как «сложное явление, включающее в себя связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом и другими значимыми для смысловой завершенности фильма невербальными факторами» (Зарецкая, 2008, с. 70).

Таким образом, экспликативный потенциал именно контаминированных способов представления узловых элементов концептуального пространства той или иной лингвокультуры достигает максимально возможного уровня. В настоящем исследовании анализу подвергаются базовые механизмы вербально-визуального инкодирования метаконцептов карачаево-балкарской культуры: АТА ДЖУРТ (РОДИНА), ДЖЕР (ЗЕМЛЯ), ТУУГЪАН ДЖУРТУБУЗНУ ТАУЛАРЫ (РОДНЫЕ ГОРЫ), БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), ВЕРА (ДИН), СТЫД (УЯТ), ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК), ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ).

Карачаево-балкарский язык входит в число тюркских языков и является родным для карачаевцев и балкарцев, братских народов, живущих преимущественно в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках Российской Федерации. Одной из ключевых вех в истории карачаево-балкарского народа, образующей отдельный прецедентный мир как область в концептуальной и языковой картинах мира, является период их принудительного переселения в Казахстан и Киргизию в 1943 и 1944 годах. Память о данном событии сохранена в различных художественных произведениях, прецедентных текстах культуры.

Фильм Малики Атабиевой «Мариям», основанный на реальных событиях, рассказывает историю насильственной депортации балкарцев во время Великой Отечественной войны. Вся семья автора фильма была перевезена в товарных вагонах, предназначенных для скота, в республики Средней Азии. Их обрекли на голодную смерть. Главные герои фильма – молодые люди, оторванные от родной земли и пытающиеся выжить в суровых условиях депортации.

Комплексные концепты ДЖЕР (ЗЕМЛЯ) и АТА ДЖУРТ (РОДИНА) являются одними из ключевых для карачаево-балкарской концептуальной и языковой картин мира. Данные метаконцепты служат центральными узловыми понятиями для широкого ряда произведений: романов, повестей, стихотворений, песен, художественных и документальных фильмов. Крайне часто с концептом АТА ДЖУРТ (РОДИНА) переплетается концепт ТАУЛА (ГОРЫ), что, очевидно, связано с закрепившимся в сознании карачаевцев и балкарцев образа дома, окружённого характерными для кавказской местности горными пейзажами.

В фильме «Мариям» данные сложные концепты получили как вербальную, так и визуальную репрезентацию, образуя результат сложного синергетического взаимодействия.

Контаминированный метаконцепт ТУУГЪАН ДЖУРТУБУЗНУ ТАУЛАРЫ (РОДНЫЕ ГОРЫ) получает яркую визуальную репрезентацию на протяжении всего фильма. В начальных сценах показаны величественные горные пейзажи Балкарии, а также главная героиня Мариям, гуляющая по

возвышенной местности и на речном берегу у леса. Кроме того, акцент на горах сделан в сцене возвращения родного брата героини Ахмата с фронта. В фильме показано как он радуется возвращению в родной горный край и наслаждается прогулкой в окрестностях родного дома, который к тому моменту, к сожалению, оказывается уже пустым, но сердце его не пусто – оно наполнено «духом» родины.

В аудиальном плане концепт ТУУГЪАН ДЖУРТУБУЗНУ ТАУЛАРЫ (РОДНЫЕ ГОРЫ) выражен посредством музыкального произведения, органично дополняет визуальный код и высказывания героев, эксплицирующие различные именованья комплексного концепта. В страдальческой сцене, демонстрирующей погрузку депортируемых женщин и детей, охваченных плачем по родному дому, в кузовах грузовиков, на фоне играет песня «Кавказ таула (Кавказские горы)» в исполнении Марьяны Алботовой. В основе песни – чувства, испытываемые карачаево-балкарскими переселенцами при разлуке с родиной, которая для них ассоциируется с Кавказскими горами. В фильме звучат следующие строки:

*Ой Кавказ таула, мийик, ариудула,
Бизни деменгили къалабыз.
Сиз да, джылагъыз, ой, биз да, джылайбыз.
Сизден айырылыб барабыз.
Узакъ айырылыб, кетиб а барабыз,
Ёмюрден джашагъан тауладан,
Биз ёлгенлеге ой да бош джылайбыз,
Ала насыблыдыла сауладан.
Машинагъа миниб, кетиб а барабыз,
Ызыбызгъа къараб, ёкюне.
Москвадан келген къызыл командирле,
Тёгерекни алыб, санайла.
Бу къыйынлыкъланы бизге жетгенине
Таула, ташила бары джылайла.*

О, Кавказские горы, вы красивы и величественны,

Наши могучие защитники.

Мы плачем, вы тоже плачете.

Нас отрывают от вас,

Увозят в далекие края,

*От гор, которые **вечность были нам домом,***

Зря мы оплакиваем погибших,

Они счастливее живых.

В машинах нас увозят, а мы оглядываемся назад.

Из Москвы приехал Красный командир,

Окружил нас всех и считает.

Это горе, постигшее нас

*Оплакивают **и горы, и камни** (Мариям, 2022, 09:05-11:06).*

Прямое именование, служащее базовым номеном метаконцепта, сопровождается не только постоянными эпитетами **красивы и величественны**, что свойственно любому этносу, но дополняются вербализаторами компонентов «генетическая память». Это осуществляется во фразе о «вечности» укорененных веками горских традиций и привязке к суровым горам, которые воспринимаются как дом – лучшее место для жизни: **вечность были нам домом**. Кроме того, вербализуется исходный мифологический код – олицетворение «родных гор», которые не только являются «могучими защитниками» карачаево-балкарского народа, но и «оплакивают» расставание со своими «детьми».

Экспликацию концепта АТА ДЖУРТ (РОДИНА) можно проследить также и в других музыкальных произведениях, использованных в фильме. Так, например, в начальной сцене главная героиня Мариям омывая руки в реке напевает: *Суу анасы, суу анасы, сенден суучукъ тилейме мен* (Мариям, 2022, 01:35-01:59). В переводе: *Матерь воды, матерь воды, водички у тебя я прошу* (перевод автора – А.А.). Богиня воды (Суу анасы) являлась одной из центральных фигур карачаево-балкарского языческого пантеона до принятия

братскими народами Ислама в конце XVIII века. Несмотря на то, что к моменту, когда разворачивались события фильма, карачаевцы и балкарцы исповедовали монотеистическую религию уже более полутора веков, в повседневной жизни они всё ещё обращались к языческому культурному наследию, так как оно было тесно связано с их бытовыми реалиями, природой, условиями проживания. В данном случае идёт прямая отсылка к обилию рек, окружавших карачаевцев и балкарцев на их исторической родине. Эти реки в своем генерализованном представлении и создают образ «матери воды».

В одной из финальных сцен, изнеможённая бытовыми трудностями и оплакиванием смерти старшего брата, Мариям укладывает младшего брата Юсупа спать, напевая строки из традиционной карачаево-балкарской колыбельной песни («Белляу джыр») (Мариям, 2022, 54:00-54:30), выражая в своём пении тоску по родине. Позже оказывается, что слова этой песни были её последними словами. Её убили тяготы депортации и горе от разлуки с родным краем.

Концепт ДЖЕР (ЗЕМЛЯ) получил в фильме крайне символичную визуальную репрезентацию. В начале сюжета кинокартины главная героиня, почувствовав приближение неминуемой беды, собирает с домашнего огорода землю в маленький мешочек, нащёптывая дуа (мусульманская мольба), и надевает его на шею (Мариям, 2022, 06:40-07:40). Обычно в такие мешочки-амулеты помещали записанные на листочках суры из Корана или дуа в качестве оберега от тёмных сил. В конце фильма младший брат развеивает землю из этого мешочка над её могилой, так героиня «возвращается к родной земле».

Таким образом, мы можем сделать вывод о тесной взаимосвязи таких метаконцептов карачаево-балкарской картины мира, как АТА ДЖУРТ (РОДИНА), АТА ДЖУРТУБУЗНУ ТАУЛАРЫ (РОДНЫЕ ГОРЫ) И ДЖЕР (ЗЕМЛЯ). Благодаря контаминированному способу инкодирования их в визуальной и вербальной репрезентации в фильме, удастся создать синергетическое взаимодействие интерпретативных пространств и актуализировать особое понимание данных концептов в рамках прецедентного феномена «депортация». Это создаёт дополнительные обертоны «тоски»,

«печали» модифицируя место рассматриваемых компонентов в концептуальном пространстве карачаево-балкарской лингвокультуры.

В фильме «Мариям» выражение нашёл также концепт ВЕРА (ДИН), являющийся фундаментальным для карачаево-балкарцев не только в контексте событий депортации, но и в повседневной жизни, и таким образом исполняющий роль метаконцепта, транслирующего посредством языка особо важные для носителей соответствующей языковой культуры элементы народного бытия. Данный концепт репрезентирован в фильме через вербалику, визуал и аудио. Рассмотрим данный синергетический способ актуализации концепта на примерах из анализируемой кинокартины.

В самом начале фильма, в сцене с прогулкой главной героини по живописным горам Балкарии, слышится громко разносящийся над горным краем призыв на мусульманскую молитву, азан (от араб. *أَذَان* – объявление, уведомление). Призыв на молитву в любой точке мира всегда озвучивается на арабском языке и уже не рассматривается как нечто чужеродное для любой мусульманской лингвокультуры, поэтому рассмотрим, как отрывок известного текста, озвученный фильме, выглядит в оригинале и в переводе (кириллизация прилагается).

أَكْبَرُ اللهُ أَكْبَرُ اللهُ – *Аллаху Акбару-Плаху Акбар!* – Аллах Велик! Аллах Велик!

أَشْهَدُ أَنْ لَا إِلَهَ إِلَّا اللهُ – *Ашхаду аль ля иляха илля-Плаах!* – Свидетельствую, что нет божества кроме Аллаха! (Мариям, 2022, 02:30-02:45).

Помимо азана, в кинофильме также часто фигурирует такой традиционный для мусульманской культуры ритуал, как дуа (от араб. *دُعَاء*), представляющий собой личную мольбу верующего к Господу на родном или арабском языке, как правило сопровождающегося демонстративным поднятием обеих ладоней молящегося к небу, а затем потиранием их об своё лицо. Герои фильма часто обращаются к Аллаху (от араб. *الله* – дословно «Бог»), единому Богу мусульман, с просьбой уберечь их от несчастий, а также помочь на тяжёлом пути переселенцев. Рассмотрим примеры из кинотекста.

Аллах сен бизни адамларыбыз сау келсин деб тилекле тилейик андан эсе. Аллах, сен бизни адамларыбызны сау къайтар. Аллах, сенден тилейме. Уллулугъунга кёре, сыйлылыгъынга кере бол, йа Аллах. Амин Аллах (Мариям, 2022, 05:00-05:17). – Надо помолиться Аллаху, чтобы наши близкие вернулись в целости. О, Аллах, позволь нашим близким вернуться в здравии. О, Аллах, молю тебя. О, Аллах, на твоё величие и твоё благородство мы полагаемся. Да будет так, о, Аллах (перевод автора – А.А.).

Как и принято, в начале сцены с мольбой главная героиня и её бабушка подняли ладони кверху, а после последних слов потёрли их об лицо. Данная визуальная составляющая мольбы имеет особенную важность для лингвокультурологов, так как носит в себе информацию об одной из самых значимых составляющих карачаево-балкарской повседневной жизни, религии. Особый акцент на религиозности героев также сделан в сцене, где ранним утром главную героиню будит русский солдат, прибывший с приказом о немедленной высылке. Первое, что нам показывают в комнате Мариям, это чётки, висящие у изголовья кровати и захваченные в кадр крупным планом (Мариям, 2022, 07:42). Чётки у карачаево-балкарцев, как и у мусульман по всему миру, использовались для поминания и восхваления Аллаха, данный ритуал при желании верующего мог иметь место в любое время суток и не был строго привязан к регулярной молитве. Таким образом, метаконцепт ВЕРА (ДИН) нашёл в фильме «Мариям» одновременно как вербальную, так и визуально-аудиальную репрезентацию.

Нельзя то же самое сказать про концепт БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), который был актуализирован в кинокартине преимущественно визуально. В фильме особое внимание уделяется сценам, где главная героиня Мариям готовит традиционные хычины (карачаево-балкарские пироги на сковороде или в духовке) с картошкой, бабушка вяжет носки из шерсти, а женщины надевают платки (Мариям, 2022, 02:49-03:55).

Относительно хычинов отметим, что существуют и их разновидности с другими начинками, к примеру, с мясом. Однако, хычины с мясом готовятся, как правило, в праздничные дни, а, так как в военные годы настроение далеко не

праздничное, и все семьи экономят на продуктах питания, героиня закономерно придерживается более скромного варианта этого блюда.

Вязание шерстяных носков также является традиционным элементом в быту практически любой карачаево-балкарской семьи. Испокон веков данное умение передавалось от старшей женщины в семье младшей и сохранилось по сей день. Впрочем, надо признать, что за данным занятием в большинстве случаев можно застать именно представительниц пожилого возраста, уже освобождённых других более энергозатратных обязанностей по дому.

Другим базовым требованием к женщинам на уровне обыденной жизни было постоянное ношение платка как при исполнении домашних обязанностей в течение дня, так и при выходе к посторонним мужчинам. В уже упомянутой выше сцене с появлением ранним утром у дома героини солдата, доставившего приказ о депортации, мы можем видеть как отчаянно Мариям ищет свой платок, прежде чем выйти встречать неизвестного гостя (Мариям, 2022, 08:00). Платок издревле считался на Кавказе символом чистоты и скромности девушки, а, вероятнее всего, традиция его ношения имеет и религиозные корни, так как в Исламе существует требование к покрытию девушкой своих волос от посторонних мужчин, не являющихся её ближайшими родственниками. В настоящее время традицией ношения в повседневной жизни женщинами обычного платка, не являющегося частью хиджаба (от араб. حجاب – букв. «преграда, завеса»), специального мусульманского одеяния, скрывающего все запретные для посторонних части тела женщины, пренебрегают. Тем не менее, до сих пор жива традиция ношения платка молодой невесткой, перестать носить платок она может только при позволении родителей мужа.

Следующий метаконцепт карачаево-балкарской лингвокультуры, который мы рассмотрим на примере кинотекста «Мариям», – СТЫД (УЯТ). Вопрос нравственности, наряду с религиозностью, всегда был одним из приоритетных при воспитании горцев. Огромное значение для представителей кавказских народностей имело мнение окружающих, служившее сдерживающим элементом в вопросах морального выбора. Данную закономерность мы можем проследить,

к примеру, во фразе, произнесённой бабушкой Мариям, когда главная героиня поделилась с ней тем, что начала понемногу сочинять песни. Свою резкую критику бабушка объяснила неуместностью распевания песен в такие тяжёлые для народа военные годы.

Джарарыкъ тюлдю. Айыб-байыб боллукъду. ... Сен джырлаб айлансанг адамла бизге не айтырла? (Мариям, 2022, 04:29-04:46) – **Нельзя. Стыдно будет от людей.** ... Если ты будешь песни распевать, **что люди скажут?** (перевод автора – А.А.)

Другим ярким примером критики нравственного выбора героя служит сцена, в которой разворачивается беседа Мариям с близкой подругой Бэлой, которая, хоть и являясь балкаркой лишь по матери, а по отцу кабардинкой, является невестой брата Мариям, Ахмата, задержанного в начальный период депортации в военных действиях. Мариям между делом упоминает, что отца Бэлы выпустили. Выдержав долгую и напряжённую паузу, Бэла вытаскивает из кармана кусок окровавленной белой ткани, свидетельство того, что она потеряла девственность, очевидно, преследуя целью задобрить представителя власти, который и повлиял на освобождение её отца. При виде окровавленной ткани Мариям резко отворачивается, не желая, надо полагать из устоявшихся на Кавказе строгих требований к чистоте и непорочности девушки, и дальше быть свидетелем этого позорного для горянки поступка. Свой отчаянный поступок Бэла пыталась оправдать тем, что отец, являясь кабардинцем, не должен был подвергаться репрессиям, так как они касались только балкарцев. Тем не менее, понимая, что такому поступку общество не примет никаких оправданий, и всю безвыходность своей ситуации, Бэла кричит, громко всхлипывая, бросившись в объятия Мариям за поддержкой, однако та ничем не может ей помочь. *«Твой брат на мне не женится. Меня убьют, если узнают»* – произносит Бэла на русском, скорее всего не зная языка своей матери, балкарского (Мариям, 2022, 27:50-27:55).

Позже по сценарию фильма возвращается с войны Ахмат и присоединяется к своим родным в месте депортации. Их общий с Мариям младший брат Юсуф с энтузиазмом напоминает старшему, что его здесь ещё ждёт невеста.

Сени ариу Бэланг сакълаб турады (Мариям, 2022, 36:26-36:29). – Тебя красавица Бэла ждёт (перевод автора – А.А.).

Тынч тур, марджан (Мариям, 2022, 36:34-36:36). – **Молчи**, коралловый мой (перевод автора – А.А.).

Не выдерживая тяжести знания о подобном поступке, но и не в силах сообщить о подобном Ахмату, Бэла просто просит Юсуфа замолчать, не подкрепив свою просьбу какими-либо объяснениями. Однако, дальше в сцене фокус смещается с разговоров героев на тревожную музыку на фоне и сильный ветер в кадре, которые можно интерпретировать как предвестники печальных событий, которые повлечёт за собой аморальное решение Бэлы.

Далее мы видим, что, находясь в неведении, Ахмат начинает мусульманскую церемонию бракосочетания с Бэлой, *никях* (от араб. نكاح – бракосочетание), в котором, согласно установленным в религии правилам, принимают участие исламский священник имам (от араб. إمام – предводитель), а также несколько свидетелей мужского пола с обеих сторон. Церемонию прерывает неожиданно ворвавшийся русский офицер, напомнивший о запрете на любые виды ритуальных обрядов для спец. переселенцев и, назвав Бэлу своей «хорошей знакомой», уводит её оттуда силой. Ахмат, которому в этот момент открылась вся правда, произносит трижды *талакъ* (араб. طلاق – развод), тем самым реализовав развод по исламским канонам (Мариям, 2022, 39:40-39:43).

Последним концептом, который мы рассмотрим в рамках фильма «Мариям», является ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), присутствие которого в фильме, учитывая его тематическую направленность, вполне можно было предвосхитить. Данный концепт является одним из ключевых для прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ и получает в кинофильме достаточно чёткую разностороннюю репрезентацию. Обратимся к примерам.

Оказавшись в пустынных степях Средней Азии, бабушка указывает на безвыходность их положения и обречённость на голодную, ведь с собой из хозяйства им ничего не разрешили брать, а в местах депортации их никто с едой и кровом не ждал. Оценив ситуацию, бабушка заключает:

Төггөргөдө ачдан кырыллыкбыз (Мариям, 2022, 14:15-14:18). – Мы все **умрём** здесь от голода (перевод автора – А.А.).

Далее нам показывают сцену, где семья бродит в степи в поисках жилья, но в какой-то момент Юсуф садится на колени и начинает срывать и есть траву. Старшие молча повторяют за ним и присоединяются к «трапезе».

Няня ання, ач болдум (Мариям, 2022, 17:17-17:20). – Бабушка Няня, я **голоден** (перевод автора – А.А.).

Как и ожидается от ребёнка, меньше всего сдерживает свои природные потребности именно Юсуф и часто просит поесть. В одной из сцен сестра, которая всегда пыталась найти ему пропитание, ничего ему не отвечает, а просто утешительно его обнимает, и так они и засыпают голодные в объятиях друг друга.

По возвращении с фронта, Ахмат также интересуется состоянием родных, на долю которых выпало это нелегкое испытание. Когда сестра справляется, не голоден ли он после дороги, Ахмат задаёт встречный вопрос:

Кесигиз ачдан ёлмеин къалай турасыз (Мариям, 2022, 34:10-34:14)? – Как вы сами ещё с голоду не умерли (перевод автора – А.А.)?

По ходу фильма мы видим, что Мариям часто не ест, предпочитая пожертвовать свою долю родным, уверяя их, что уже поела. Однако в одной из финальных сцен мы видим, что это всё было ложью, не выдержав тягот депортации, эмоциональных потрясений и вечного голода, героиня умирает. Прямо перед её смертью один из других переселенцев, проявлявший к ней симпатию, приносит к их дому еду и оставляет у двери, так как Мариям ему дверь не открыла. Юсуф, поначалу думая, что сестра просто крепко спит, пытается её разбудить, говоря о том, что кто-то принёс еды и наконец можно поесть. Однако, уже слишком поздно.

Кел ашайыкчың. Тур, Яя. Эшик аллыбызда гырджын тура эди. Мен да аны алгъанма да, бери келтиргенме. Бирге сууну да ичейик, гырджынны да ашайык (Мариям, 2022, 57:20-57:50). – Давай поедим. Вставай, Яя. У двери хлеб лежал. Я его взял и принёс сюда. Давай вместе воды попьём и хлеба поедим (перевод автора – А.А.).

Очень быстро спокойные уговоры Юсуфа поесть сменяются тревожными возгласами, а затем и нервным плачем отчаяния. Он понимает, что сестры не стало.

Из проделанного анализа мы видим, что для репрезентации ключевых для исследуемой лингвокультуры концепта ГОЛОД (АЧЛЫКЪ) авторы фильма прибегали к использованию различного рода инструментов коммуникации, включая изменения в голосе и интонации героев, обоснованные их эмоциональными переживаниями.

Таким образом, фильм «Мариям» представляет собой многогранное отражение карачаево-балкарской лингвокультуры, где ключевые метаконцепты, такие как ВЕРА (ДИН), БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), СТЫД (УЯТ) и ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), находят свое воплощение через разнообразные вербальные и аудиовизуальные средства.

Особую значимость приобретает взаимосвязь концептов ВЕРА (ДИН) и СТЫД (УЯТ), демонстрирующая глубокое влияние религиозных норм на нравственные ориентиры в горском обществе. Эпизод с Бэлой служит яркой иллюстрацией того, как нарушение религиозных предписаний влечёт за собой суровое общественное осуждение, обусловленное укоренившимися представлениями о морали и нравственности.

В заключение можно отметить, что фильм «Мариям» является ценным источником для изучения лингвокультурных особенностей карачаево-балкарского народа, позволяющим через призму художественного повествования понять глубинные ценности и традиции, формирующие идентичность этноса.

Перейдём к анализу нашего следующего фильма. Документальный фильм «Хорлатмаз адам эси» повествует об основных событиях, сопровождавших операцию по переселению балкарского народа, и включает себя отрывки из видеохроники тех времён и интервью с жертвами депортации в наши дни, а также с родственниками уже погибших переселенцев. В фильме перечисленные выше непростые концепты воплощены как в словесной форме, так и через

визуальные образы, создавая эффект комплексного и взаимодополняющего единства. Рассмотрим примеры из фильма.

В первую очередь проанализируем присутствие в фильме концепта ВЕРА (ДИН), уже знакомого по анализу предыдущего фильма. В данном фильме этот ключевой для всей карачаево-балкарской лингвокультуры концепт преимущественно представлен, как и в предыдущем фильме, через озвучиваемые героями интервью дуа (мольбы). К ознакомлению следующие примеры, среди которых, однако, не только мольбы, но и другие упоминания Бога и вещей исламской тематики.

Къыргъызлагъа Аллах разы болсун, бизге аман болмагъандыла (Хорлатмаз адам эси, 2019, 05:29-05:40). – **Да будет Аллах доволен** киргизами, которые всегда хорошо к нам относились (перевод автора – А.А.).

Аллах разы болсун миллетибизге, бир джерде кеслерин сыфатсыз этмегендиле (Хорлатмаз адам эси, 2019, 10:15-10:30). – **Да будет Аллах доволен нашим народом**, который нигде себя не посрамил (перевод автора – А.А.).

Аллахдан тилейдиле аягъында, биз кѳргенни душманыбыз да кѳрмесин, биз кѳргенни дуня башында бир миллет да кѳрмесин деб, аллай тилек этедиле бизни таулуларыбыз (Хорлатмаз адам эси, 2019, 20:09-20:25). – А в итоге они **просят у Аллаха**, чтобы даже их враг не столкнулся с тем, с чем столкнулись они, чтобы ни один народ на свете не постигло то, что постигло их, вот с такими **мольбами** обращаются наши **балкарцы** (букв. горцы, самоназвание балкарцев) (перевод автора – А.А.).

Аллахны керти къуллары болгъаныбызны кѳргюзген аллай шартды (Хорлатмаз адам эси, 2019, 35:29-35:40). – Это качество, которое показывает, что мы настоящие **слуги Аллаха** (перевод автора – А.А.).

Кесине кереклисин джаза биле эди, Къуран окъуй биле эди (Хорлатмаз адам эси, 2019, 23:19-23:30). – Он умел немного писать и **читать Коран** (перевод автора – А.А.).

Последний пример, мы считаем, заслуживает отдельного внимания. Это связано с тем, что, по нашему мнению, данное изречение показывает глубокую

укоренённость религии в жизнь людей, ведь, согласно данному заявлению одной из героинь интервью, её отец обладал только самыми базовыми знаниями грамоты, в числе которых и умение читать Коран (от. араб. *قُرْآن* – чтение вслух; назидание), священную книгу мусульман.

Другие случаи актуализации в фильме «Хорлатмаз адам эси» концепта ВЕРА (ДИН) являются либо чисто визуальными, либо вербально-визуальными. Так, в кадрах интервью с одной из героинь оператор многократно делает акцент на чётках, которые на протяжении всего интервью держит героиня. О значении чётков в религии карачаево-балкарцев мы уже писали выше. Кроме того, на заднем плане кадров интервью с другой героиней постоянно мелькает каллиграфическая картина в рамке. На картине изображены отрывки из Корана, выведенные изящным каллиграфическим почерком на арабском языке. Подобный предмет интерьера является привычным для карачаево-балкарских домов в наши дни, что показывает неразрывность религии и повседневной жизни народа.

По ходу фильма неоднократно зачитывались стихи о годах депортации как героями интервью, так и закадровым голосом диктора. В одном из стихотворений звучат следующие строки:

Ёлгенлерибизни асырайбыз, биз джаназысыз, дуасыз, / Межгитлерибиз къалыб кетдиле байрым кюнде дуасыз (Хорлатмаз адам эси, 2019, 39:30-39:40). – Погибших своих мы хороним без погребальной молитвы, без мольбы, / А в пятничный день наши мечети пустуют без молитв (перевод автора – А.А.).

В данной отрывке упомянуты сразу несколько религиозных атрибутов, центральных для Ислама. Среди них погребальная молитва (джаназа), которая была запрещена по дороге в места депортации, так как тела депортируемых было приказано сразу выкидывать с поезда, они не подлежали захоронению. С понятием *дуа* (мольба, молитва) мы уже ознакомились выше. Мусульманские храмы, мечети (от араб. *مَسْجِد* – «место поклонения»), не зря упомянуты именно в связи с пятничным днём (*байрым кюн*). Пятница является священным днём в

Исламе, в который обязательна коллективная полуденная молитва в мечети для всех мужчин (для женщин по желанию).

В другом стихотворении, зачитываемом диктором на фоне видеоряда сначала из современных цветных пейзажей горной Балкарии, а затем кадров из кинохроники времён депортации, упоминается Судный день (*кьыяма кюн* (от араб. يوم القيامة – день стояния)) в качестве образного сравнения для гиперболизации несчастья, обрушившегося на балкарский народ в день насильственного переселения. Считается, что в Судный день очень многие люди будут опечалены, так как большинство оповестят о том, что они не выдержали испытания на Земле и отправляются в ад (*джахалим*).

Кьыяма айлангангъа ушайды (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:18-01:21). – Кажется, будто наступил **Судный день** (перевод автора – А.А.).

Очень значимым примером актуализации анализируемого концепта в фильме «Хорлатмаз адам эси» является фото, сохранившееся со времён депортации и показанное в конце фильма. На фото изображён Теммиев Омар, читающий молитвы у могил своих трёх детей. По датам на могильных камнях (сынташ) видно, что погибли, как и большинство остальных, в самый тяжёлый, первый год депортации, в 1945 (Хорлатмаз адам эси, 2019, 44:19).

Примеры реализации уже знакомого по фильму «Мариям» концепта БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ) можно найти и в данном документальном фильме. Примерами актуализации данного концепта в кинофильме в очередной раз могут служить строки из стихотворения зачитываемого диктором.

Джюрек джаууму ашайды / Сауулукъ ийнеклени ёкюргенлери (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:10-01:15). – Сердце мне разбивает / Рёв **не подоенных ещё коров** (перевод автора – А.А.).

Скот всегда являлся неотъемлемой частью быта карачаево-балкарских семей, проживавших в сельской местности, коих было большинство. Естественно, одним из обязательных и первых по очереди утренних «ритуалов» в карачаево-балкарском хозяйстве была дойка коровы. Данные строки свидетельствуют о том, что посланные на исполнение операции по переселению

балкарцев солдаты заявили в их дома настолько рано, что хозяйева ещё даже не успели подоить коров. Домашний скот упоминается и в другом стихотворении, однако в этот раз акцент делается не на самих коров, а на традиционном скотном дворе (стауат).

Стауат сакъалагъан ийнеклерибиз бизни ызыбздан улуйла (Хорлатмаз адам эси, 2019, 39:25-39:30). – Кричат за нами наши **коровы**, ждущие на **скотном дворе** (перевод автора – А.А.).

Также привычным участником домашнего быта карачаево-балкарского семейства являлась дворовая собака. Упоминание о ней мы можем услышать в интервью даже нескольких героев, повествующих о своих воспоминаниях о дне переселения. Приведём один из примеров.

Кетгенибизде да малай улуй къалгъан эди итибиз ызыбыздан къараб (Хорлатмаз адам эси, 2019, 23:50-23:459). – Даже когда мы уже ушли, **собака** наша продолжила **выть** нам вслед (перевод автора – А.А.).

Другой герой вспоминая то роковое утро, рассказывает о своей матери, которая в момент прихода солдат пекла по своему обыкновению хлеб (гырджын). В карачаево-балкарских домах и по сей день большинство семей пекут собственный хлеб на сковороде.

Анам харип гырджын бишире боладыда... (Хорлатмаз адам эси, 2019, 08:40-08:44) – В тот момент моя покойная мать пекла **хлеб**... (перевод автора – А.А.).

Следующие примеры помогут нам познакомиться с бытовым укладом карачаево-балкарцев во время их путешествия в места депортации и после прибытия туда. В первом упоминается традиционно присутствующее в карачаево-балкарском хозяйстве домашнее топлёное масло, которое одной жертв депортации удалось взять с собой в дорогу и хоть чем-то накормить своих маленьких детей. Посредством упоминания необычного способа кормления героиней рассказа своих детей делается подчёркивается тяжесть ситуации, в котором оказались депортируемые, с собой им не удалось взять даже элементарные предметы посуды.

Ол челек джаудан бармагы бла былай ала да бизни аузубузгъа джалатды. Къашыкъмы боллукъ эди, табакъмы боллукъ эди? Джукъда джокъ (Хорлатмаз адам эси, 2019, 12:54-13:09). – Она намазала на пальцы **масло** из ведра и дала нам слизнуть. Разве были у нас **ложки, тарелки? Ничего не было** (перевод автора – А.А.).

В другом отрывке из интервью мы видим ситуацию с предметами быта в уже обжитом доме в месте депортации, однако, и там она плачевная. Героиня описывает смерть своих родственников, умерших вместе в одной комнате, пока делили один настил для сна с набивкой из сена, который на родине использовали лишь пастухи на коше (*къош* – карачаево-балкарская ферма).

Ала уа мурджарны джайыб, джукълары джокъ, анда джата эдиле (Хорлатмаз адам эси, 2019, 18:45-18:54). – Они спали на **настилах, ничего у них не было**, поэтому спали они там (перевод автора – А.А.).

Широкую визуальную репрезентацию данный концепт получил в фильме через демонстрацию кадров из балкарских селений наших дней, их улиц с автомобилями, домов, пасущихся коров, а также внутренний интерьер домов героев интервью. По ходу фильма были также показаны фото со времён депортации, изображающие карачаево-балкарские дома того периода.

Следующий концепт, присутствие которого в рамках данного документального фильма мы проанализируем, – **ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ)**. Северный Кавказ всегда характеризовался тесным соседством представителей различных этносов. В границах одного региона могли вмещаться от двух и до более ста этнических общностей с различными культурами и языками, которые, как правило, даже к одной языковой группе не относились. Однако, несмотря на все различия, здесь веками уживались национальности с разной религией и традициями. Карачаевцы и балкарцы также исторически делят свои родные республики с широким кругом народностей. В Карачаево-Черкесии соседями карачаевцев являются черкесы, абазины, ногайцы, русские и греки, в то время как Кабардино-Балкария преимущественно разделена между балкарцами и кабардинцами. Герои

интервью неоднократно упоминали помощь и сострадание, которые кабардинцы оказали им в день депортации, предпринимая попытки догнать увозящие их автомобили и докинуть им в дорогу чего-нибудь из еды или одежды, некоторые даже пытались преградить путь военным автомобилям. Обратимся к воспоминаниям самих героев.

Сау болсунла къабарты шохларыбыз да. Джоллагъа чыгъыб, ким джылый, ким сумкачыкъланы атаргъа кюрешиб, малай ашыргъандыла (Хорлатмаз адам эси, 2019, 08:08-08:20). – **Спасибо нашим кабардинским друзьям.** Они на дорогу выходили, кто-то плакал, кто-то пытался нам сумочки закинуть, вот так **они нас провожали** (перевод автора – А.А.).

Миллетле да джарсыгъандыла, болушлукъ этерге да кюрешгендиле джолда (Хорлатмаз адам эси, 2019, 25:55-26:11). – **(Соседние) народы** тоже страдали, на дороге **помочь пытались** (перевод автора – А.А.).

Бир да бек къыйналгъандыла къабартыла да, бир да бек джылагъандыла, бир да бек да джарсыгъандыла (Хорлатмаз адам эси, 2019, 34:55-35:11). – **Кабардинцы** тоже сильно переживали, очень много плакали, очень страдали (перевод автора – А.А.).

Бютеу къабарты чыкъгъанды ол заманда аллыбызгъа, болушхан да этгенди къабарты бизге, бек иги болушханды (Хорлатмаз адам эси, 2019, 36:00-36:09). – В то время **все кабардинцы вышли нам навстречу**, много помогали нам, очень сильно помогли (перевод автора – А.А.).

Къабарты бла малкъар эгеч бла къарнаш болуб келгендиле къачан да (Хорлатмаз адам эси, 2019, 36:09-36:11). – **Кабардинцы и балкарцы** всегда жили как **брат с сестрой** (перевод автора – А.А.).

Кабардинцы и балкарцы, карачаевцы и черкесы по сей день мирно живут в соответствующих республиках, однако, стоит отметить, что напряжённые моменты между соседями возникали неоднократно. После развала Советского союза в регионах периодически возникали конфликтные ситуации на почве споров о разделе территории и распределении между представителями народов правительственных должностей (Такова, 2018).

Концепт ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК), хоть и не характеризуется широкой выраженностью в исследуемом кинофильме, тем не менее, заслуживает нашего внимания, являясь важной деталью исторического контекста событий, освещаемых в кинокартине. Как уже было отмечено выше, приказ о депортации обрушился на карачаево-балкарский народ в период Великой отечественной войны, когда в поселениях оставались лишь дети, женщины и старики, а все юноши и мужчины либо подверглись массовому военному призыву, либо волонтёрами ушли на фронт, во многих случаях даже фальсифицируя свои свидетельства о рождении, чтобы подходить под призывной возраст. О подвиге карачаево-балкарских солдат повествует закадровый голос диктора, в то время как в кадре показаны сцены из кинохроники боевых действий Великой отечественной войны.

Душманны ууатыр ючюн фронтха джашларын ийиб, ала да кеслерин аямай (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:57-02:02). – **Послали сыновей своих на фронт, чтобы разгромить врага, и те себя не жалели** (перевод автора – А.А.).

Кеслерини аскер борчларын къанларын аямай толтургъар солдатла бла офицерлеге ол учузлукъну кёлтюрюрге бютюн кыйыын болгъанды (Хорлатмаз адам эси, 2019, 22:09-22:17). – **Солдатам и офицерам, исполнявшим свой воинский долг не щадя своей крови, было очень тяжело смириться с подобным унижением (т.е. депортацией и лишением их орденов почёта и воинских наград, так как они происходили из репрессированного народа)** (перевод автора – А.А.).

Во вступительном стихотворении, которое озвучивает уже другой диктор, также упоминается доблесть карачаево-балкарских солдат. Во время зачитывания стихотворения в кадре показаны как сцены из кинохроники времён депортации, так и современные горные и речные пейзажи ранней весны в Балкарии, помогающие провести визуальную ассоциацию с исторической родиной народа, о котором ведётся рассказ в стихотворении, а также показать примерное состояние природы в марте 1943 года, когда был приведён в действие приказ о депортации балкарцев. В отрывке из стихотворения, который мы приведём, для усиления образа отважного воина проводится сравнение горцев с

горными орлами, исторически ассоциировавшихся у кавказских народов с честью, достоинством и отвагой.

Ехтем тау джашла тау кьушла кибик / Уруида кьазауат этелле (Хорлатмаз адам эси, 2019, 00:44-00:50). – **Отважные горцы словно горные орлы / Ведут битвы на войне** (перевод автора – А.А.).

Очевидно, однако, что, несмотря на всю свою доблесть, части горцев не удалось вернуться домой с фронта или же присоединиться к своим семьям в местах депортации. В своём интервью один из героев делится с нами своими воспоминаниями об отце.

Атам уруида ёлген эди (Хорлатмаз адам эси, 2019, 34:20-34:24). – **Отец мой умер на войне** (перевод автора – А.А.).

Таким образом, из проделанного анализа мы видим, что концепт ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК), несмотря на редкие обращения к нему в фильме «Хорлатмаз адам эси», имеет высокую степень важность для исторической памяти народа, а также характеризуется высокими уровнем эмоциональной нагрузки для представителей народа, чьи родственники были непосредственными участниками боевых действий. Сочетание аудиального, визуального и вербального кодов в оформлении единиц, соответствующих данному концепту, позволило создать образ карачаево-балкарского солдата, сражавшегося на фронтах Второй мировой войны.

В заключение анализа фильма «Хорлатмаз адам эси» можно утверждать, что он представляет собой глубокое исследование трагических событий депортации балкарского народа. Через призму концептов ВЕРА (ДИН), БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ) и ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК), фильм воссоздаёт картину жизни народа до, во время и после переселения, подчёркивая его духовную силу, приверженность традициям, способность к взаимопомощи и мужество.

Фильм умело использует визуальные и вербальные средства, создавая мощный эмоциональный отклик у зрителя. Интервью с жертвами депортации, архивные кадры, стихи и музыка – всё это сплетается в единое повествование,

раскрывающее глубину переживаний и стойкость балкарского народа. Таким образом, «Хорлатмаз адам эси» является не только важным историческим документом, но и произведением искусства, способным пробудить чувства сопереживания и уважения к культуре и истории балкарского народа.

Одним из основных пунктов нашего исследования является анализ кинофильмов на предмет использованных в них типов вербально-визуальной контаминации. При анализе мы будем придерживаться классификации, предложенной в диссертационном исследовании В. А. Сенцовой и приведённой в параграфе 1.4 нашей работы. Напомним, что, согласно данной классификации, в кинодискурсе встречаются 5 типов вербально-визуальной контаминации: вербально-доминирующая, невербально-доминирующая, биполярная, комплиментарная и синергетическая. В проанализированных нами фильмах обнаружены все данные типы контаминации, за исключением биполярной, что вполне обосновано, так как основной задачей этого типа является создание иронии и достижение юмористического эффекта. Рассмотрим примеры реализации различных типов вербально-визуальной контаминации, зафиксированных в наших документальных и художественных фильмах.

Анализ показал, что вербально-доминирующий тип контаминации преобладает как в художественных, так и в документальных фильмах о депортации. Данную тенденцию можно объяснить информативным характером обоих киножанров данной тематики. Даже принимая во внимание акцент на экспрессивной и эстетической составляющей художественной картины «Мариям», наполненной драматизмом и пейзажами родных краёв и мест депортации, актуализирующих концепт РОДИНЫ и ДОМА, основной задачей данного исторического фильма является просвещение карачаевцев и балкарцев, а также представителей других народов России о значимом для народа периоде репрессий. Приведём примеры.

Рисунок 1 – кадр из документального фильма
«Хорлатмаз адам эси» (2019)

Рисунок 2 – кадр из документального фильма
«Хорлатмаз адам эси» (2019)

Данные кадры из фильма «Хорлатмаз адам эси» (Рисунок 1, Рисунок 2) являются показательными как для всех анализируемых нами документальных фильмов о депортации («Чтобы помнили» (2020), «Чтобы помнили» (2021), «Судьбы печальные страницы» (2023)), так и для всего документального кинодискурса. Данные кадры являются частью сцен интервью с жертвами насильственного переселения, рассказывающими о своем опыте в ссылке. Как известно, в документальном кинодискурсе широко распространено интервью с очевидцами тех или иных событий или экспертами из разных областей как способ передачи ключевой когнитивной информации. В таких сценах, как

правило, не имеет значения визуальная организация кадра, вся необходимая информация передаётся вербально: через речь героев интервью или титры. В сцене, включающей первый кадр, главным инструментом передачи первостепенной информации является речь, в то время второстепенная информация, представленная именем героя интервью, выражена через титры. Для обоснования приоритетной значимости вербального компонента в сценах с представленными кадрами приведём отрывки из интервью данных героев.

Ол итлени улугъанлары, ол ийнекни... Бахчада чабыб-чабыб келиб, былай аллыма тохтаб кёзлеринден джыламукълары агъа эди. Тили болса айтхан этерик эди «Бу не къыйынлыкъды бизге, эгечим?» (Хорлатмаз адам эси, 2019, 02:56-03:17) – Собаки выли, а коровы... В огороде одна бежала-бежала, а потом подбежала ко мне, и у неё из глаз полились слёзы. Если бы она могла говорить, то сказала бы «Что это за несчастье нам выпало, сестра моя?» (перевод автора – А.А.).

Ол челек джаудан бармагъы бла былай ала да бизни ауузубузгъа джалатды. Къашыкъмы боллукъ эди, табакъмы боллукъ эди? Джукъда джокъ (Хорлатмаз адам эси, 2019, 12:54-13:09). – Она (мама) намазала на пальцы масло из ведра и дала нам слизнуть. Разве были у нас ложки, тарелки? Ничего не было (перевод автора – А.А.).

Рисунок 3 – кадр из фильма «Чтобы помнили» (2020)

Следующий кадр из фильма «Чтобы помнили» (2020) (Рисунок 3) является частью сцены, в которой автор проекта выступает в качестве внутрикадрового диктатора, передающего зрителю детали исторического процесса депортации, а также риторически обращающегося к зрителю с целью оказать на них эмоциональное воздействие. Визуальная структура сцены состоит из физического образа автора проекта в роли диктора и фонового изображения балкарских гор. Приведём отрывок из речи диктора.

1944 джыл 8 март бютеу дуня тиширыу халкъла аралы кюнлерине белгилерге хазырланадыла. Таулу тишируланы уа, аланы уа билмей, ата джурларындан узакъгъа Орда Азияда Къазахтанга кёчюредиле (Чтобы помнили, 2020, 01:08-01:20). – 8 марта 1944 года все женщины мира готовятся праздновать международный женский день. В то же время балкарских женщин, без всякого предупреждения, увозят далеко от родины в Казахстан в Средней Азии (перевод автора – А.А.).

Как видим, тексты интервью и речи диктора содержат ценные сведения об эмоциональном состоянии репрессированных в день высылки, а также в период жизни в местах депортации. Что касается информации, транслируемой через визуальные инструменты (внешность и имя героев и диктора, интерьер их домов, кавказская природа), её нельзя охарактеризовать как представляющую ценность для информационного или эстетического насыщения зрителя. Таким образом, доминирование вербальных элементов над визуальными в подобного рода сценах является неоспоримой.

Рисунок 4 – кадр из фильма «Мариям» (2022)

Рисунок 5 – кадр из фильма «Мариям» (2022)

Рисунок 6 – кадр из фильма «Мариям» (2022)

Для подтверждения присутствия в анализируемых фильмах сцен, транслирующих информацию посредством невербально-доминирующей контаминации вербальных и визуальных элементов, приведём примеры из фильма «Мариям». Представленные ниже кадры являются частью более масштабных сцен, которые мы опишем далее.

Сцена, изображённая на Рисунке 4, входит в ряд интродукционных сцен, знакомящих нас с главной героиней и её родным краем, акцент сделан на её внешности и горных пейзажах, из аудиальных элементов – лишь звуки природы. Конкретный кадр взят из сцены у горной реки, в которой героиня оmyвает руки, напевая старую языческую песню о водном божестве. В данной сцене на первый план выходит именно визуальная составляющая - образ горянки у горной реки, символизирующей этническую принадлежность героини и её связь с родной землёй. Сам текст песни без визуальной поддержки не передаёт заложенного в сцену смысла, а культурологическая информация, содержащаяся в ней, является неполной без акцентуализации внимания зрителя на географическом расположении героини. Приведём текст озвучиваемой в данной сцене песни для подкрепления нашего утверждения.

Суу анасы, суу анасы, сенден суучукъ тилейме мен (Мариям, 2022, 01:35-01:59). – Матерь воды, матерь воды, водички у тебя я прошу (перевод автора – А.А.).

Следующий кадр (Рисунок 5) входит в сцену, демонстрирующую смерть главной героини. Мариям бездвижно лежит на кровати, у её головы лежат чаша с водой и хлеб, а младший брат умоляюще согнулся над ней. По активным телодвижениям брата зрителю очевидно, что Мариям не просто спит, и случилось необратимое. Реплики брата, вырванные из этой динамичной сцены, вполне нейтральны и напоминают бытовое общение родственников, которые решили, что пришло время поесть. Для аргументации самостоятельности и самодостаточности визуальной составляющей в данной сцене приведём ниже реплики брата.

Кел ашайыкъчын. Тур, Яя. Эшик аллыбызда гырджын тура эди. Мен да аны алгъанма да, бери келтиргенме. Бирге сууну да ичейик, гырджынны да ашайыкъ (Мариям, 2022, 57:20-57:50). – Давай поедим. Вставай, Яя. У двери хлеб лежал. Я его взял и принёс сюда. Давай вместе воды попьём и хлеба поедим (перевод автора – А.А.).

Кадр на Рисунке 6 аналогичен предыдущему. В соответствующей сцене показана смерть бабушки Мариям – бабушка безмолвно падает на землю во время полевых работ, а оклики и телодвижения внуков, надеющихся вернуть её в сознание оказываются тщетны. Единственный вербальный элемент в данной сцене - оклики внуков «*Няня Ання*» (пер. бабушка Няня), которые при абстрагированном употреблении не смогли бы оказать должного воздействия на зрителей, ввиду бедного семантического наполнения.

Следует отметить, что невербально-доминирующий тип контаминации был зафиксирован нами только в художественном фильме, что вполне ожидаемо в связи со спецификой документального и художественного видов кинодискурса. Визуал является одним из приоритетных инструментов коммуникации в художественном кинодискурсе, авторы художественных фильмов делают акцент на эстетическом восприятии их работы зрителем, а также склонны к наполнению сцен символами, актуализирующимися именно через видеоряд. Тем временем, главная задача документалистики состоит в информировании зрителя, в связи с чем авторы делают акцент на однозначной вербальной составляющей, а видеоряд уходит на второй план во избежание возникновения различия в интерпретации разными зрителями.

Следующий тип контаминации, комплиментарный, был зафиксирован только в документальных работах. Далее мы увидим, что среди примеров данной контаминации преобладают статические кадры, исключаящие какие-либо движения в кадре и состоящие лишь из кадра и титров. Рассмотрим примеры.

Рисунок 7 – кадр из фильма «Чтобы помнили» (2020)

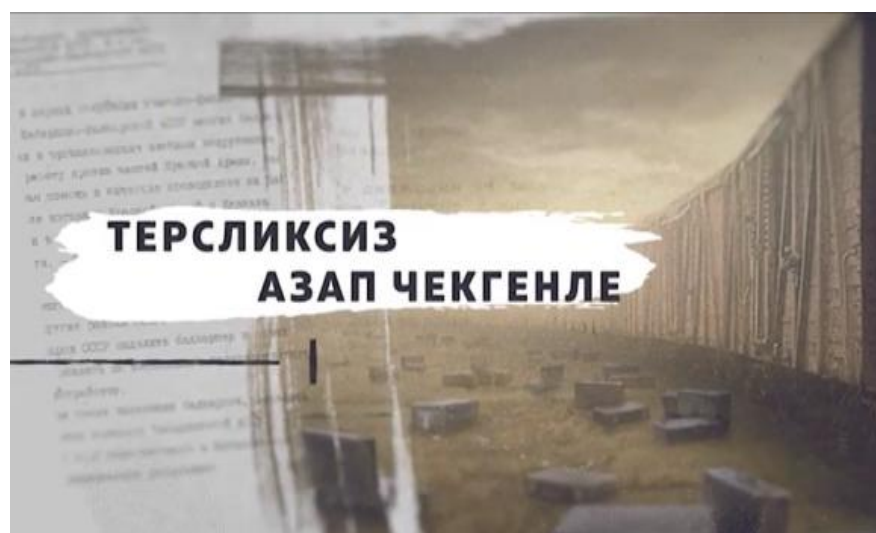

Рисунок 8 – кадр из фильма «Чтобы помнили» (2020)

В документальном фильме «Чтобы помнили» (2020) вступительный кадр (Рисунок 7) представляет картину, на которой изображены бабушка с маленькими внуками, надевающими ей обувь, и стоящий у двери военный. Судя по виду из окна, ещё не рассвело, на улице тоже беспорядок, люди находятся в суматошном движении. По картине сложно определить, что именно на ней происходит и по какой причине в доме, где обитают лишь бабушка и несколько малолетних детей, объявился военный. Лишь благодаря титрам с датой 8 марта 1944 года, в сознании карачаево-балкарских зрителей появляется понимание всего происходящего на

изображении, ведь именно этот день закрепился в истории народа как день великого траура – день депортации балкарцев. Благодаря данному уточнению исторического контекста данный кадр оказывает глубокое эмоциональное воздействие на зрителя, обращается к национальному патриотизму. Для зрителя не принадлежащего к данному народу данный кадр несёт высокую лингвокультурологическую ценность, так как содержит не только сухие исторические данные, но также даёт представление о моральном состоянии народа в тот исторический день и передает сведения о бытовом устройстве карачаево-балкарских домов того периода. Присутствие в кадре только когнитивной информации представленной датой в титрах, без каких-либо дополнительных комментариев, не обладает потенциалом к подобному воздействию. Аналогичным образом, следующий кадр (Рисунок 8) содержит лишь изображение деревянного эшелона поезда с разбросанными рядом на траве чемоданами, в кадре имеется также изображение какого-то документа, однако, текст его нельзя разобрать, поэтому его наличие не несёт ни когнитивной, ни эмоциональной информации, хотя имеет эстетическую ценность. В центральной области кадра имеется надпись «*Терсликсиз азап чекгенле*» (Безвинно были угнетены (перевод автора – А.А.)). Очевидно, что ни изображение, ни имеющаяся в кадре фраза по отдельности не представляют никакой информационной или эмоциональной ценности для реципиента, так как им недостаёт дополнительных сведений о подразумеваемом событии. С другой стороны, объединение в одном кадре данного изображения с известной надписью помогает зрителю собрать всё в единую картину, благодаря интегрированному анализу визуального и вербального компонентов кадра.

Рисунок 9 – кадр из фильма «Хорлатмаз адам эси» (2019)

Рисунок 10 – кадр из фильма «Хорлатмаз адам эси» (2019)

Рисунок 11 – кадр из фильма «Хорлатмаз адам эси» (2019)

Следующая сцена (основные кадры сцены изображены на Рисунках 9-11), представленная в нашем анализе, взята из документального фильма «Хорлатмаз адам эси» (2019). В данной динамичной сцене мы видим толпу людей, среди которых количественно преобладают женщины, движущихся в направлении поезда, следом за ними идут военные с ружьями, которые также контролируют их погрузку в эшелоны товарного поезда. В отрыве от вербального элемента данной сцены, озвучиваемого закадровым диктором, зритель лишён понимания о контексте демонстрируемых в сцене действий. Наряду с этим, текст диктора, без визуального сопровождения не обладал бы тем же эмоциональным эффектом, к которому стремятся авторы подобных фильмов. Таким образом, очевидно, что визуальная и вербальная составляющие находятся в сильной созависимости для обеспечения трансляции заложенных авторами фильма смыслов. Для подкрепления нашего утверждения приведём текст речи диктора в данной сцене.

Таулада къалгъан итлени юргенлери,

Джюрек джаууму ашайды,

Саууллукъ ийнеклени ёкюргенлери,

Къыяма айлангангъа ушайды.

Биз хариплени алыб баралла,

Вагонла сынджырча тюзюлюб.

Джол джанында кёбле джаталла,

Джашау ёмюрлери юзюлюб

Къабырланы ёксюз этмезле таулула,

Этде-кеч болса да къайтырла.

Адамлыкъларын тас этмезле таулула,

Терслеге дауларын айтырла (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:19–01:49).

Сердце болью съедает,

Вой оставленных в горах собак.

Рёв неподоенных коров

Напоминает конец света.

Растянувшиеся цепью вагоны,

Увозят нас несчастных.

По сторонам дороги лежат многие,

Чья жизнь навсегда оборвалась.

Но не оставят горцы могилы предков,

Рано или поздно вернутся.

Они не утратят своей человечности

И потребуют с виновных сполна (перевод автора – А.А.).

Рисунок 12 – кадр из фильма «Чтобы помнили» (2020)

Рисунок 13 – кадр из фильма «Чтобы помнили» (2020)

Примеры последнего типа синергетической контаминации, были обнаружены нами в произведениях как документального, так и художественного кинодискурса. В документальном фильме «Чтобы помнили» (2020) мы видим

сцену (Рисунок 12, Рисунок 13) из чёрно-белой хроники того периода, в которой показаны некоторые действия в отношении представителей карачаево-балкарского народа в день выселения. Показано, как военные с ружьями загоняют толпу из женщин, стариков и детей в большой кузов, а затем отвозят на железнодорожную станцию, где их погружают в деревянные торговые вагоны, в которых обычно принято транспортировать домашний скот. По плачущим лицам людей очевидно, что данные действия в отношении их совершаются против их воли. Карачаево-балкарскому зрителю без слов станет понятно, что за сцена разворачивается перед ним. Однако, данная сцена дополнена ещё речью закадрового диктора, рассказывающего зрителю в форме риторических вопросов о лишениях карачаевцев и балкарцев в депортации. Речь диктора и видеоряд полноценно функционируют независимо друг от друга и способны в полной мере донести до зрителя заложенную в сцену задумку о введении зрителя в исторический курс дела касательно периода, личным историями их которого будут впоследствии делиться герои интервью. Такой род параллельного функционирования вербальной и визуальной составляющих киносцены, взаимно интенсифицирующих друг другу эмоциональное и когнитивное воздействие на реципиента, приводит нас к бесспорному выводу об использовании в данной сцене синергетического типа вербально-визуальной контаминации. Для подкрепления нашего утверждения представим текст речи диктора в данной сцене.

Анача сарнагъанын эшитгенмисиз? От джагъалары уа сууб къалгъан иесиз юйлени кёргенмисиз? Иелери узакъгъа кетиб, ёксюз къалгъан таулары хапарларын билемисиз? Сиз мени халкъымы къайры алыб барасыз? Анга неден да багъалы таулары. Аны аладан айырыб, не табасыз (Чтобы помнили, 2020, 00:47-01:10)? – Видели ли вы кого-нибудь, кто рыдал бы сильнее матери? Видели ли дома с потухшим очагом, оставленные без хозяев? Знаете ли вы о собаках, которые остались одни без своих хозяев? Куда вы везёте мой народ? Ему дороже всего его горы. С какой целью вы их от них отрываете (перевод автора – А.А.)?

Рисунок 14 – кадр из фильма «Мариям» (2022)

Рисунок 15 – кадр из фильма «Мариям» (2022)

Рисунок 16 – кадр из фильма «Мариям» (2022)

Другой случай использования такого рода контаминации зафиксирован нами в художественном фильме «Мариям» (2022), также в сцене самого процесса насильственного выселения из родных краёв. Как и в документальном фильме «Чтобы помнили» (2020), художественный фильм «Мариям» (2022) демонстрирует в данной сцене, изображённой на Рисунках 14-16, безвыходность и печаль балкарских женщин, детей и стариков перед лицом насильственных действий со стороны военных. В данной сцене мы видим как толпу людей ночью насильно загружают в большой открытый кузов, пожилые женщины жалобно рыдают. Далее мы в этой сцене мы видим кадры из товарного вагона, в котором балкарцев перевозят в места депортации в Средней Азии. Молодые и более взрослые женщины, осознав безысходность своего положения, смиренно молчат, а на лицах печаль. У карачаево-балкарского зрителя не останется сомнений, относительно контекста происходящего в сцене, даже при условии просмотра её в немом режиме. Тем временем на фоне происходящих в сцене событий играет песня «Кавказ таула» (пер. «Кавказские горы»), повествующая о дне депортации и перечисляющая все действия, имевшие место в тот трагичный день. Исходя из текста песни, мы можем утверждать о самодостаточности данного фонового произведения в качестве инструмента передачи когнитивной и эмоциональной

информации, однако синхронное использование как визуального, так и вербального способов коммуникации с реципиентом в данной сцене усиливает производимый на зрителя эффект, а также способствует расширению эстетического потенциала сцены. Для более достоверного обоснования нашего утверждения об использовании синергетического типа контаминации в данной сцене, приведём текст песни.

*Ой Кавказ таула, мийик, ариудула,
Бизни деменгили къалабыз.
Сиз да, джылагъыз, ой, биз да, джылайбыз.
Сизден айырылыб барабыз.
Узакъ айырылыб, кетиб а барабыз,
Ёмюрден джашагъан тауладан,
Биз ёлгенлеге ой да бош джылайбыз,
Ала насыблыдыла сауладан.
Машинагъа миниб, кетиб а барабыз,
Бзыбызгъа къараб, ёкюне.
Москвадан келген къызыл командирле,
Тёгерекни алыб, санайла.
Бу къыйынлыкъланы бизге жетгенине
Таула, ташила бары джылайла.
О, Кавказские горы, вы красивы и величественны,
Наши могучие защитники.
Мы плачем, вы тоже плачьте.
Нас отрывают от вас,
Увозят в далекие края,
От гор, которые вечность были нам домом,
Зря мы оплакиваем погибших,
Они счастливее живых.
В машинах нас увозят, а мы оглядываемся назад.
Из Москвы приехал Красный командир,*

Окружил нас всех и считает.

Это горе, постигшее нас

Оплакивают и горы, и камни (Мариям, 2022, 09:05-11:06).

Фильмы «Чтобы помнили» (2020), «Хорлатмаз адам эси» (2019) и «Мариям» (2022) раскрывают трагедию депортации карачаево-балкарского народа через сочетание визуальных и вербальных средств. Визуальные образы (военные, плачущие люди, эшелоны) и тексты (стихи, песни, речь диктора) усиливают эмоциональное и когнитивное воздействие, обращаясь к исторической памяти и национальной идентичности. Синергия этих элементов делает повествование более глубоким и пронзительным.

2.2. Ключевые лингвокультурные аксиологические концепты прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ

Проводя параллели с инструментами современного мира, можно сказать, что культура является своеобразным «жестким диском» народа, аккумулирующим его национальную память и основы менталитета. В рамках своих лингвокультурологических исследований В.В. Красных рассматривает культуру как «некоторое пространство общей памяти, в пределах которого могут сохраняться, актуализироваться и в определённом смысле воспроизводиться общие тексты, общие феномены, общие смыслы», «как некоторое «знание», которое регулирует деятельность человека, управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах, включая общество в целом» (Красных, 2013, с.124). Более того, на данный момент культура представляет собой единственный общественный инструмент компиляции опыта, выработанного и собранного разными индивидами. В работах М.С. Кагана культура признаётся

«внегенетическим способом хранения и передачи вырабатываемой человечеством информации» (Каган, 2001).

Весь спектр культурных сфер, специфичных для конкретного исторического периода, формирует культурный код народа. Из всего ряда языковых единиц могут выделяться единицы, содержащие в себе определённого рода национально-культурный элемент смысла, так называемые ключевые слова, представляющие собой пласт лексем, характеризующихся высокой степенью важности и репрезентативности в контексте определённой культуры. Центральные лингвоспецифичные концепты, «ментефакты», среди которых и прецедентные феномены, ввиду широкой концептуализации, оказываются необходимой составляющей процесса постижения культурных артефактов, классических принципов и жизненного порядка этнической группы, а также фундаментальных ценностей, критически важных для соответствующей культуры (Лучинаская, 2020). Культурно обусловленные прецедентные феномены становятся инструментами выражения фундаментальных взглядов обособленной лингвокультурной группы касательно вопросов этического характера, исполняя роль транслятора моральных установок типичных для народа в исследуемый социально-исторический период. Непосредственно прецедентные тексты служат передаче культурных неизменных этнического коллектива, соответствующих концептами, «существующим постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» (Степанов, 2001, с. 84). Контексты, включённые в прецедентный текст, обеспечивают его обогащение и появление в национальном сознании специфичных, ценностно-маркированных культурных смыслов. Достижение этого требует от коммуникантов владения единым апперцепционным фундаментом, в состав которого входит собрание прецедентных текстов (Волкова, 2023, с. 2).

Располагая способностью рефлексировать коллективные убеждения, олицетворяющие характер времени, прецедентные феномены культуры создают условия для формирования заключения о нравственном состоянии социума. Как пишет В.Л. Латышева, «национально-прецедентные феномены контролируют

практически все сферы деятельности индивида и лингвокультурного сообщества в целом» (Латышева, 2011, с. 16).

Исходя из ключевой роли концептов для мыслительного кода индивида и их ценностных свойств, Г.Г. Слышкин выделяет «микрогрупповые, макрогрупповые, этнические и общечеловеческие концепты». Структура любого прецедентного феномена включает набор уникальных ассоциативных связей, репрезентация которых в сознании членов лингвокультурной общности и является его основным предназначением. Лингвист придерживается мнения, что фундаментальный подход к анализу концептов прецедентных текстов гарантирует расширение границ интерпретации вопроса ценностного восприятия чужого слова, а кроме того способствует формированию социолингвистического подхода к изучению дискурса (Слышкин, 2000).

Прецедентные миры, воспринимаемые как «эволюционирующие системы дискурсивных реакций неограниченного числа акторов на стимул прецедентности, коммуникативно актуализирующий и семантически интегрирующий совокупность прецедентных феноменов», обладают высокой значимостью для процесса становления медиадискурса наших дней, определяемого как дискурс средств массовой коммуникации и цифрового взаимодействия (Орлова, Кабанков, 2015, с. 184). Прецедентный мир также характеризуют как «совокупность прецедентных феноменов, объединённых между собой как одна большая сфера-источник для неограниченного количества сфер-мишеней», интегрированную в общий гипертекст (Кабанков, 2018, с. 39).

Для массовой культуры прецедентные миры исполняют функцию базы накопления культурных индикаторов. Изучение прецедентного мира предполагает обработку прецедентных феноменов, принадлежащих к широкому спектру отраслей искусства (кино, поэзия, музыка, театр, литература). Вышеупомянутые характеристики прецедентного мира подталкивают к логичному выводу о том, что данное явление, погружённое в контекст современных медиа-коммуникаций, носит также и мультимодальный характер (Ремчукова, Кузьмина, 2022, с. 48).

Важными составляющими прецедентного мира являются концепт в целом и аксиологический концепт в частности. В данном исследовании мы будем придерживаться определения концепта С.Н. Виноградова, воспринимавшего данную лингвокультурологическую единицу как некий абстрактный феномен, аккумулирующий в себе выводы представителей конкретного народного сознания о сопровождающих их жизнедеятельность событиях и явлениях, отражающий их мировоззренческие принципы, образному содержанию которого соответствует материальная языковая оболочка (Виноградов, Круглова, 2021, с. 193).

Тем временем особенностью конкретно аксиологического концепта, по мнению С.Н. Виноградова, является его ценностная ориентация, дающая представление о степени значимости того или иного объекта или явления физической реальности для этнической группы и отдельного её представителя (Виноградов, 2007, с. 93). Под оценкой принято понимать как процесс оценивания, так и его предметный результат, олицетворяющий установившиеся в социуме ценности (Виноградов, 2007, с. 95).

Возвращаясь к обсуждению характеристик прецедентного мира, стоит отметить существование её отдельной формы, в основе создания которой стоит не только горизонтальный контекст произведения или ряда произведений, образующих идиопрецедентность, но и потребность в распространении данного мира на межкультурном пространстве. Именно данные принципиальные характеристики служат стимулом для выделения прецедентного мира **ДЕПОРТАЦИЯ**, формирующегося из широкого круга различных интерпретативных полей социокультурного контекста, рассматриваемых с позиций множества индивидуальных подходов (Бредихин, 2015, с. 638). Однако, вопреки, использованию разнообразных подходов к интерпретации, общей основой формирования того самого прецедентного мира, который множится в различных типах дискурса, остаются историческая общность, языковой код, разделенное концептуально-валерное пространство и т.д.

Выступая как братские народы, карачаевцы и балкарцы являются носителями общего карачаево-балкарского языка (вышедшие из употребления

названия – горско-татарский, горско-тюркский, татарско-джагатайский язык), официально включённого в список государственных языков таких субъектов Российской Федерации, как Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика. За пределами их большой и малой родины, носителей карачаево-балкарского языка можно также встретить в странах Средней Азии, преимущественно в Казахстане и Киргизии, в Турции и Соединённых Штатах Америки. По данным переписи 2010 года, общая численность карачаевцев и балкарцев составляет около 500 тысяч человек, из них около 305,4 тысяч представителей народа проживают на территории России (Чеченов, 2018).

Долгое время употреблявшееся обоими народами общее самоназвание *таулу* (горец) в относительно недавний период было заменено на частные *къарачайлы* (у карачаевцев) и *малкъарлы* (у балкарцев) в соответствии с территориальным распределением. Следовательно, это обеспечило появление в русскоязычном научном дискурсе этнонимов карачаевец и балкарец. Однако, интересен тот факт, что среди представителей карачаевского народа этноним *къарачайлы* получил практически повсеместное распространение, в особенности среди молодого поколения, в то время как балкарцы в большей степени твердо придерживаются устоявшихся локальных самоназваний, образованных от названия занимаемой ими местности: чегемец, холамец, безенгиец и так далее. Следует отметить, что слово *малкъарлы* («балкарец», буквально «малкарец») берёт начало из самоназвания говорящих на цокающем диалекте и на данный момент прочно не закрепилось у носителей других говоров (Дыбо, Улаков, Кетенчиев, Кетенчиев, 2021).

Как мы уже упомянули, карачаевцев и балкарцев разделяют, главным образом, по территориальному признаку. Однако, данные народы всё равно считаются братскими, ведь, несмотря на некоторую территориальную обособленность Карачая и Балкарии, языки их до такой степени схожи, что карачаевцы и балкарцы не испытывают абсолютно никаких затруднений в коммуникации друг с другом, этим и определяется уникальность проблемы родного языка для этих народов. Учебные, научно-популярные, художественные

и публицистические издания нацелены на читателей и Карачая, и Балкарии (Боровков, 1932).

В предреволюционный период карачаевский и балкарский языки всё ещё не имели письменности, и, можно с высокой долей вероятности предложить, что на фоне непрекращающихся угнетений со стороны имперской власти в рамках выстраивания военно-народного управления данными областями (Авдеев, Ерохин, Воробьев, Бредихин, 2024), этим языкам было предопределено быть исковерканными и подчиниться незаметной, но неизбежной русификации. В русскоязычной среде для этих народностей даже не было единого названия, поэтому о них упоминали то как о «горских татарах», то, исходя из территориального расположения, называли «чегемцами», «урусбиями» и т.п. В результате Октябрьской революции были учреждены две автономные области Северного Кавказа: Карачаевская и Балкарская, с общей численностью населения 100 тысяч в обеих областях. Эффективная политика партии и советского правительства, а также возросшее участие трудящихся, колхозников и крестьян с низким и средним достатком в Карачае и Балкарии способствовали стремительному и интенсивному экономическому и культурному развитию этих регионов. В 1924 году была внедрена новая письменность, основанная на латинице, началось издание газет, а также научно-популярной и художественной литературы и учебных пособий на родном языке (Боровков, 1932).

Период расцвета был довольно кратким: в 1943-1944 годах карачаевцы и балкарцы были вынуждены покинуть свои исторические земли и переехать в Киргизию и Казахстан. При этом значительное количество людей, включая жителей нескольких сел Верхней Балкарии, столкнулись с жестокими последствиями, в результате чего многие были фактически уничтожены во время депортации. В это время репрессий исследования карачаево-балкарского языка были приостановлены, а работа филологов с этим языком проходила вне границ СССР, например, в США и Турции, где оказались достаточно большими диаспоры народа носителя ещё во времена мухаджирства (Авдеев, Воробьев, Бредихин, 2024). В 1957 году карачаевцы и балкарцы получили возможность вернуться на

свои родные земли. Это кратковременное выселение двух народов привело к серьёзным утратам, включая значительные потери в области языкового и литературного наследия. Тем не менее следует отметить, что, благодаря депортации именно в тюркоязычные регионы карачаевцам и балкарцам удалось сохранить владение родным языком, даже среди молодёжи, которая, как известно, более всего склонна к языковой и культурной ассимиляции. Вернувшись из ссылки, карачаево-балкарская интеллигенция приступила к энергичному восстановлению языка и литературы (Дыбо, Улаков, Кетенчиев, Айбазова, 2021).

Остановимся детальнее на периоде депортации карачаевцев и балкарцев. Попав под удар сталинских репрессий в период Второй мировой войны, карачаевцы и балкарцы были вопреки воле сосланы на территории Казахской и Киргизской ССР. Операции по депортации братских народов проводились с разницей в несколько месяцев: карачаевцев выслали 2 ноября 1943 года, депортация балкарцев началась 8 марта 1944 года. В связи с весовым ограничением разрешённого для перевозки багажа и высоким уровнем стресса, вызванным неожиданностью подобного приказа и короткими сроками сборов, в места ссылки карачаевцы и балкарцы приехали практически с пустыми руками. В обоих случаях подготовка к переселению осуществлялась сотрудниками НКВД и сопровождалась насильственными действиями, что способствовало распространению панических настроений в народе. Зачастую депортации подвергались только женщины, дети, старики и инвалиды, все мужчины были на фронте. Депортируемых перевозили в товарных вагонах, предназначенных для скота, погибших не хоронили, а просто выкидывали из поезда.

Эмпирическим материалом анализа в нашем исследовании послужили отрывки из кинотекстов карачаево-балкарских документальных и художественных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы», «Чтобы помнили» и «Мариям», авторы которых предприняли попытку передать массовому зрителю печальный опыт предков посредством освещения пережитых событий через истории отдельных представителей народа, которые, несмотря на свой индивидуальный характер,

могут помочь составить общую картину того трагичного периода. Вопреки художественной природе фильма «Мариям», сюжет фильма основан на реальных событиях из жизни семьи автора, в связи с чем можно рассчитывать на высокий уровень достоверности и частичную документальность повествования.

Исходя из эмоциональной значимости данных событий для исторической памяти народа и их существенной роли в формировании ценностной и языковой картин мира карачаевцев и балкарцев, закономерным будет прогнозировать высокую степень оценочности языковых единиц кинотекста анализируемых фильмов, отражающих отношение жертв к пережитым ими репрессиям. Тем не менее, аксиологические единицы, используемые в формировании прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ, можно разделить как на позитивные, так и на негативные по своей коннотации. Однако, предвосхищая результаты анализа, логично будет предположить, что негативная область будет преобладать.

Проанализировав данные кинотексты, нам удалось выделить в них позитивную и негативную области аксиологического пространства, аксиологически наполненные единицы которых мы в свою очередь разделили на 8 категорий: 1) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 2) единицы, выражающие жалость к собственной участи; 3) единицы, отражающие гордость своим народом; 4) единицы, наполненные элементами ностальгии; 5) единицы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессирующей власти; 6) единицы, выражающие жалость к собственной участи; 7) единицы, отражающие положительное отношение; 8) единицы, отражающие негативное отношение. Рассмотрим примеры каждой категории. Основные аксиологемы рассматриваемой лингвокультуры внедряются в кинотекст на основе соответствия их генерализованного содержания общему пространству интерпретации, создавая, таким образом, необходимые векторы распределения пространства оценки.

2.2.1. Позитивная область аксиологического пространства

В фильме «Хорлатмаз адам эси» категория аксиологем, отражающих гордость своим народом, несмотря на её эмоциональную значимость, насчитывает наименьшее количество единиц, что вполне естественно, учитывая то, что тематика фильма направлена на негативное представление тяжелой судьбы карачаево-балкарского народа. «*Ёхтем таулу джашила, тау къушла кибик*» (*Храбрые горы словно горные орлы* (перевод автора – А.А.)) – в данном предложении посредством оценочного прилагательного ёхтем (храбрый) и сравнительного оборота тау къушла кибик (словно горные орлы) выражена высокая оценка народом мужества своих соплеменников, принимавших участие в защите страны от фашистов (Хорлатмаз адам эси, 2019, 00:44-00:47). В данном примере можно также проследить такой яркий элемент карачаево-балкарской и в целом кавказской культуры, как почитание и тотемизацию орла, которого, как правило, ассоциируют с силой, уважением и храбростью. Процесс символизации перцептивно воспринимаемых объектов осуществляется на основе фоновой проекции внутреннего содержания смыслового конструкта при ноэматической рефлексии по моделям, традиционным для народного сознания (Бредихин, 2014, с. 7). В следующем предложении выражена оценка стараниям, которые прилагали карачаево-балкарские солдаты для победы над врагом: «*Душманны ууатыр ючюн джашиларын фронтха ашырыб, ала да кеслерин аямайын*» (*Послали сыновей своих на фронт, чтобы разгромить врага, и те себя не жалели* (перевод автора – А.А.)). Буквально лексема ууатыргъа переводится как «измельчать», «крошить», то есть для словосочетания душманны ууатыргъа наиболее адекватным является перевод «стереть врага в порошок» (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:57-02:02).

Кинотекст документального фильма «Хорлатмаз адам эси» также содержит категорию единиц с оценочным элементом «хороший», формирующих

пространство позитивизации и отражающих чувство ностальгии. Несмотря на трудности, которые переживали в те годы герои интервью, представленных в документальных фильмах, в их словах можно обнаружить элементы ностальгии и положительное отношение к предметам быта или членам семьи, выраженным посредством добавления уменьшительно-ласкательных суффиксов. Например, *джуургъанчыкъ* (одеяльце), *джастыкъчыкъ* (подушечка), *къызчыкъ* (девочка), *къарнашчыгъымы кёлекчигин* (рубашечка братишки), *гардошчукъла* (картошечка), *чюгюндюрчюк* (свёклушка), *ахчачыгъым* (денюжка) (Хорлатмаз адам эси, 2022).

В кинотексте художественного фильма «Мариям» была обнаружена отсутствующая в предыдущем фильме категория единиц, отражающих положительное отношение, будучи представленными лексемами, имеющими в своем составе оценочные семы «хороший» или «красивый». К примеру, бабушка часто обращается к своей внучке, главной героине, называя её «*марджан*», «*узунчач*», что переводится как «*коралловая моя*» и «*длинноволосая моя*» соответственно (Мариям, 2022). В карачаево-балкарском языке данные слова являются субстантивированными прилагательными, сформированными на основе образных тропов, сравнивающих красоту девушки с кораллами и подчёркивающих красоту её волос. Следует отметить, что, помимо общей оценки, выделяются несколько специальных сфер распространённости ценностей, выраженных следующими диадами: 1) «истинно» и «ложно»; 2) «добро» и «зло»; 3) «прекрасное» и «безобразное»; 4) «приятное» и «отвратительное». Очевидно, что данные прилагательные, используемые бабушкой для в качестве обращений, относятся к сфере «прекрасное» и резко противопоставляются сфере «безобразное».

Наряду с образными средствами, для выражения положительной оценки в отношении к различным предметам или лицам используются также словообразовательные средства. К примеру, в предложении «*Юсюп, Мариямчыгъыбыз келгенди*» (Юсуф, наша *Мариямка* пришла (перевод автора – А.А.)) (Мариям, 2022, 19:40-19:44) бабушка называет имя внучки, добавляя к

нему уменьшительно-ласкательный суффикс *чыкъ/чыгъ*, тем самым подчеркивая своё доброе отношение к ней и позитивную оценку прилагаемых ею усилий для выживания их семьи в начальный период депортации.

В одной из финальных сцен младший брат героини подходит к ней, думая, что она спит, хотя на самом деле она была уже мертва, со словами «*Тур, гырджынчыкъ бла суучукъ келтиргенме*» (*Вставай, я хлебушка и водички принёс* (перевод автора – А.А.)) (Мариям, 2022, 57:20-57:22). В данном случае положительная оценка предметов также выражена посредством использования уменьшительно-ласкательных суффиксов *-чыкъ/-чукъ*, что ожидаемо, учитывая степень почитания пищи мусульманами (Ислам проник в карачаево-балкарскую среду ещё в 17 веке), а также контекст депортации, предполагавший нищету и голод, который заставлял радоваться даже самой скудной пище.

К категории единиц, репрезентирующих пространство позитивизации, а, следовательно, выражающих положительную оценку, в кинотексте фильма «Судьбы печальные страницы» были определены единицы образного обращения и единицы, сформированные посредством добавления уменьшительных морфем. Приведём примеры.

Во фрагменте интервью, когда дочь пытается освежить в памяти пожилой матери рассказы о временах ссылки в Средней Азии, которыми героиня интервью сама поделилась с дочерью ранее, мать ей отвечает: «*Мен аланы унутханма, джаным*» (*Я это всё уже забыла, душа моя* (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 06:50-06:52). Слово *джаным* (балк. *жаным*) (пер. *душа моя*) часто употребляется представителями карачаево-балкарского народа в обращении к близким людям для выражения ласки и приязни, а также в обращении к знакомым с целью экспликации доброго отношения и положительной оценки их действий.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы в карачаево-балкарском языке используют для демонстрации ценности каких-либо лиц или предметов. Так, например, одна из героинь интервью, показывая на своих младших сестер, говорит: «*Ол да бу да эгешчиклерим*» (*И она, и она – мои сестрички* (перевод

автора – А.А.) (Судьбы печальные страницы, 2022, 08:30-08:35). Данный пример можно интерпретировать как актуализацию позитивной области одного из фундаментальных ценностных концептов карачаево-балкарской лингвокультуры – семьи.

В отрывке «Кюбюрден *алтынчыкъларымы алыб...*» (Забрав из сундука своё золотишко...(перевод автора – А.А.) (Судьбы печальные страницы, 2022, 38:43-38:49) героиня интервью показывает, какую ценность для них во времена переселения имело то небольшое количество драгоценностей, которое её семье удалось забрать с собой, и трепетное отношение к ним.

Лингвоаксиологический анализ двухсерийного документального фильма «Чтобы помнили», подготовленного кабардино-балкарским отделением телеканала «Россия 1» и представляющего собой видеоряд из интервью о воспоминаниях балкарских жертв депортации и кадров из хроники, выявил значительное количество аксиологем, эксплицирующих любовь горцев к дому, к родной земле, которой их одновременно лишили, но возвращения на которую они терпеливо ждали, отказываясь впасть в отчаяние. Как уже выше упомянуто, для карачаево-балкарских горцев главной ассоциацией с домом служили характерные для их исторического места расселения кавказские горы, ставшие практически синонимом родной земли, тем не менее в анализируемом кинотексте можно встретить упоминание и других природных объектов, создававших образ дома в представлении переселенцев, вынужденных оказаться в степи, географические характеристики которой резко отличаются от кавказских территорий. Приведём примеры из кинотекста.

Анга неден да багъалы таулары (Чтобы помнили, 2020, 05:30-05:33). – Дороже всего ей **горы** (перевод автора – А.А.).

Суу асыры таза болгъандан тубюнде ташчыкъла кёрюне эдиле (Чтобы помнили, 2021, 16:50-16:53). – **Вода** была настолько (букв. слишком) чистой, что на видно было камни на дне (перевод автора – А.А.).

О возвращении на родину мечтали все. Даже уже обосновавшись в местах ссылки, карачаевцы и балкарцы с надеждой ждали отмены статуса специальных

переселенцев, предвкушали путешествие обратно домой, вследствие чего образ дороги также обрёл высокую степени позитивизации. Слушая рассказы переживших переселение, автор фильма в беседе с героями интервью комментирует:

Жол кёллю болуб тургъансыз (Чтобы помнили, 2021, 10:02-10:05). – Вам не терпелось выйти в дорогу (перевод автора – А.А.).

Многие жертвы депортации попали туда ещё новорождёнными или просто детьми. Про свою родину у подножий Главного Кавказского хребта они слышали только от старших, однако одни лишь рассказ родине вселяли в них любовь к ней, и они стремились получить возможность увидеть родной Кавказ своими глазами. Таким образом, в сознании самых юных спец. переселенцев образ дома представлялся как часть величественной кавказской земли, а кроме того, косвенно этот образ включал и образ дороги, так как юным переселенцам также не терпелось предпринять путешествие до родных краёв.

Кавказда болгъан затланы сагъына эдиле да, биз да сукълана эдик (Чтобы помнили, 2021, 09:36-09:39). – Слушая рассказы о том, что есть на **Кавказе**, мы очень **завидовали** (перевод автора – А.А.).

Арыб-арыб арыгъынчы, Кавказгъа барабыз деб бара эдик (Чтобы помнили, 2021, 09:38-09:48). – Пока не уставали, мы шли вперёд, **желая дойти до Кавказа** (перевод автора – А.А.).

Любовь к своему народу крепла также как и любовь к народному краю. Будучи разделёнными со своему соплеменниками в разных местах ссылки и не имея официальной возможности с ними воссоединиться, карачаевцы и балкарцы предвосхищали любую встречу с людьми, разделяющими с ними язык, культуру и исторические корни. МАЛКЪАРЛЫ (БАЛКАРЕЦ), ТАУЛУ (БАЛКАРЦЕВ, ГОРЕЦ) стали аксиологическими доминантами, приобретя высокую степень положительной оценочности в рамках дискурса депортации. Данные этнонимы имели положительный образ для их носителей в любые времена, однако в контексте депортации их можно охарактеризовать как аксиологические концепты с положительной коннотацией именно благодаря глубоким переменам

в жизненных обстоятельствах карачаево-балкарцев. Всё, что было связано с карачаевцами или балкарцами, попадало исключительно в пространство позитивизации.

Бир таулу кёрюрбюз деб, анга сукъланыб ёле эдиле (Чтобы помнили, 2021, 11:55-11:58). – Они умирали с **мечтой** увидеть других **горцев** (балкарцев) (перевод автора – А.А.).

Малкъарда берекет юйле кьуруйдула (Чтобы помнили, 2021, 15:46-15:48). – **Изобильные балкарские дома** разрушаются (перевод автора – А.А.).

Описанная выше тоска карачаевцев и балкарцев по родине способствовала положительной аксиологизации концепта ВОЗВРАЩЕНИЕ (ЫЗЫНА КЪАЙТЫУ). В зону позитивизации попали все единицы, отсылающиеся к любой возможностям вернуться домой и факторам, которые могли их обеспечить.

Арта ызына къайтыргъа эркинлик болгъунчун алайда тургъансыз? (Чтобы помнили, 2020, 11:13-11:20) – Вы там оставались, пока не получили разрешение вернуться? (перевод автора – А.А.)

Адамла туугъан эллеге къайтсынла (Чтобы помнили, 2020, 28:50-28:55). – Пусть люди **вернутся в родные сёла** (перевод автора – А.А.).

Тюзлюк келликди деб ышанабыз (Чтобы помнили, 2020, 28:35-28:43). – Уверены, что **справедливость** восторжествует (под справедливостью подразумевается возвращение карачаевцам и балкарцам законного права проживать на своей исторической родине) (перевод автора – А.А.).

Как свидетельствуют рассказы всех жертв депортации, а также официальные источники, в местах ссылки депортированные народы оказались практически ни с чем, были вынуждены строить быт и свою жизнь с нуля. Упорный и добросовестный труд всегда ценился у карачаево-балкарцев, обеспечивая концепту ХАЛАЛ КЪЫЙЫН / УРУНУУ (ЧЕСТНЫЙ ТРУД) место в ряду ключевых аксиологических концептов их лингвокультуры. Кардинальные изменения в жизненных обстоятельствах карачаево-балкарского народа, вызванные репрессиями, способствовали интенсификации оценочного компонента данного концепта, так как буквально только благодаря своему

нечеловеческому труду в местах депортации карачаевцы и балкарцы смогли противостоять геноциду и не допустить исчезновения своего народа. Рассмотрим примеры из кинотекста.

Анда ишлей, ахчачыкъ ала, алай аякъ юсюне сюелдик (Чтобы помнили, 2020, 10:05-10:20). – **Работая** там, получая хоть какие-то **деньги**, мы смогли **встать на ноги** (перевод автора – А.А.).

Иш бла кеслерин да сакълагъандыла. Махтаугъа, спасха тыйынчлы болдула (Чтобы помнили, 2020, 13:59-14:05). – Только **трудом** они смогли **спасти** и **сохранить** себя. Они полагаются только **похвала** и **восхищение** (перевод автора – А.А.).

В анализируемом кинотексте чётко прослеживается позитивизация предметов быта в период депортации, что воспринимается вполне логичным, учитывая описанные нами выше условия, при которых им удалось добиться всего того, что они имели в период депортации. Таким образом, как фильме «Хорлатмаз адам эси», кинотекст «Чтобы помнили» содержит единицы, выражающие ностальгию и положительное отношение к предметам быта. Экспликации положительной оценочности соответствующих единиц служит употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов -чыкъ / -чюк / -чик и описательных слов. Приведём примеры.

Хар бирибиз табакъчыгъыбызны, къашыкъчыгъыбызны алыб котёлгъа бара эдик (Чтобы помнили, 2020, 07:12-07:25). – Каждый из нас брал свою **тарелочку** и **ложечку** и подходил к котлу (перевод автора – А.А.).

Кесиbizни чачыбыздан кесиб, эшмечикле этиб, гинджилеге тагъа эдик (Чтобы помнили, 2021, 10:20-10:30). – Отрезая часть собственных волос, мы заплетали **косички** куклам (перевод автора – А.А.).

Бизге юйчюк этген эдиле, бек ариу, табчыкъ эди (Чтобы помнили, 2021, 11:48-11:52). – Нам построили **домик**, очень **красивый** и **удобный** (перевод автора – А.А.).

Одним из самых широко актуализированных в рассматриваемом кинотексте концептов является СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ), для которого исторически

характерна положительная оценочность. В условиях депортации в карачаево-балкарском сознании ценность семьи возросла, что обусловлено разлуки и тяготами ссылки, преодолеть которые было бы невозможно без взаимовыручки и поддержки членов семьи. Следовательно, можно утверждать, что кинотекст фильмов депортационной тематики предполагает интенсификацию ценностной составляющей единиц, вербализирующих данный концепт. Приведём примеры соответствующих отрывков.

Анам да, къарандашчыгъым да ёлдю (Чтобы помнили, 2020, 24:40-24:44). – И **мама** моя, и **братишка** умерли (перевод автора – А.А.).

Къарандашым армиядан къайтды (Чтобы помнили, 2020, 27:13-27:19). – **Брат** мой вернулся из армии (перевод автора – А.А.).

Солдатла малкъарланы эллерин къыргъанларында, Маулия, эки эгешчиги джангыз кеслери къалгъан эдиле (Чтобы помнили, 2021, 02:06-02:10). - Когда солдаты громили балкарские сёла, Маулия с её двумя **сестрёнками** остались совсем одни (перевод автора – А.А.).

Анамы эгечи ол кюн джашчыкъ табхан эди (Чтобы помнили, 2021, 02:45-02:48). – В тот день у **сестры** моей матери родился **сыночек** (перевод автора – А.А.).

Выявленные в исследуемых кинотекстах аксиологические единицы позволяют нам сделать вывод о присутствии в прецедентном мире ДЕПОРТАЦИЯ таких позитивизированных аксиологических концептов, как ДОМ (ЮЙ), ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК), СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ), ЕДА (АШ), ВЕРА (ДИН), КРАСОТА (АРИУЛУКЪ), РОДНАЯ ПРИРОДА (ТУУГЪАТ ТАБИГЪАТ), ГЕРОЙ (ГЕРОЙ), ЧЕСТНЫЙ ТРУД (ХАЛАЛ ИШ / УРУНУУ), ТРУД (ИШ), БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), ДОРОГА (ДЖОЛ), ВОЗВРАЩЕНИЕ (ЫЗЫНА КЪАЙТЫУ), МАЛКЪАРЛЫ (БАЛКАРЕЦ), ТАУЛУ (БАЛКАРЕЦ / ГОРЕЦ), ГОРЫ (ТАУЛА). Оценочность единиц в проанализированных кинотекстах выражена различными средствами языка: употребление эмоционально окрашенных прилагательных, использование образных средств, внедрение уменьшительно-ласкательных суффиксов и так далее.

2.2.2. Негативная область аксиологического пространства

Как уже было отмечено выше, фильмы, основанные на историях о годах ссылки карачаевцев и балкарцев, отличаются преобладанием в их кинотексте единиц с ярко выраженной негативной коннотацией, что вполне обоснованно стремлением авторов передать зрителю все тягости лишений, пережитые карачаево-балкарским народом впоследствии несправедливо вынесенного вердикта о насильственной депортации. Как и в случае с позитивизированными аксиологемами, негативная область аксиологического пространства избранных кинотекстов включает в себя оценочные единицы из разных смысловых категорий.

В документальной картине «Хорлатмаз адам эси» значительное внимание уделяется категории единиц, репрезентирующих бесчеловечное отношение репрессирующей власти. К первой категории относится такое выражение как *халкъны тар ырбынга тыйдыла* (загнали народ в углу (перевод автора – А.А.)) (Хорлатмаз адам эси, 2019, 00:33-00:35), отражающее безвыходность и отчаяние ситуации, в которую попали карачаевцы и балкарцы. Данная оценка выражена не одним словом, а фразеологизмом *тар ырбынга тыяргъа*, что существенно повышает семиотическую нагрузку вербализатора. Дополнительное подкрепление дерогативных компонентов ценностного пространства производится именно устойчивостью формы вербализации, разделение всеми членами лингвокультурного сообщества базовых компонентов аксиологемы привязывает новый прецедентный феномен к сфере осознанного в социуме события.

Следующие оценочные единицы заключены в предложении «*Адамланы тышына къыстаб мешиналагъа джюклеб башлайдыла*» (Хорлатмаз адам эси, 2019, 07:33-07:08) (**Выгнав** людей на улицу, их начали **грузить** в машины (перевод автора – А.А.)). Слово *къыстаргъа* по семантике близко к русскому «выгонять/прогонять», то есть подчеркивается, что люди были выведены из

своих жилищ против собственной воли. *Джюклерге* (пер. *грузить*) в карачаево-балкарском языке используется только для описания действий с неодушевленными предметами, таким образом, авторы акцентируют внимание на пренебрежительном отношении органов власти к депортируемым при исполнении операции. Это пренебрежение и жестокость также подчеркнуты в предложениях: «*Малай атхандыла мешиналагъа*» (*Вот так и бросили их в машины* (перевод автора – А.А.)) (Хорлатмаз адам эси, 2019, 11:05-11:09); «*Поезде миндиредиле ма былай къалау этиб*» (*Погрузили их в поезд и бросили в кучу* (перевод автора – А.А.)); «*Ийнекле джюрюген эшелоннга къуйдула*» (*Навалили их в вагоны для перевозки скота* (перевод автора – А.А.)) (Хорлатмаз адам эси, 2019, 13:09-13:03) и т. д.

Вполне закономерно, что категория единиц, выражающих жалость к собственной участи, является самой многочисленной. В неё входит, например, характерологическая аксиологема с базовой семой «гибель» из следующих предложений: «*Биз хариблени къайры элтедиле билмейбиз*» (*Куда нас бедных везут мы не знаем* (перевод автора – А.А.)) (Хорлатмаз адам эси, 2019, 00:57-01:03); «*Анам хариб гырджсын бишире эди*» (*Бедная мать моя пекла хлеб* (перевод автора – А.А.)) (Хорлатмаз адам эси, 2019, 08:40-08:44). В карачаево-балкарском языке лексема *хариб* является полным аналогом русского «бедный», используемого как для оценки моральной, а не материальной характеристики человека, однако также данное слово карачаевцы и балкарцы используют в значении «умерший, погибший», поэтому во втором предложении можно проследить оценку не только ситуации, сложившейся в тот конкретный исторический период, но и чувства интервьюируемой к более поздней смерти матери в ретроспективе к прецедентному феномену, представленному в кинофильме.

Следующий пример интересен тем, что оценка в нём даётся не чувствам депортируемых людей, а их питомцев, провожающих своих хозяев и, хоть и неосведомлённых, но понимающих неузуальность и негативный характер происходящих событий: «*Итлерибиз бизни ызыбыздан улуйла*» (*Собаки наши воют нам вслед* (перевод автора – А.А.)) (Хорлатмаз адам эси, 2019, 39:27-39:31).

В данном предложении намеренно было использовано эмоционально нагруженное слово *выть* (*улургъа*) вместо нейтрального *лать* (*юрюрге*). Создание общего пространства дерогации осуществлено с помощью экспликации диады «мир – человек», где объективная реальность (природа) анимализируется в образах домашних животных.

Приведём ещё один пример из данной категории. В словосочетании «*бары да къырылыб*» (*и все вымерли* (перевод автора – А.А.)), словом *къырылыргъа* (пер. *вымирать, гибнуть,дохнуть*) даётся оценка демографической ситуации, вызванной репрессиями. Из-за жестокого обращения и тяжелых условий перевозки, а впоследствии и адаптации на чужой земле, погибла одна третья карачаево-балкарского народа.

Поведать зрителям о крайней жестокости депортирующей власти хотели и авторы игрового фильма «Мариям». Языковая единица данной категории была обнаружена в предложении «*Да чеченлени да алай кетерген эдиле*» (*Да чеченцев ведь тоже так убрали* (перевод автора – А.А.)) (Мария, 2022, 06:00-06:04). В карачаево-балкарском языке глагол *кетерирге* полисемантичен и может переводиться как «*убирать / увозить / стирать / смывать / сбивать / уничтожать / искоренять*». Таким образом, оценочный характер данной единицы заключается в акцентировании внимания зрителя на том, что чеченцев не просто перевезли на другую территорию, а сделали это жесточайшим способом, практически спровоцировав искоренение народа. Очевидно, что негативизация оценочных компонентов с переносом в прямом сравнении с другими этносами способствует объединению концептуально-валерных систем различных народов Кавказа. Следует подчеркнуть, что генерализация оценки осуществляется и на основе трансляции бед и несчастий, понятных всему человечеству.

Например, в следующем примере содержится лексема, относимая ко второй категории, которая отражает оценку народом своего безвыходного и жалкого положения. В предложении «*Дуниягъа палах келиб тургъан сагъатда*» (*Когда на мир обрушилась беда* (перевод автора – А.А.)) (Мария, 2022, 04:40-04:43). Слово *палах*, которое в переводе на русский язык означает

«беда/несчастье», даёт отсылку не к периоду самой депортации, а предшествовавшему ей началу Второй мировой войны, которая уже нанесла сильный удар по экономическому и духовному состоянию карачаево-балкарского народа: продовольствия, как и рабочей силы не хватало, все здоровые мужчины и юноши ушли на фронт, оставив женщин, стариков и детей дома. Таким образом, данная языковая единица содержит в себе негативную оценку обстоятельств, преследовавших представителей карачаево-балкарского народа с начала сороковых годов двадцатого века.

В экспрессивном высказывании *«Не джашауду бу биз хариблеге?!»* (Мариям, 2022, 14:00-14:02) (*Что это за жизнь такая у нас несчастных?!* (перевод автора – А.А.)), бабушка главной героини выражает отчаяние, вызванное тяжелыми условиями депортации. Слово *хариб* в переводе даёт такие значения, как *«бедный/несчастный/бедолага»*. Кроме того, данную лексему традиционно используют в речи об умершем, то есть данную реплику можно интерпретировать и так, что участь депортируемых была настолько жестокой, что моральное состояние людей было близким к предсмертному, из которого они не видели выхода. Напрашивается вывод о резко негативной оценке спецпереселенцами условий, наличествовавших в местах депортации.

Фраза *«Тегерекде ачдан къырыллыкъбыз»* (*С голоду все подохнем* (перевод автора – А.А.)) (Мариям, 2022, 14:15-14:18), принадлежащая той же самой героине, поддерживает похожее настроение, подчеркивая, что смерть их ждёт самая мучительная. При этом соматизация душевных переживаний индивидуализирует подобное осмысливание прецедентного феномена (Бредихин, 2021, с. 137).

Оценочность негативного характера, заложенная в языковую единицу *къырылыргъа*, обосновывается тем фактом, что в карачаево-балкарском языке она носит такие значения, как *«помирать / гибнуть / полегать / дохнуть / сдохнуть»*, и используется очень часто в отношении скота. Данная лексема резко отличается по семантике от нейтрального *ёлюрге* (пер. *умирать*) и имеет яркую эмоционально-оценочную окраску.

Рассмотрим вербализаторы, репрезентирующие бесчеловечное отношение репрессировавшей власти в документальном фильме «Судьбы печальные страницы». Достаточно яркий пример можно обнаружить в предложении «*Ол юч солдат сизни эшикге **сюрюб** чыгъарыргъа излейдиле*» (*Те три солдата хотят вас на улицу **выгнать*** (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 09:00-09:03). Слово *сюрюрге* с карачаево-балкарского переводится как «гнать/выгонять». Используя данную лексему, герой интервью подчеркивает, намеренно жестокое обращение представителей власти с депортируемыми, а также актуализирует отсутствие уважения к имуществу переселяемых, что эксплицируется в рамках оппозиции «дом – улица», первый компонент которой является концептуально значимым практически в каждой лингвокультуре. Оценочный компонент рассматриваемой лексики, как мы видим, характеризуется негативной нагрузкой.

В следующем предложении «*Къабыры къайсы болгъанын... ямалагъа **атыб** баргъандыла да*» (*Не разбирая где чья могила, (тела) просто **бросали** в ямы* (перевод автора – А.А.)) (Хорлатмаз адам эси, 2019, 15:10-15:25) делается акцент на пренебрежительном отношении властей к жертвам депортации, погибшим ещё до достижения места назначения. Если человек умирал в поезде по пути в места переселения, его тело просто выбрасывали из вагона. Если подобное происходило в пунктах расселения, и близких не оказывалось рядом, тела умерших просто раскидывали по ямам, не достаивая их и могильных плит. В результате люди часто не могли выяснить, где захоронен член их семьи. Таким образом, подобному поведению со стороны властей героями интервью даётся отрицательная оценка, так как вместо нейтрального *тюшюрюрге* (пер. *опускать*) было использовано слово с негативным оценочным компонентом.

Категория единиц, выражающих жалость к собственной участи в данном фильме более многочисленна. Как можно предполагать, исходя из названия, она также наполнена единицами с отрицательной оценкой, ведь бесчеловечные условия, узниками которых оказались спецпереселенцы, не могли оставить положительный след в их концептосфере.

Предложение «*Сабийле да ёксюз кьалдыла*» (*И дети остались сиротами* (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 08:57-08:59) является частью реальной истории гибели родителей одного депортированного семейства, рассказанной героиней интервью. Если рассматривать лексему *ёксюз* (пер. сирота) в диаде «добро – зло», то, очевидно, что она будет входить во вторую сферу, так как ни в одной культуре мира к потере детьми родителей не относятся с положительной оценкой.

В предложении «*Инджилтиб кёб турдула сизни*» (*Много мучили вас* (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 44:34-44:37) дочь героини интервью, родившейся уже после периода депортации, делает заключение об отношении к депортированным со стороны органов власти, исходя из рассказов матери, как жертвы переселения. Слово *инджилирге*, переводимое как «*страдать/мучиться/нуждаться/бедствовать*», имеет явную негативную коннотацию и, несомненно, его можно было бы отнести к сфере «зло», расширяющей дерогативное пространство коммуникации.

В следующих примерах есть общая значимая для нашего анализа лексема, уже ранее выявленная нами в кинотекстах предыдущих фильмов: «*Мухтар хариб ёлюб кьалгъан эди*» (*Мухтар бедный умер* (перевод автора – А.А.)) и «*Анам хариб кетгенди*» (*Мать моя бедная умерла* (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 36:54-35:58). Как отмечалось выше, в карачаево-балкарском языке слово *хариб* используется для оценки психоэмоционального состояния человека, с экстраполяцией до максимальной степени страдания в значении «*умерший, погибший*».

Лексема, на которую нам стоит обратить в следующем примере, также фигурировала в предыдущих кинопроизведениях: «*Биз мында кьырылыб барабыз*» (*Мы здесь гибнем* (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 39:23-39:28). Как и до этого, словом *кьырылыргъа* (пер. вымирать, гибнуть,дохнуть) даётся резко негативная оценка демографической ситуации, вызванной репрессиями. Из-за жестокого обращения и тяжёлых условий перевозки, а впоследствии и адаптации на чужой земле, погибла треть

карачаево-балкарского народа. В данном случае в интервью делается отсылка на важное историческое событие – встречу карачаевской делегации с Н.С. Хрущевым в Москве в 1956 г., после которой был издан приказ о реабилитации депортированных народов. В речи перед Н.С. Хрущевым говорилось об угнетении народов в местах депортации.

Далее мы переходим к категории, которая не была обнаружена ни в одном из предыдущих фильмов, а именно единицам, отражающим негативное отношение. С целью выразить негативную оценку описываемых событий или предметов, как и во многих других лингвокультурах, носители карачаево-балкарского языка прибегают к проклятиям. Это можно наблюдать в следующих фрагментах нашего кинотекста. В предложении «*Чюгюндюр худжуугъа суу сала эдик*» (*Мы поливали эту **проклятую** свёклу* (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 19:45-19:48) героиня интервью рассказывает о принудительных работах, которыми их заставляли заниматься казахи в местах депортации. Слово *худжу* переводится как «*проклятый / недобрый / несчастливый / губительный / плохой*», что позволяет нам прочувствовать всю ненависть, которую депортированные ощущали к подобного рода навязанным действиям и всю тягостность их выполнения.

Далее героиня рассказывает о ненависти, которую к ним питали представители коренных народов в местах депортации в Казахстане, утверждавшие, что, если их сослали, то не безосновательно, а в качестве наказания за какие-то серьёзные преступления, и прогонявшие их со своих земель. Героиня приводит в оригинале выражение, которое казахи использовали в отношении их, и переводит его, говоря «*Худжу къаллыкъ къарачай деген сездю алача*» (На их языке то значит «*будь проклят карачай*» (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 49:47-49:51). Выражение *худжу къаллыкъ* (пер. *будь проклят*) нередко используют при упоминании различных болезней. Например, в выражениях «*бу худжу къаллыкъ ауруу!*» (пер. *будь проклята эта болезнь!*) или «*бу ауруу худжу къаллыкъ къоймайды*» (пер. *эта проклятая болезнь не даёт покоя*).

Подобные смыслы можно проследить и в других выражениях. Например, об отношении казахов к переселенцам свидетельствует следующее предложение *«Бизни кёрюп болмай эдиле»* (Они нас **ненавидели** (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 36:57-36:59). Буквально выражение *кёрюп болмазгъа* можно также перевести как *«не быть в состоянии видеть»*, из чего следует, что для демонстрации негативной оценки казахами карачаевцев и балкарцев было использовано образное средство, имеющее генерализованную семантику фразеологизма *«глаза б не видели»*.

Однако приводится и пример ответной реакции карачаево-балкарцев: *«Алагъа дунияны къуя эдиле»* (Говорили они им **много всего плохого** (перевод автора – А.А.)) (Судьбы печальные страницы, 2022, 43:05-43:08), что в данном случае является эллиптической конструкцией от *«дунияны аманын къуяргъа»* (пер. *наговорить кому-либо много плохого*). Слово *дуния* в карачаево-балкарском языке означает *мир* как место обитания людей, то есть буквально данное выражение можно перевести как *«выговорить кому-либо всё то плохое, что есть в этом мире»*. Как видим, в данном случае героиней интервью использована гипербола для преувеличения негативной оценки, которую в свою очередь казахам дали карачаевцы и балкарцы. Негативизация в совокупности с гиперболизацией зачастую выступает ключевым механизмом создания ядра дерогативной области в процессах формирования как авто-, так и гетеростереотипного восприятия реальности, строящегося на постоянных аллюзиях и реминисценциях полидискурсивного пространства (Bredikhin, 2020, p. 1512).

Следовательно, из данных цитат героини интервью об отношении к ним казахов и работах, к которым их там принуждали, мы можем сделать вывод, что впервые годы депортации казахи давали карачаево-балкарскому народу крайне негативную оценку и относились к ним с ненавистью и пренебрежением. Когда рассказ о депортации доходит уже до момента реабилитации высланных народов и их возвращения на Кавказ, героиня добавляет, что казахи уже поменяли своё мнение о них и даже просили оставить всё, как было, и не возвращаться на родину.

Особо стоит выделить негативизированные единицы, выраженные зоонимами. В каждом народе есть список животных, к которым относятся с презрением или ненавистью, их перечень неодинаков в разных лингвокультурах. К примеру, в русской лингвокультуре принято с пренебрежением относиться к козлам, собакам, свиньям, баранам, следовательно, сами по себе эти зоонимы уже имеют высокий уровень дерогативности. Карачаево-балкарский список дерогативных зоонимов схож с русским. Примеры подобного употребления зоонимов можно найти в анализируемом кинотексте.

*Биз керген къыйынлыкъны **ит** да кермесин* (Хорлатмаз ада эси, 2019, 10:03-10:05). – Не дай даже **собаке** увидеть горе подобное тому, с которым столкнулись мы (перевод автора – А.А.).

Таким образом, автор изречения выбрал одно из самых презираемых в карачаево-балкарской лингвокультуре животных, чтобы, подчеркнув это негативное отношение к нему, показать степень мучений, который его народу пришлось пережить. Рассмотрим схожий пример.

*Тек да къой, **тонгуз** джау бла этилгенди* (Хорлатмаз адам эси, 2019, 19:40-19:45). – Просто выкинь это, оно приготовлено со **свиным** жиром (перевод автора – А.А.).

Данное высказывание очень ярко демонстрирует брезгливость карачаево-балкарцев к продуктам свиного происхождения, ведь даже рискуя умереть от голода они не стали притрагиваться к блюду, в составе которого был свиной жир. Данная ненависть к свиным продуктам обоснована религиозными убеждениями карачаево-балкарцев, исповедующих Ислам, который запрещает употреблять в пищу что-либо из продуктов свиного происхождения. Пренебрежение едой также нередко вызывает ненависть и к самому животному, поэтому *тонгуз* (*свинья*) входит в список оскорбительных слов карачаево-балкарского языка. Таким образом, дерогативность данной лексемы связана с местом самого ее референта в карачаево-балкарской лингвокультуре. Следующее высказывание этой героини также служит подтверждением резко негативного восприятия свиньи в карачаево-балкарской языковой картине мира.

Чириген гардошну кьырыб да ашай эдим (Хорлатмаз адам эси, 2019, 19:36-19:39). – Я даже **гнилую** картошку ела, немного почистив (перевод автора – А.А.).

Героиня интервью подчёркивает максимальную непригодность картофеля, употреблявшегося ею в пищу. Однако для неё лучше гнилая картошка, нежели запретная свинина. Дерогативность выделенного прилагательного реализована его прямым значением, уже включающего в себя элемент негативной оценки.

Перейдём к анализу следующего документального фильма «Чтобы помнили», состоящего из двух частей, в рамках которых автор фильма Жабоева Асият приводит историческую справку проходивших в обозреваемый период событий и берёт интервью у жертв депортации и их родственников. Рассказы очевидцев о пережитых ими ужасах ссылки интенсифицируются сопровождающими визуальными образами из хроники военных времён и отдельно депортационного периода. При анализе данной кинокартины нам были выявлены категории аксиологических единиц, не участвовавшие в формировании депортационного дискурса в фильмах, анализы которых уже представлены выше, а именно единицы, направленные на трансляцию ужасов самого процесса переселения, а также аксиологические доминанты, передающие образ жизни переселенцев уже в местах ссылки. Помимо этого, в данных фильме нами также была выделена категория единиц, отражающих восприятие представителями карачаево-балкарского депортации как акта полной несправедливости в отношении их народа. Рассмотрим контексты употребления указанных категорий единиц и способы их оценочного наполнения.

В первую очередь рассмотрим категорию, единицы в рамках которой направлены созданию описательного образа самого процесса переселения. Напомним, что операция по переселению балкарцев, об истории которых повествует фильм «Чтобы помнили», началась ранним утром 8 марта 1944 года. Солдаты вошли в балкарские селения без предварительного объявления о запланированном переселении и приказали балкарцам в минимальные сроки собрать с собой только самое необходимое, что могло уместиться в руках, лишив их возможности забрать нажитые поколениями предметы утвари, золото,

скотину и так далее. Данная историческая справка необходима для понимания контекста приводимых нами цитат.

Анача сарнагъанын эшитгенмисиз (Чтобы помнили, 2020, 00:35-00:37)? – Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то **рыдал** также как мать (перевод автора – А.А.)?

В данной цитате диктора фильма идёт отсылка к бесчеловечной ситуации, когда во время переселения многих детей разлучили с матерями, поместив в разные вагоны, которые в пути могли перемещать от одного локомотива к другому, в итоге по прибытии в места ссылки многим матерям приходилось разыскивать своих детей в чужом регионе. Также данные слова могут относиться к ситуации, когда дети погибали в товарных вагонах из-за нехватки и еды и голода и даже не доезжали до конечной остановки в Средней Азии. Для выражения высшей степени горечи матерей автор фильма использует глагол *сарнаргъа*, которые часто используется в контексте оплакивания именно умерших людей, в связи с чем отнесения данной единицы к области негативизации полностью оправдано. Перейдём к следующему примеру.

Иесиз юйлени кёргенмисиз (Чтобы помнили, 2020, 00:38-00:41)? – Видели ли вы **дома без хозяев** (перевод автора – А.А.)?

Ёксюз къалгъан таулары хапарлары билемисиз (Чтобы помнили, 2020, 00:45-00:48)? – Слышали ли вы рассказы о **горах, оставшихся сиротами** (перевод автора – А.А.)?

В данном отрывке стихотворения для акцентирования внимания на лишениях переселенцев автор использует приём одушевления покидаемых депортируемыми предметом, игравших центральную роль в их повседневной жизни: дом и горы. Карачаевцы и балкарцы всегда особо трепетно относились к домашнему очагу и горной местности, в которой жили с незапамятных времён, поэтому расставание с ними было тяжёлым моральным испытанием.

Ким чарыгъын, ким джаулугъун табмай, джунчуб, биз кычырыб (Чтобы помнили, 2020, 02:22-02:25) ... – Кто-то **не мог найти** свои **тапки**, кто-то **платок**, все в смятении, мы кричали (перевод автора – А.А.) ...

Степень шока от переживаемых событий можно определить по словам героини интервью, описывающую потерянность людей в обстоятельствах резкой смены их реальности с рутинной обыденности на жестокую депортацию. Для передачи глубины их потрясения героиня интервью приводит в пример ситуацию, когда люди в замешательстве не могли найти самые элементарные предметы одежды.

Беш-алты юйге бир гитче машиначыкъ (Чтобы помнили, 2020, 02:37-02:43). – На пять-шесть домов выделили один **маленький автомобиль** (перевод автора – А.А.).

В данном пример описываются условия транспортировки балкарцев к железнодорожными станциям. Для передачи нехватки места в транспортных средствах очевидцы используют уменьшительно-ласкательный суффикс *-чыкъ* в уничижительном смысле. Таким образом, вспоминая предыдущий пункт о позитивной области аксиологизации, мы можем заметить, что, в зависимости от контекста, одни и те же средства языка могут использовать как для позитивной, так и негативной аксиологизации.

Солдатла малкъарланы эллерин къыргъанларында (Чтобы помнили, 2021, 02:02-02:05) ... – Когда солдаты разрушили балкарские сёла... (перевод автора – А.А.)

В данном отрывке негативизация обеспечивается посредством использования лексем с эксплицитно отрицательным значением – *къырыргъа* (пер. уничтожать, истреблять, убивать). Данная лексема дополняет приведённые выше выражения, транслирующие мнение о чрезмерной жестокости подобных действий в отношении целого народа.

Онсегиз кюн баргъандан сора Къазахстанны тюзлерине къуйдула (Чтобы помнили, 2021, 03:50-03:55). – После восемнадцати дней в пути нас рассыпали по равнинам Казахстана (перевод автора – А.А.).

Малкъарымы къум тюзлеге къуйдула (Чтобы помнили, 2020, 23:05-23:10). – **Рассыпали** мой балкарский народ по **песчаной равнине** (перевод автора – А.А.).

Негативизация пространства данного изречения произведена посредством конкретизации географических характеристик мест депортаций, которые резко отличались от привычных карачаевцам и балкарцами, производится имплицитное противопоставление равнин Казахстана и горных районов Карачая и Балкарии. Помимо подобной антонимии, усилению негативной оценочности утверждения способствует использование глагола *къуяргъа* (сыпать, лить), который в прямом своём значении не может употребляться в отношении одушевлённых предметов.

Перейдём к категории аксиологизмов, описывающих условия жизни карачаевцев и балкарцев в местах депортации. Напомним, что депортация карачаево-балкарского народа продолжалась с 1943го по 1957й год. В ссылке карачаевцам и балкарцам пришлось начинать жизнь с нуля, борясь с непривычным климатом, голодом и болезнями.

Кюн башыбыздан къыздыра эди (Чтобы помнили, 2020, 20:13-20:17). – Солнце **пекло** над нашими головами (перевод автора – А.А.).

Къарачай къарнашларыбыздан биринчи суукъ айлада кёб къарт ёлген эди (Чтобы помнили, 2020, 15:18-15:20). – Многие старики из наших карачаевских братьев умерли в первые **холодные** месяцы (перевод автора – А.А.).

Помимо неподготовленности к климатическим условиям ссылки подчёркивается неподготовленности в бытовом плане. Как отмечалось выше, времени на сборы у карачаево-балкарцев практически не было, в связи с чем прибыли они в места депортации даже без предметов первой бытовой необходимости. Для акцентирования внимания на отсутствии у них по прибытии в места назначения необходимых для простой бытовой жизни предметов, героиня интервью приводит в пример иглу. Как известно, карачаево-балкарские женщины преимущественно сами занимались обеспечением семьи одеждой, магазинные покупки были редкостью. Данное замечание об укладе карачаево-балкарского дома в освещаемый период даёт нам понять уровень отрицательной аксиологизации следующего выражения.

Бир ийне алмагъанлай ары тюшдюк (Чтобы помнили, 2021, 19:36-19:38).
– Мы там оказались **без единой иглы** (перевод автора – А.А.).

Теперь перейдём к категории единиц, выражающих мнение о несправедливости и незаконности подобных действий в отношении карачаево-балкарского народа. Следует отметить, что данная категория не представлена также широко, как описанные выше, однако, тем не менее, стоит нашего внимания.

Малкъар халкъ зор бла туугъан джеринден мал вагонлада кёчюрлюб бара эди (Чтобы помнили, 2020, 00:30-00:35). – Балкарский народ **насильно** увозили из родных мест в вагонах для животных (перевод автора – А.А.).

Лексема с эксплицитным негативным значением *зор* (пер. насилие) в данном выражении используется для открытого выражения недовольства авторов фильма судьбой их предков, оказавших жертвами незаконных и необоснованных репрессий. Данная аксиологема получила контаминированную вербальную и визуальную репрезентацию и в начальным титрах фильма, на экране появляется слово *зорлукъ* (пер. насилие) (Чтобы помнили, 2020, 00:03-00:06).

Далее на экране появляется также фраза *терсликсиз азап чекгенле*, которую можно перевести как *безвинно осуждённые* (бук. они страдали без вины) (Чтобы помнили, 2020, 00:03-00:06). Таким образом, мы видим, что, несмотря на количественное отставание от других категорий аксиологизированных единиц, данная категория имеет высокую эмоциональную выраженность. Более того, опираясь на анализ других категорий, мы можем утверждать, что аксиологический концепт **НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ** (ТЕРСЛИК) в разной степени выражается в аксиологических единицах других категорий, участвующих в описании тяжёлых испытаний карачаево-балкарского народа в период депортации, вызванных несправедливым отношением к ним властей.

Подытожив тематику негативизированных аксиологем в составе избранных кинотекстов, можно выделить ряд оценочных концептов, составляющих основу негативной области аксиологизации прецедентного мира

«Депортация». Таким образом, к ключевым негативным аксиологическим концептам прецедентного мира «Депортация» относятся: ИЗГНАНИЕ (КЪЫСТАУ), ССЫЛКА (ССЫЛКАДА ТУРУУ), НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ (КЮЧ БЛА КЁЧГЮНЧЮЛЮК), ВЛАСТЬ (ТАМАДАЛА), ДОРОГА (ДЖОЛ), РАЗЛУКА (АЙЫРЫЛЫУ), НЕИЗВЕСТНОСТЬ (БЕЛГИСИЗЛИК), ТОСКА (ТЕРМИЛИУ), СМЕРТЬ (ЁЛЮМ), ИСТРЕБЛЕНИЕ (КЪЫРЫУ), ЖЕРТВА (КЪУРМАНЛЫКЪ), ЖЕСТОКОСТЬ (АЯУСУЗЛУКЪ), НЕНАВИСТЬ (КЁРЮБ БОЛМАУ), ЧУЖАКИ (ТЫШ АДАМ), НЕУДОБСТВА (ТАБСЫЗЛЫКЪ), СТРАДАНИЯ (КЪЫЙНАЛЫУ), ГРЕХ (ГЮНАХ), ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ, ПРЕЗРЕНИЕ (САНСЫЗ ЭТИУ), ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), ПОТЕРЯ (ТАС ЭТИУ), БРЕЗГЛИВОСТЬ (ДЖИЙИРГЕНИУ), НЕПРИЯЗНЬ (СЮЙМЕГЕНЛИК), ПРОКЛЯТЫЙ (НАЛАТ), НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ (ТЕРСЛИК), НАКАЗАНИЕ (АЗАБ). Можно заметить, что категория дерогативности является одним из основных инструментов концептуализации лексических единиц, репрезентирующих перечисленные концепты, формирующие прецедентный мир ДЕПОРТАЦИЯ в проанализированных кинотекстах. В результате лингвоаксиологического, семантического и морфологического анализа мы выяснили, что категория дерогативности в тематическом кинодискурсе может быть репрезентирована различными способами: при помощи прямого значения слова, посредством изменения значения слова в зависимости от контекста, путём добавления различных аффиксов. Лингвокультурологический анализ также показал, что для полного осмысления дерогативной природы слова в некоторых случаях необходимы знания культурологического характера.

Подводя общий итог комплексного анализа, можно утверждать, что кинотексты этих кинопроизведений изобилуют маркерами-экспликаторами лингвоаксиологического пространства и предоставляют обширный материал для исследований ценностных ориентиров карачаево-балкарской лингвокультуры, а также дают возможность погрузиться в исторический контекст событий, внёсших огромный вклад в формирование как языка, так и культуры данного

народа. Топикальная привязка кинодискурса о депортации определяет преобладание в кинотекстах единиц с негативным оценочным компонентом. Дерогативное пространство оценки прецедентного события осуществляется посредством его вербализации в лексемах с негативными семантическими элементами различной степени интенсификации, а также в рамках наиболее действенного приема расширения и генерализации концептуально-валерной системы в форме устойчивых выражений и прямого сравнения со сходными областями негативизации событий в других этнокультурах.

2.3. Социокультурная и историко-эпистемологическая детерминация аксиологем

На современном этапе развития гуманитарного знания устойчивая взаимосвязь языка и общества не подвергается сомнению. Принимая во внимание проведенный нами лингвокультурный и лингвоаксиологический анализ эмпирического материала, а также более ранние фундаментальные изыскания в этой области, мы можем утверждать, что, помимо влияния языка на мироустройство народа, описанного в широко известной теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа (Звегинцев, 1960), имеет место неоспоримое влияние экстралингвистических факторов, сопровождающих народ на всём пути его становления и развития, на формирование языка на различных его уровнях. К экстралингвистическим факторам, обуславливающим устройство языка и мотивирующим использование носителями тех или иных языковых единиц, можно отнести социальные процессы (в особенности конкретные события в жизни народа, характеризующиеся высокой степенью значимости для судьбы его представителей), культурные факты (традиции, обычаи, религиозные ритуалы, нормы поведения в конкретном социуме), а также исторические

события и процессы, оказавшие воздействие на оформление народного менталитета и картины мира народа. В данном разделе мы рассмотрим, какие внеязыковые обстоятельства послужили мотиватором использования героями фильмов различных вербализаторов и, следовательно, стали основой их экспликации коннотации.

В первую очередь в нашем анализе мы рассмотрим аксиологемы, репрезентирующие концепты ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК / ЁХТЕМЛИК) и ГЕРОЙ (ДЖИГИТ), которые не нашли в фильме широкого представления, ввиду узконаправленной тематики фильмов, но, тем не менее, являются очень значимыми для карачаево-балкарской лингвокультуры в целом. Как известно, у народов Северного Кавказа отвага и мужество были в почёте, а трусость жестоко каралась социумом. Трусливый поступок ставил клеймо на репутации человека до самой смерти, в то время как доблестные подвиги горцев поощрялись благосклонностью общины и широко воспевались в художественных произведениях.

Напомним, что в рассматриваемых кинофильмах описываются события времён Великой Отечественной войны, в победу в которой карачаево-балкарские сыны и дочери внесли огромный вклад, исполняя отведённые им роли как на фронте, так и в тылу, совершая, в свою очередь, не военный, но трудовой подвиг. Образ эталонного храброго горца ~~крежж~~ прочно закрепился в народном сознании карачаевцев и балкарцев, подтверждением отваги которых теперь служили не только народные предания о героях давно минувших дней, но и достоверные факты о доблестных сражениях, в которых участвовали сыны карачая и балкарии уже в новую историческую эпоху. По официальной статистике, «16 500 сыновей и дочерей карачаевского народа с 22 июня 1941 г. по октябрь 1943 г. добровольно и по призыву ушли на фронт и геройски сражались на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войны» (Койчурев, 2019). 9 тысяч лучших представителей карачаевского народа погибли или пропали без вести на фронтах Великой Отечественной войны (Койчурев, 1998, с. 305). Многие сыны Карачая совершили героические подвиги. По имеющимся сведениям, более 24 человек были представлены к присвоению высокого звания Героя Советского Союза,

однако из них звания Героя Советского Союза или Героя Российской Федерации удостоились лишь 11 человек, многие из них с большим опозданием в 1995 году в связи с 50-летием Великой победы, а остальные не получили заслуженные ими награды в связи с тем, что они были представителями незаконно репрессированного карачаевского народа, несмотря на то, что они своими подвигами, кровью, потом, ценою своей жизни заслужили этого высокого звания (Койчуев, 1998, с. 109). Эти данные позволили образу храброго горца получить не только художественное олицетворение, но и количественное «осязаемое» выражение и доказательную основу.

Данный исторический и культурный контекст, описывающий доблестный подвиг карачаевского народа на фронтах Великой Отечественной войны и массовый характер героизма и самопожертвования, демонстрируемого карачаевцами в военные годы, позволяет нам судить о высокой степени уважения и восхищения сынами народа, вложенной в кинотексты анализируемых фильмов. Приведём примеры из кинотекста.

Ёхтем таулу джашла, тау кьушла кибик (Хорлатмаз адам эси, 2019, 00:44-00:47). – **Храбрые** горцы словно **горные орлы** (перевод автора – А.А.).

Душманны ууатыр ючюн джашларын фронтха ашырыб, ала да кеслерин аямайын (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:58-02:04). – Послали сыновей своих на фронт, чтобы **разгромить** врага, и те себя не жалели (перевод автора – А.А.).

Кеслерини аскер борчларын кьанларын аямай толтургьар солдатла бла офицерлеге ол учузлукьну кёлтюрюрге бютюн кьыйын болгьанды (Хорлатмаз адам эси, 2019, 22:09-22:17). – **Солдатам и офицерам, исполнявшим свой воинский долг, не щадя своей крови**, было очень тяжело смириться с подобным унижением (т.е. депортацией и лишением их орденов почёта и воинских наград, так как они происходили из репрессированного народа) (перевод автора – А.А.).

Принимая во внимание исторический и культурный контекст данных высказываний диктора фильма, мы можем интерпретировать применение выделенных аксиологем и перечисленных в пункте 2.2 средств выражения

гордости за своих героев как инструмент сохранения исторической памяти народа и воспитания упомянутых выше положительных качеств в новом поколении карачаевцев и балкарцев.

На войне карачаевцы и балкарцы защищали не только свою большую родину СССР и идеи социализма, но и малую родину, свой горный край, свой дом и свою семью. Тема любви к малой родине широко освещается в карачаево-балкарских художественных произведениях любых форм, любовь к родине воспевается в стихах, поэмах и песнях, о любви к родному краю говорят герои карачаево-балкарских романов, повестей и рассказов, особая важность родины для жизни человека провозглашается в пословицах и поговорках. Данная особенность карачаево-балкарского менталитета объясняет постоянное обращение к концептам РОДИНА (АТА ДЖУРТ) и СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ) в кинотекстах анализируемых фильмов. К этому генерализированному аргументу также следует добавить конкретную ситуацию, сложившуюся в период 1940х годов, когда воевавшим за свою большую родину на фронтах Второй мировой войны карачаевцам и балкарцам пришлось внезапно потерять свою малую родину. Очевидно, ценность родины для карачаево-балкарцев многократно возросла на фоне подобных лишений. Из перечисленного мы можем сделать вывод, что основанием для экспликации концепта РОДИНА (АТА ДЖУРТ) посредством использованных аксиологем стали сопровождавшие героев описанных в кинофильмах событий социальные и исторические процессы и потребность в трансляции нравственного урока, призывающего ценить и любить край, который тебя вырастил и воспитал, в том числе и его природу. Следует отметить, что часто с концептом РОДИНА (АТА ДЖУРТ) переплетается концепт ГОРЫ (ТАУЛА), с которыми у карачаево-балкарцев ассоциируется образ дома, в связи с распространённостью данного рода природных объектов в местах их исторического расселения. Примеры соответствующих отрывков из кинотекстов с выделенными аксиологемами приведём ниже.

Ой Кавказ таула, мийик, ариудула,

Бизни деменгили къалабыз.

Сиз да, джылагъыз, ой, биз да, джылайбыз.

Сизден айырылыб барабыз.

Узакъ айырылыб, кетиб а барабыз,

Ёмюрден джашагъан тауладан,

Биз ёлгенлеге ой да бош джылайбыз,

Ала насыблыдыла сауладан.

Машинагъа миниб, кетиб а барабыз,

Ызыбызгъа къараб, ёкюне.

Москвадан келген къызыл командирле,

Тёгерекни алыб, санайла.

Бу къыйынлыкъланы бизге жетгенине

Таула, ташила бары джылайла.

О, Кавказские горы, вы красивы и величественны,

Наши могучие защитники.

Мы плачем, вы тоже плачете.

Нас отрывают от вас,

Увозят в далекие края,

От гор, которые **вечность были нам домом,**

Зря мы оплакиваем погибших,

Они счастливее живых.

В машинах нас увозят, а мы оглядываемся назад.

Из Москвы приехал Красный командир,

Окружил нас всех и считает.

Это горе, постигшее нас

Оплакивают **и горы, и камни** (Мариям, 2022, 09:05-11:06).

Не менее важным для карачаево-балкарской лингвокультуры является концепт СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ), значимость которого определяется традицией карачаевцев и балкарцев поддерживать даже самые дальние родственные связи, свидетельством чему в наши дни может служить, к примеру, большое количество приглашённых родственников на их свадебных торжествах. Во времена с менее

развитыми способами передвижения и урбанистической жизнью, поколения карачаево-балкарских семей жили в одном и том же ауле, очень часто прямо по соседству друг с другом. Благодаря этому была хорошо развита система взаимопомощи и взаимовыручки между членами одной разветвлённой семьи, а также, ввиду существования брачных союзов между представителями и этих разветвлённых семейств, имела место безвозмездная взаимоподдержка среди членов всей общины. Затрагивая тему карачаево-балкарской семьи, необходимо упомянуть иерархию взаимоотношений между её членами в зависимости от их возраста. В семьях карачаевцев и балкарцев царило безусловное уважение старших, что проявлялось во всех аспектах их жизни. Пожилых членов семьи никогда не оставляли жить в одиночестве, они поселялись с семьёй кого-то из своих детей, где о них чутко заботились, а во всех вопросах прислушивались к их мнению, причём не только семья, с которой жили пожилые, а семьи всех их детей. Довольна интересной может показаться сама традиция распределения пожилых среди детей: пожилые родители жили либо с семьёй младшего сына, либо с семьёй единственного сына, и только при отсутствии сыновей с кем-то из дочерей. Данная традиция также демонстрирует особое положение младших детей в семье и в принципе в карачаево-балкарском социуме, младших всегда выделяли и баловали, к примеру, если человек хотел выпить воды, то в первую очередь он должен был дать попить своему младшему и только потом пил сам. В то же время старшие члены семьи пользовались беспрекословным почётом и уважением, при их появлении все в помещении вставали и не садились, пока старший не разрешит, без старших нельзя было начинать трапезу. Данные нормы социального и семейного устройства карачаево-балкарской общины подкрепляют наши утверждения о позитивизации аксиологем, включённых в высказывания, актуализирующие концепт СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ). Приведём примеры.

Тынч тур, марджан (Мариям, 2022, 36:34-36:36). – **Молчи**, коралловый мой (обращение героини Мариям к младшему брату Юсуфу) (перевод автора – А.А.).

Тынч тур, узунчач (Мариям, 2022, 06:03-06:05). – **Молчи**, длинноволосая моя (обращение бабушки к внучке Мариям) (перевод автора – А.А.).

Юсюп, Мариямчыгыбыз келгенди» (Мария, 2022, 19:40-19:44). – Юсуф, наша **Мариямка** пришла (бабушка о внучке Мариям) (перевод автора – А.А.).

Мен аланы унутханма, джаным» (Судьбы печальные страницы, 2022, 06:50-06:52). – Я это всё уже забыла, **душа моя** (обращение пожилой героини интервью к своей дочери в одном из документальных фильмов) (перевод автора – А.А.).

Ол да бу да эгешчиклерим (Хорлатмах адам эси, 2019, 13:13-13:16). – И она, и она – мои **сестрички** (одна из героинь интервью, показывая на своих младших сестёр) (перевод автора – А.А.).

Одной из причин такого трепетного отношения карачаевцев и балкарцев к членам своей семьи, а также экспликации соответствующих аксиологем в позитивном ключе, могут служить и их религиозные убеждения. В Исламе семья рассматривается как одна из первостепенных ценностей и считается греховным разрывать родственные связи, это проповедуется как в Коране, так и в хадисах (изречениях пророка Мухаммада) (Коран, 4:1; Аль-Бухари, № 5984).

На сегодняшний день Карачай и Балкария полностью исламизированы, история данной религии у этих народов достаточно долгая, так как первые активные исламские проповедники появились в Приэльбрусье ещё в конце 17 века, а первая письменная фиксация принятия карачаевцами Ислама относится к 18 веку (Койчуев, 2010, с. 60). Это вполне обосновывает широкую репрезентацию концепта ВЕРА (ДИН) в избранных нами для анализа фильмах. Вербализация данного концепта преимущественно происходит посредством озвучивания дуа, молебных обращений к Господу, произносимых героями интервью в документальных фильмах. Частое обращение к этому концепту, показывает особую значимость веры для представителей карачаево-балкарского народа именно в трудные времена, когда в отчаянии люди верят, что только Создатель может уберечь их и всех остальных людей от ещё больших невзгод, и даже в спокойный период своей жизни они просят отвлечь от них и всех остальных народов подобную беду. Кроме того, в кинотексте можно найти высказывания, характеризующиеся высокой степенью негативизации в связи невозможностью совершать обязательные религиозные обряды в депортации.

Таким образом, основой интерпретации высказываний, актуализирующих концепт ВЕРА (ДИН), стала комбинация религиозной приверженности народа, а также ситуативная обусловленность периодом депортации. Приведём несколько примеров из кинотекста.

Биз кёрген кыйынлыкны Аллах бирибизге да бермесин (Хорлатмаз адам, 2019, 28:03-28:08). – **Не дай Аллах** никому столкнуться с теми несчастьями, которые пережили мы (перевод автора – А.А.).

Аллах разы болсун миллетибизге, бир джерде кеслерин сыфатсыз этмегендиле (Хорлатмаз адам, 2019, 35:11-35:18). – **Да будет Аллах доволен нашим народом**, который нигде себя не посрамил (перевод автора – А.А.).

Аллахдан тилейдиле аягында, биз кёргенни душманыбыз да кёрмесин, биз кёргенни дуня башында бир миллет да кёрмесин деб, аллай тилек этедиле бизни таулуларыбыз (Хорлатмаз адам, 2019, 13:03-13:15). – А в итоге они **просят у Аллаха**, чтобы даже их враг не столкнулся с тем, с чем столкнулись они, чтобы ни один народ на свете не постигло то, что постигло их, вот с такими **мольбами** обращаются наши **балкарцы** (букв. горцы, самоназвание балкарцев) (перевод автора – А.А.).

Аллахны керти кюллеры болганыбызны кёрюзген аллай шартды (Хорлатмаз адам, 2019, 40:03-40:08). – Это качество, которое показывает, что мы настоящие **слуги Аллаха** (перевод автора – А.А.).

Ёлгенлерибизни асырайбыз, биз джаназысыз, дуасыз, / Межгитлерибиз кялыб кетдиле байрым кюнде дуасыз (Хорлатмаз адам эси, 2019, 39:30-39:40). – Погибших своих мы хороним без **погребальной молитвы**, без **мольбы**, / А в **пятничный день** наши **мечети** пустуют без **молитв** (перевод автора – А.А.).

Как и у многих народов Северного Кавказа, у карачаевцев и балкарцев во все времена царил культ нравственности, а любое отступление от моральных норм каралось глубоким осуждением соплеменников. Доказательством этого могут служить многие карачаево-балкарские пословицы, к примеру, «*Айыблы джашагъандан эсе, отда кюйген игиди*» (пер. «*Чем в позоре жить, лучше в огне сгореть*»), «*Айыбны суу бла джууалмазса*» (пер. «*Позор водой не смоешь*»).

Очень часто основой этих норм являлись религиозные предписания и запреты, однако, реакция социума служила и служит не менее слабым стимулятором добропорядочного поведения горцев. Нежелание навлечь на себя и свою семью позор, как правило, отвращало их от совершения тех или иных поступков, один проступок часто ставил клеймо на репутации всей семьи. Подобный страх перед людским судом мы можем эксплицировать из высказывания бабуши в фильме «Мариям», более детальное объяснение её критики приведено в 2.1.

Джарарыкъ тюлдю. Айыб-байыб боллукъду. ... Сен джырлаб айлансанг адамла бизге не айтырла (Мариям, 2022, 04:29-04:46)? – **Нельзя. Стыдно будет от людей.** ... Если ты будешь песни распевать, **что люди скажут?** (перевод автора – А.А.)

В фильме «Мариям», помимо этого, есть высказывания, интерпретация которых также обоснована необходимостью передачи нравственного урока, что, подкрепляясь духовными устоями народа, и служит основой экспликации концепта СТЫД (УЯТ) в определённых высказываниях. К подобным высказываниям относятся русскоязычные фразы Бэлы, сознавшей в аморальном в понимании горцев поступке, и реплика Ахмата, узнавшего это о своей любимой, история данных героев более детально разобрана в 2.1. Здесь мы приведём лишь сами цитаты.

Б: *«Твой брат на мне не женится. Меня убьют, если узнают»* (Мариям, 2022, 27:50-27:55).

А: *«Талакъ. Талакъ. Талакъ»* (Мария, 2022, 39:40-39:43). – Развод. Развод. Развод (перевод автора – А.А.).

Далее анализу с позиции историко-эпистемологической и социокультурной детерминации подлежат аксиологемы, репрезентирующие концепт БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), значимость которого для любой лингвокультуры невозможно переоценить в связи с витальностью данного культурного элемента в жизнедеятельности любого народа. Затрагивая вопрос организации быта карачаево-балкарской семьи времён Второй мировой войны, стоит в первую

очередь отметить, что, в плане территориального расположения, преобладающая часть населения проживала в сельской местности, так как уровень урбанизации в тот период, как и в принципе на сегодняшний день, был крайне низким (ВПН, 2020). Результатом подобного расселения являлась высокая развитость домашнего хозяйства у карачаево-балкарцев, проявлявшаяся в распространённости животноводства, аграрной промышленности, что создавало возможность для горцев находится на полном самообеспечении одеждой и пищей. Среди карачаево-балкарских женщин было развито искусство шитья, прядения, а также ручного вязания, даже в нынешние дни, когда абсолютно любой предметы одежды можно легко купить в магазине, сохранилась традиция вязать шерстяные носки для всех членов семьи. Самым распространённым видом скота у горцев были овцы, коровы, также практически в каждом карачаево-балкарском хозяйстве имелись лошадь, как правило, помогавшая пасти скот, и собака, охранявшая двор или также участвовавшая в пастьбе овец или коров. Важно добавить, животноводство осуществлялось как в частных домашних хозяйствах, так и на фермах (*кьош*), которых в данный момент сохранилось немного, но которые были широко распространены в тот период, часто становясь местом разворачивания событий в литературных произведениях соответствующей эпохи. Что касается выращивания аграрных культур, особую популярность в Карачае и Балкарии имели пшеница (*будай*) и картофель (*гардош*). Данными фактами о карачаево-балкарском сельском хозяйстве вполне объясняется многообразие мучных, картофельных, кисломолочных и мясных блюд в рационе этого народа. К ним относятся, к примеру: *шорпа* (суп из мяса с картошкой), *омурау бла гардош* (варёный картофель с мясом из позвоночника коровы), *хычины* (блины из пресного теста с начинкой из фарша, картошки, ботвы или сыра), а также домашний хлеб (*гырджын*). Также карачаево-балкарские семьи сами производили различные виды молочных и кисломолочных продуктов, таких как, например, айран, сливочное или топленое масло (*сары/кьайнагъан джау*). Учитывая повседневный характер подобных культурных элементов, закономерно сделать вывод о внедрённости их в представления карачаево-балкарцев о доме и родном

крае, что не может не вызывать у них светлых чувств ностальгии, аргументирующих включенность единиц, актуализирующих концепт БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), в позитивную область аксиологизации в избранных кинотекстах. Примером подобной актуализации может служить визуальная репрезентация данного концепта в одной из начальных сцен фильма «Мариям», где главная героиня готовит хычины с картошкой, а бабушка вяжет шерстяные носки, это одни из немногих сцен фильма, предшествующих периоду депортации, откладывающие в сознании зрителя образ дома в противопоставление раскрываемой далее картине насильственной высылки из родных краёв. В данном случае закономерно говорить об использовании для актуализации концепта визуальной аксиологемы, воспринимаемой в нашей работе как визуальный образ, закрепившийся в сознании народа с позитивной или отрицательной ценностной нагрузкой. Помимо примеров из данного фильма, можно привести примеры упоминания предметов быта героями интервью документальных фильмов, которые делают отсылку на предметы сопровождавшие их либо уже в местах депортации, либо имевшие место до переселения. Например, *джуургъанчыкь* (одеяльце), *джастыкьчыкь* (подушечка), *къызчыкь* (девочка), *къарнашчыгъымы кёлекчигин* (рубашечка братишки), *гардошчукъла* (картошечка), *чюгюндюрчюк* (свёклушка), *ахчачыгъым* (денюжка) (Хорлатмах адам эси, 2019).

Сложившийся образ жизни и культурная традиция стали базой для интерпретации данного концепта в негативном ключе, так как в ряде упоминаний подобного рода передаются именно отрицательные чувства, пережитые жертвами репрессий в процессе депортации, в период ссылки. Приведём примеры негативной интерпретации концепта БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ) из кинотекстов.

Джюрек джаууму ашайды / Сауулукъ ийнеклени ёкюргенлери (Хорлатмаз адам эси, 2019, 01:10-01:15). – Сердце мне разбивает / Рёв **не подоенных ещё коров** (перевод автора – А.А.).

Стауат сакълагъан ийнеклерибиз бизни ызыбздан улуйла (Хорлатмаз адам эси, 2019, 39:25-39:30). – Кричат за нами наши **коровы**, ждущие на **скотном дворе** (перевод автора – А.А.).

Кетгенибизде да малай улуй кьалгъан эди итибиз ызыбыздан къараб (Хорлатмаз адам эси, 2019, 23:50-23:459). – Даже когда мы уже ушли, **собака** наша продолжила **выть** нам вслед (перевод автора – А.А.).

Анам харип гырджын бишире боладыда... (Хорлатмаз адам эси, 2019, 08:40-08:44) – В тот момент моя покойная мать пекла **хлеб**... (перевод автора – А.А.)

Ол челек джаудан бармагъы бла былай ала да бизни аузубузгъа джалатды. Къашыкъмы боллукъ эди, табакъмы боллукъ эди? Джукъда джокъ (Хорлатмаз адам эси, 2019, 12:54-13:09). – Она намазала на пальцы **масло** из ведра и дала нам слизнуть. Разве были у нас **ложки, тарелки? Ничего не было** (перевод автора – А.А.).

Ала уа мурджарны джайыб, джукълары джокъ, анда джата эдиле (Хорлатмаз адам эси, 2019, 18:45-18:54). – Они спали на **настилах, ничего у них не было**, поэтому спали они там (перевод автора – А.А.).

Тесно связан с данным концептом концепт ГОЛОД (АЧЛЫКЪ). Если обратиться к хронологии событий, мы сможем увидеть, что существовал рядом факторов, которые привели к появлению голода в ряду основных испытаний карачаево-балкарского народа в период депортации. Рассматривая отдельно историю депортации карачаевцев, несложно заметить, что они были первым кавказских народов, кто был насильственно отправлен ссылкой. Предлогом для подобного приказа было подозрение в пособничестве фашистским отрядам, оккупировавшим Карачаевскую автономную область 10 августа 1942 года. 20 января 1943 года немцы были изгнаны с данной территории, однако, 12 октября 1943 года был издан совершенно секретный приказ о ликвидации области и выселении карачаевцев. 2 ноября того же сотрудники НКВД начали специальную операцию по исполнению данного приказа, в первые дня были насильственно выселены 69 267 человек. Ранним утром, появившись в карачаевских поселениях, сотрудники НКВД потребовали немедленных сборов, ничего из тяжёлого имущества брать не разрешалось, только вещи и еду на первое время. Семьи намеренно разлучались, разных членов семей вылавливали в разных местах, помещали в разные товарные вагоны и даже перецепляли вагоны от одного поезда

к другому, чтобы избежать воссоединения людей и непредвиденных ситуаций сопротивления. В места депортации в Киргизии и Казахстане карачаевцы прибыли абсолютно ни с чем, в период наступления осенних холодов, когда уже даже ничего нельзя посадить, чтобы хотя в следующий сезон можно было чем-то попытаться. Вызванный подобными бесчеловечными условиями депортации голод в сочетании с влиянием изменения климата и антисанитарией привёл к рекордному для подобной операции среди народов Северного Кавказа количеству смертей. По официальным данным, депортация унесла жизни более 43 тыс. из 70 тыс. депортированных карачаевцев (ТАСС, 2023).

Аналогичная операция была проведена в Кабардино-Балкарской АССР 8 марта 1944 года. Балкарцы выселены в количестве 38 тыс. человек, а в первые годы на чужой земле погибло более 5,5 тыс., а в дороге более 500, ключевая причина чего состоит нехватке еды. Адаптацию на новом месте ухудшил тот факт, что до прибытия балкарцев власти распространили среди местного населения информацию о том, что к ним везут предателей и людоедов, вследствие чего достаточно долгое время с ними отказывались устанавливать контакт и относились с опаской, что замедлило процесс налаживания торговых и рабочих связей между ними и спецпереселенцами. Разрешение на возвращение на историческую родину карачаевцы и балкарцы получили лишь в 1957 г., спустя 14 лет после переселения.

Приведённая историческая справка позволяет нам сделать вывод о сохранении в карачаево-балкарском народном сознании негативного следа такого социального явления, как голод времён депортации, к возникновению которого привели конкретные социально-исторические механизмы. Мотивацией использования единиц актуализации концепта ГОЛОД (АЧЛЫКЪ) в избранных для анализа кинофильмах несомненно служит стремление авторов кинокартин к поддержанию исторической памяти и воспитанию в зрителях уважения к предкам, выстоявшим в таких нечеловеческих условиях и сумевших поднять свой народ буквально с колен, а также к вдохновению зрителей на свершения, которые оправдают жертвы предков для сегодняшнего процветания народа.

Приведём примеры соответствующих единиц вербализации данного концепта из избранных кинотекстов, более подробный анализ контекста употребления данных единиц можно найти в пунктах 2.1 и 2.2.

Төгерекеде ачдан къырыллыкъбыз (Мариям, 2022, 14:15-14:18). – Мы все **умрём** здесь **от голода** (перевод автора – А.А.).

Няня ання, ач болдум (Мариям, 2022, 17:17-17:20). – Бабушка Няня, я **голоден** (перевод автора – А.А.).

Кесигиз ачдан ёлмеин къалай турасыз (Мариям, 2022, 34:10-34:14)? – Как вы сами ещё с **голоду не умерли** (перевод автора – А.А.)?

Кел ашайыкъчын. Тур, Яя. Эшик аллыбызда гырджын тура эди. Мен да аны алгъанма да, бери келтиргенме. Бирге сууну да ичейик, гырджынны да ашайыкъ (Мариям, 2022, 57:20-57:50). – Давай **поедим**. Вставай, Яя. У двери **хлеб** лежал. Я его взял и принёс сюда. Давай вместе **воды попьём** и **хлеба поедим** (перевод автора – А.А.).

Чириген гардошну къырыб да ашай эдим (Хорлатмаз адам эси, 2019, 19:36-19:39). – Я даже **гнилую** картошку ела, немного почистив (перевод автора – А.А.).

Рассмотрим аксиологемы, актуализирующие концепт ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ). Репрезентация данного концепта в любых произведениях, связанных с карачаевцами и балкарцами, не должна вызывать удивления у реципиента, так как, проживая в многонациональных республиках, карачаево-балкарцам многократно приходилось и приходится взаимодействовать со своими соседями, самыми многочисленными среди которых являются кабардинцы и черкесы, являющиеся между собой очень близкими практически идентичными этносами. Несмотря на некоторые разногласия между данными народами, которые имели место после распада Советского Союза, на протяжении всей истории их сосуществования характер взаимоотношений карачаево-балкарцев и кабардино-черкесов оставался товарищеским. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники и наблюдения внешних историков, приезжавших на Северный Кавказ по поручению

правительственного центра. Рассмотрим мнения историков касательно отношений данных народов, изложенные в подобных работах.

Подходящим примером могут служить изыскания немецкого востоковеда, путешественника и лингвиста, командированного Императорской Академией наук на Кавказ, сведения о кавказских народах, полученные им в данном путешествии, увидели свет в рамках труда «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг.». Изложенные в данной книге наблюдения о частых браках между представителями этих народов позволяют нам сделать вывод об устоявшихся на тот момент союзнических межэтнических отношениях (Клаппорт, 1974). Более того, некоторые историки также представляют сведения о владении кабардинцами карачаево-балкарским языком в первой половине 19 в. (Косвен, 1957).

Источники 20 столетия свидетельствуют о совместной борьбе кабардинцев и балкарцев против общего врага (Тульчинский, 1903). Позднее в 1927 году в своей монографии «Къарачай» У.Дж. Алиев приводит данные о тесных хозяйственных взаимоотношениях карачаевцев с соседней Кабардой в дооктябрьский период, проявлявшиеся в аренде карачаевцами кабардинских пастбищ.

Рассмотренные источники приводят нас к выводу о том, что на момент описываемых в анализируемых фильмах событий между карачаево-балкарцами и кабардино-черкесами сложились очень плотные дружеские отношения, имеющие за собой как культурные, так и экономические, и политические основания. Кроме того, благодаря упомянутым ранее межэтническим бракам, очевидно существование между этими народами и родственных связей, чем, разумеется, объясняется наличие у них одинаковых фамилий, которые каждый из народов причисляет к своим. Таким образом, помощь кабардинцев балкарцам во время выселения последних можно воспринимать как логичное поведение народа, обоснованное историческими факторами и социальными привычками. Те же самые причины позволяют нам отнести концепт ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ) к области аксиологической позитивизации, учитывая положительный эффект, оказываемый репрезентирующими его

единицами на реципиентов фильма, благодаря которым у аудитории будет воспитываться культура межэтнической (а, следовательно, и общечеловеческой) взаимопомощи и сотрудничества.

Таким образом, анализ кинотекстов сквозь призму историко-эпистемологической и социокультурной детерминации позволяет выявить глубинные механизмы формирования и трансляции ключевых концептов карачаево-балкарской лингвокультуры. Концепты ВЕРА (ДИН), БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), СТЫД (УЯТ), ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ), актуализированные в фильмах посредством аксиологем, предстают не просто абстрактными понятиями, а живыми свидетельствами трагических и героических страниц истории народа.

Эти аксиологемы, окрашивающие повествование эмоциями и переживаниями, становятся мощным инструментом сохранения исторической памяти, воспитания уважения к предкам и трансляции нравственных ценностей. Фильмы, исследованные в данной работе, не только рассказывают о прошлом, но и формируют настоящее, вдохновляя зрителей на созидание и укрепление межэтнического согласия. Важно отметить, что изучение ценностной картины мира народа через кинематограф – это перспективное направление, позволяющее не только понять культурные особенности этноса, но и способствовать диалогу между культурами, укреплению взаимопонимания и толерантности в современном мире.

2.4. Трансляция этноспецифических карачаево-балкарских аксиологических доминант в поликультурное пространство России

Будучи многонациональной страной, Россия является домом для огромного количества различных этносов и конфессий. Несмотря на

сформированность национальных республик, все народы находятся в перманентном взаимодействии друг с другом и мотивируют взаимные культурные преобразования. Подобный культурный обмен является логичным исходом смешанного населения национальных республик, где наряду с автохтонными народами соответствующих территорий проживает большое количество представителей других переселившихся извне этносов, среди которых преобладают носители русскоязычной культуры. Особо ярко в этом плане выделяется история взаимовлияния тюркской и русской языковых культур, результатом которого могут служить частично переструктурированные языковые картины этносов. Важно заметить также, что, становясь частью русской языковой картины мира, определённые культурные доминанты проникают в языковые картины мира и других народов России, для которых русский язык служит в качестве лингва франка при общении с представителями других национальностей.

В результате Всероссийской переписи населения 2010 г. было установлено, что общая численность тюркских народов, проживающих в России, составляет 11,6 млн. чел., что, соответственно, образует практически 8% населения страны (ИВПН, 2010). К коренным тюркским народам России относятся следующие двенадцать: татары, крымские татары (крымчаки), башкиры, ногайцы, якуты, тувинцы, хакасы, алтайцы, карачаевцы, балкарцы, кумыки, чуваша. Кроме них в рамках границ Российской Федерации проживают и другие тюркские народы – азербайджанцы, узбеки, турки, туркмены, киргизы (Дружинин, 2018, с. 12).

Отталкиваясь от богатой истории диалога между Российским государством и малыми народами Северного Кавказа, наше исследование сосредоточится на отношениях русской и карачаево-балкарской языковой картин мира. Актуальность данного исследования обоснована направленностью российской политики на сохранение «культурного наследия народов Северного Кавказа, его использования как ресурса межнационального согласия, создания

единого культурного пространства, налаживания межкультурного диалога на международном и региональном уровнях» (Горлова, 2021, с. 1).

На сегодняшний день в науке ещё нет единогласного мнения о сущности понятия «языковая картина мира». Согласно одной из трактовок, языковая картина мира рассматривается как отражение образа объективной реальности через призму языковых единиц, другими словами, представляет собой форму целостного знания о концептуальной системе видений, репрезентируемых языком (Ладо, 1989, с. 46).

Наивная картина мира часто трактуется как поле репрезентации бытовых банальных представлений о мире. Принцип наивной модели мира таков: каждый естественный язык демонстрирует некоторый способ восприятия мира, обязательный для всех носителей языка. Ю.Д. Апресян называет языковую картину мира наивной по причине того, что научные определения и их лингвистические отражения не всегда совпадают по объёму и содержанию (Апресян, 1995, с. 357). Языковая картина мира является объектом исследований лингвокультурологии, междисциплинарной науки, изучающей способы и принципы отражения и сохранения культуры посредством единиц языка. Одной из центральных единиц лингвокультурологии является лингвокультурема, которая в понимании В.В. Воробьёва, трактуется как единство формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак (Воробьёв, 2008, с. 44-45). В данной работе мы проанализируем уровень распространённости использования карачаево-балкарских лингвокультурем как этноспецифических доминант в пространстве русской языковой картины мира.

Рассматривая вопрос об истории взаимодействия данных языковых картин мира, следует отметить, что Карачай и Балкария добровольно присоединились к Российской Империи в ходе Кавказской войны в 1827-1828 гг. (Абайханова, 2016, с. 20). В настоящее время русские насчитывают около 31,6% от населения Карачаево-Черкесии (БРЭ), а в Кабардино-Балкарии их доля от общего населения составляет 22,5% (БРЭ). Из данной статистики мы можем сделать вывод, что, ввиду многочисленности русскоязычного населения и их тесных

контактов с карачаевцами и балкарцами, неизбежно взаимовлияние двух этих этносов, прежде всего на язык и культуру друг друга.

Как полноценные лингвокультуремы особенно широко в русскоязычном культурном пространстве распространены названия традиционных карачаево-балкарских блюд, таких как *хычины* или *айран*. Данные блюда фигурируют и в анализируемом нами в данной диссертационном исследовании художественном фильме «Мариям». *Хычин* можно описать как пирог из тонкого пресного теста с различными видами начинок. Являясь одним из основных праздничных блюд карачаево-балкарской кухни, *хычины* очень быстро полюбились соседям карачаевцев и балкарцев, вошли в обиход, а образ пирога интегрировался в их картину мира. Приведём примеры использования данной лексемы в произведениях русскоязычных авторов и на туристических сайтах:

*Перед тем, как возвратиться в лагерь, я зашёл в кафе «Эльбрусия», где заказал **хычин** с мясом и глинтвейн, о котором так давно мечтал, особенно в начале похода, когда я заболел (Малейкин).*

*Время перевалило за полдень, и она проголодалась, поэтому купила **хычин** в близлежащем киоске и слопала его с удовольствием, какого давно не испытывала от еды (Градова).*

*Приглашаем отдохнуть на природе, насладиться завораживающими горными пейзажами, попробовать несколько видов **хычинов** и узнать секреты их приготовления. По пути на плато Бермамыт вы узнаете, почему отношения Эльбруса, Бештау и Машука называют любовным треугольником. На горе Баран и самом плато отведайте карачаевские и балкарские **хычины** и по желанию сделаете их самостоятельно (Гастротур).*

Принимая во внимание популярность данного блюда во всех его разнообразиях среди туристов и всенародную любовь к нему в Карачае и Балкарии, можно с уверенностью утверждать, что *хычины* стали главным брендом как самих карачаево-балкарцев, так и в общем Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Данное утверждение подкрепляют репортажи о *хычинах* не только в республиканских СМИ, а также в московских изданиях. Следует

отметить, что Москва является не только огромным мегаполисом, а в первую очередь столицей России, в которой представлены все многочисленные национальности, населяющие нашу страну. На основании этого можно утверждать, что всё, что транслируется на жителей столицы, распространяется на жителей всех регионов, в связи с чем любое столичное мероприятие, получившее огласку в каких-либо СМИ, влечёт за собой поликультурный эффект. Данное правило распространяется и на различные тематические заведения столицы, посетителями которых очевидным образом становятся представители всех народностей нашей многокультурной страны. Приведём примеры популяризации хычинов посредством подобных платформ и, следовательно, контекстов внедрения их в картины миры и других народ.

Заметка о фестивале «Вкусы России» на ВДНХ в электронном издании «Сити» (сайт о культурных мероприятиях Москвы): *В центральной части ВДНХ разместится ресторанный дворик, где можно будет попробовать алтайскую закуску из маринованных патиссонов, угличский плов с перепелкой, балкарские хычины, дагестанский кебаб из баранины, лепешки с камчатским папоротником и мурманский десерт «Морошковые облака»* (Сити, 2024).

Электронное издание «Советская молодёжь»: *А большинство – 824 человека своим самым любимым блюдом назвали хычин. Именно поэтому на фестивале после презентации карачаево-балкарских блюд Гульнара провела мастер-класс по приготовлению хычинов* (Печонова, 2021).

Яндекс.Карты: *кафе «Хочу хычин» на Никольской (центр Москвы)* (Яндекс.Карты).

Также, являясь традиционным карачаево-балкарским кисломолочным напитком, айран приобрёл большую популярность среди представителей русскоязычной культуры, будучи известен своими целебными свойствами и неповторимым вкусом. Приведём примеры упоминания этой лингвокультуремы в русскоязычной художественной литературе.

Вот тебе вода, а с айраном подождём до больницы, – улыбалась доктор» (Безз).

Перекусив просяной лепёшкой, кусками вяленого мяса, запили еду айраном – смесью кислого молока с водой, и они легли на мягкую зелёную траву, вытянули усталые от долгого сидения в седле ноги, чтобы дать всему телу короткий отдых (Садыков).

Данная лингвокультурема, несомненно, предполагает высокую степень позитивизации при восприятии её носителями карачаево-балкарского языка. Свидетельством этому служит особая роль в культуре карачаево-балкарского гостеприимства, отведённая этому напитку, ведь считалось постыдным предлагать человеку просто воду, а не айран или *суусаб* (айран разбавленный водой), а также мясо всегда полагалось подавать с соусом из айрана (*тузлукъ*), иное создало бы образ недостойного хозяина. Данная традиция даже получила фиксацию в карачаево-балкарской пословице (*нарт сёз*).

Келгеннге, алгъа суусаб бер, артда хапар сор. – Пришедшему сначала предложи **айранный напиток суусаб**, потом спрашивай о делах.

Об особой ценности айрана, помимо этого, говорит и легенда о появлении айрана. По одной из версий, айран был ниспослан карачаевцам и балкарцам самим Всевышним, и рецепт тщательно охранялся, пока в начале 20го века его не удалось выкрасть (Кавказ сегодня, 2021).

Также являясь одним из национальных символов, айран становится ключевым героем народных праздников и фестивалей, а о популярности этого напитка как в культурном плане, так и в целебном, говорят многочисленные репортажи о подобных мероприятиях и целебных свойствах напитка в рамках новостных и тематических программ на федеральных телеканалах, а также статьи на сайтах о спорте и здоровье. Массовая информационная представленность данного народного продукта говорит об осведомлённости о его существовании и значимости и среди других народов России. Приведём примеры подобного освещения продукта в СМИ.

Сайт спортивной тематики «Спортс»: *С айраном можно приготовить очень много салатов, супов и даже смузи. Всё объясняется тем, что от айрана польза и вред сильно разнятся. Продукт очень полезный, а вреда от него*

практически нет за исключением нескольких противопоказаний. Поэтому смело можете включать айран в свой рацион, точно не пожалеете (Быстров, 2024).

Репортаж программы «Доброе утро» на Первом канале: *Тан или айран имеют одинаковый состав. ... В айране пузырьки появляются естественным путём вследствие брожения* (Первый канал, 2014).

Репортаж о фестивале айрана в программе «Новости» на Первом канале: *В секреты одного из самых древних и полезных напитков на земле могли проникнуть гости фестиваля айрана в Карачаево-Черкесии. Каждый мог попробовать и изумиться, сколько существует рецептов и самых разных вкусов* (Первый канал, 2013).

Как одни из центральных символов карачаево-балкарской культуры, айран и хычины получили в анализируемых фильмах как визуальную, так и вербальную репрезентацию. В художественном фильме «Мариям» в одной из начальных сцен показывают, как главная героиня готовит хычины, разговаривая с бабушкой. Подобные разговоры за приготовлением уже на тот момент традиционного блюда вероятнее всего были нередки в их дома, символизировали уют и спокойствие в семье. Рутинной можно было бы назвать и следующую сцену, когда Мариям зовёт Юсуфа поесть, а тот прибегает с улицы и начинает поспешно есть хычины, не успевая их ничем запивать, тогда бабушка делает ему в связи с этим замечание. Данную комбинацию сцен из мирной обыденной жизни карачаево-балкарцев того периода можно воспринимать как своего рода инструмент создания контраста с последующими сценами депортации и жизни в ссылке, полных страданий и лишений. Описанный выше уровень осведомлённости других народов России с этими традиционными блюдами карачаево-балкарцев и с их положительным образом в жизни народа позволяют предположить, что имплементированный в данные сцены позитивный ностальгический посыл был воспринят и не носителями карачаево-балкарской лингвокультуры. Приведём примеры вербализации данных аксиологических доминант в кинотексте фильма Мариям.

Юсюп, кьолларынгы джуу да хычин ашаргъа олтур (Мариям, 2022, 04:03-04:07). – Юсуф, помой руки и сядь кушать хычины (перевод автора – А.А.).

Къайры ашагъыб бараса? Хычинны ызындан айран да тогъургъа унутма (Мариям, 2022, 05:25-05:30). – Куда ты так спешишь? Не забудь запить хычины айраном (перевод автора – А.А.).

Среди соседей карачаевцев и балкарцев также хорошо известно их глубокое уважение к старшим. Особым почётом у карачаево-балкарцев издревле пользовались старейшины рода *аксакалы* (дословно *белобородый*), данная традиция существует и по сей день и получила широкое распространение в произведениях побывавших в Карачае и Балкарии авторов. Приведём примеры.

Старый аксакал говорит ему, что рано ещё называться юноше джигитом (Серегин).

Один аксакал рассказывал мне старинное предание (Запивалин).

И слышать это приходится не от древних аксакалов, а от вполне молодых людей, которым едва за тридцать (Артемьева).

Слово *аксакал* стало для народов России синонимом кавказского старца, поэтому в русскоязычном дискурсе данное слово стало использоваться не только в отношении карачаево-балкарцев, но и в отношении всех народов Северного Кавказа. Тем не менее стоит заметить, что в языках нетюркоязычных кавказских народов данная лексема не используется даже как заимствование. Таким образом, данную лингвокультуру можно отнести исключительно к тюркским кавказским народам, одним из главных представителей которых бесспорно являются карачаевцы и балкарцы. Приведём примеры использования данной лингвокультуры во всероссийских русскоязычных источниках, читатели которых характеризуются этническим разнообразием.

Информационное агентство мусульман России Islam News: *Я подумал – пока у нас на Кавказе есть такие старейшины, у нас еще не все потеряно! На лице и словах этого благородного Аксакала – вера, мудрость, братство и доброта* (Нальчиев, 2019).

Репортаж программы «Вести» на телеканале «Россия 1»: *Однако, практически все аксакалы живут в горных районах, где сохранился*

традиционный уклад жизни, который они бережно хранят и сокрушаются, что молодежь в городах многого уже не знает и не ценит (Россия 1, 2013).

В анализируемых фильмах *аксакалы* упоминаются в рассказах героев интервью, перечисляющих последствия тяжёлых условий ссылки в Средней Азии. Как уже было отмечено выше, преобладающая часть депортированных была представлена стариками и детьми, которые были наиболее уязвимы к лишениям, которые были вызваны ссылкой. Широкая распространённость данной позитивизированной лингвокультуры в русскоязычном дискурсе позволяет нам сделать вывод о том, что зрители из числа других российских народов способны в полной степени оценить значимость выделения судьбы *аксакалов* в рассказах выживших жертв депортации. Приведём примеры из кинотекстов документальных фильмов «Хорлатмаз ада эси» и «Чтобы помнили», которые оба представляют собой собрание интервью героев, выживших в депортации и их родственников.

Аллында, солдатла элге джангы келе башлагъанларында, акъсакълла бизни кълубюзню тынч этерге кюрюшгендиле, къркър зат джокъду деб къайтара эдиле (Чтобы помнили, 2020, 15:09-15:18). – В самом начале, когда солдаты только начали появляться в наших сёлах, **аксакалы** нас успокаивали, повторяли, что бояться нечего (перевод автора – А.А.).

Сабийлени да, акъсакълланы да сан этмейин, болгъанныд мешиналагъа къуйгъандыла (Чтобы помнили, 2020, 20:01-20:07). – Будь то дети, будь то **аксакалы**, всех без разбору бросали в машины (перевод автора – А.А.).

Биринчи джылланы джашау асыры ауур тийгенден, бир да кѐб адам ългенди, кѐб юсю да аланы ичинде акъсакълла бла сабийле (Судьбы печальные страницы, 2022, 04:05-04:10). – В первые годы жизнь была настолько тяжёлой, что погибло очень много людей, большинство из которых были *аксакалы* и дети (перевод автора – А.А.).

Къайры тюшсек да, акъсакълланы айтханы бла джюрюрге кюреше эдик (Судьбы печальные страницы, 2020, 15:09-15:18). – Куда бы нас не забросили, мы старались во всём слушаться *аксакалов* (перевод автора – А.А.).

Вполне ожидаемо, что популярность среди русского населения Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии получила также лингвокультурема, выраженная особой формой приветствия и прощания. Как и остальные народы, исповедующие Ислам, карачаевцы и балкарцы приветствуют друг друга выражением *салам алейкум*, а в ответ слышат *валейкум салам* (дословно *мир вам* и *и вам мир* соответственно), сам перевод этой фразы демонстрирует яркую ценностную составляющую данной лингвокультуры. Подобного рода приветствие можно часто услышать в общении русскоязычных друзей и приятелей, не имеющих никакого отношения ни к мусульманам, ни к карачаево-балкарцам. Помимо примеров употребления этого выражения в устной речи, можно также заметить её упоминания и в художественной литературе.

Салам алейкум. – Его голос был тихим и тёплым (Вульф, 2019).

Салам алейкум! – поприветствовал его старик (Голубев, 1991).

В 2020-е гг. одним из самых ярких популяризаторов данной фразы среди некавказского населения России, как можно предположить, являлся исполнитель из Карачаево-Черкесской республики Ислам Итляшев, чья песня «Салам алейкум братьям», повествующая о дружбе кавказских народов, стала всероссийским хитом. С данной песней Ислам Итляшев выступал на торжественном закрытии выставки «Россия» на ВДНХ в Москве, транслировавшемся на Первом канале, а также в эфире программы Андрея Малахова «Песни души» на телеканале «Россия 1» (Первый канал, 2024; Россия 1, 2024). Учитывая масштабность упомянутой выставки, которая собрала посетителей со всех уголков страны, и охваты обоих федеральных каналов, можно со всей уверенностью утверждать, что произошла новая волна внедрения данной лингвокультуры в языковые картины других народов России. Приведём строки из песни.

Салам Алейкум Братьям с Ингушетии

Салам Тебе Талул и Карачай

Салам Тебе и Дружная Осетия

Салам Алейкум Весь Адыгский Край (Итляшев, 2019).

Сцена подобного традиционного мусульманского приветствия показана в фильме «Мариям», когда после возвращения Ахмада из армии он приветствует своего младшего брата Юсуфа, а также когда Ахмад приветствует имама (мусульманский священник), который должен вести его никах (исламская церемония бракосочетания). Информированность о значимости этой распространённой в современном мире фразы для мусульман, а также знание её перевода (*мир вам*) обеспечит зрителю, не являющегося носителем карачаево-балкарской лингвокультуры, понимание положительного настроения соответствующих сцен. Приведём примеры из кинотекста.

Салам алейкум, Алан! Не, тансыкъ болгъанмыса? – Салам алейкум, дружище! Ну что, соскучился (Мариям, 2022, 25:09-25:15)?

Салам алейкум, багъалы афенди (Мариям, 2022, 31:02-31:04)! – Салам алейкум, дорогой эфенди (перевод автора – А.А.)!

Говоря о карачаево-балкарских лингвокультурамах, нельзя не упомянуть такую этноспецифическую доминанту, как *джигит*. В широком значении данная единица передаёт образ молодого ловкого кавказского наездника, тем временем в карачаево-балкарском языке данная единица синонимична герою и храбрецу, другим словами, для карачаевцев и балкарцев *джигит* – это отважный горец. Данное узкое определение этой лексической единицы делает очевидным факт высокой степени позитивизации данной этноспецифической доминанты. Необходимые характеристики образа джигита, такие как, например, верность данному слову и отвага, передаются в карачаево-балкарских пословицах.

Джигит ёлсе да, джигитлик джашайды. – Хоть джигит и умирает, а **подвиг** его живёт.

Джигит ёлсе да аты ёлмейди. – Хоть **герой** и умирает, но имя его живёт.

Джигит айтмаз, айтса къайтмаз. – **Джигит** зря не говорит, а сказал, выполнит.

К образу джигита часто обращались русские писатели, когда-либо бывавшие на Кавказе, тем самым популяризируя и внедряя данную

лингвокультуре в свою собственную языковую картину мира. Приведём примеры из произведений.

*Все храбрые, без различия племён и сословий: и уздени, и беки, (Беки – князья) и вожди, и простые **джигиты**, все они одинаково дороги Магомету, – отвечал невозмутимо старик, сверкая из-под седых бровей своими юношески быстрыми глазами»* (Чарская, 1903).

*Это была нелегкая, почти невыполнимая задача не только для меня, но и для самых ловких **джигитов** аула. Чтобы схватить кинжал зубами, надо было склониться лицом до самой земли, удерживаясь на лошади, несущейся вихрем* (Чарская, 1909).

*Посмотри-ка, Бэла, – сказал я, – у тебя глаза молодые, что это за **джигит**: кого это он приехал тешить?* (Лермонтов, 1840).

Сейчас с высокой долей вероятности можно утверждать, что популяризация данной лингвокультуры идёт также через искусство, однако не словесное, а хореографическое. Множество студий и ансамблей кавказского танца используют данную лингвокультуру в своих названиях. Несмотря на тюркские корни данного слова, участниками подобных коллективов становятся не только карачаево-балкарцы и другие тюркские народы Кавказа, но и все желающие представители других народов России. Логично будет предположить, что школа кавказского танца «Джигит» в Москве набирает учеников из всего этнического разнообразия столицы, в том числе и некавказского происхождения, благодаря чему происходит проникновение данной лексемы и в языковые картины мира других народов (Джигит.ру, 2025). Подобное воздействие вероятнее всего имел и ансамбль «Маленький джигит», который с моментами своего основания успел выступить как на крупнейших сценах страны, так и на международной сцене (Россия (Алания), 2024).

В избранных для анализа фильмах данная аксиологическая доминанта используется в речах диктора, звучащих за кадром хроники тех времён. Диктор говорит о смелости и отваге, которые сын Карачая и Балкарии демонстрировали на фронтах Великой Отечественной войны, в то время как другие солдаты,

посланные советской властью занимались угнетением их народа. Проведение параллелей с образом кавказского джигита из произведений русских классиков будет способствовать полноценному восприятию речей о героизме карачаево-балкарских солдат представителями других русскоязычных народов. Приведём примеры вербализации данной аксиологической доминанты в фильме «Судьбы печальные страницы».

Къарачайны ёхтем джигитлери душманны ууата тургъан заманда, аланы юйдегилерин туугъан эллеринден къыстаб, къыралны баиша къыйырына элте тургъандыла (Чтобы помнили, 2021, 12:07-12:11). – **Отважный джигиты** Карачая громили врага, пока другие их семьи выгоняли из родных сёл и отправляли на другой конец страны (перевод автора – А.А.).

Ол джигитле кеслирин юйдигилерин, миллетлерин сакъларгъа деб кюрешгендиле (Чтобы помнили, 2021, 21:11-21:15). – Эти **джигиты** старались, чтобы **защитить** свои семьи и свой народ (перевод автора – А.А.).

Къарачай джигитле къыралны аллында борчларын толтургъандыла (Чтобы помнили, 2021, 19:08-19:12). – Карачаевские **джигиты** исполнили свой долг перед страной (перевод автора – А.А.).

Говоря о кавказских джигитах, непроизвольно в голове всплывает образ молодого мужчины в традиционной кавказской одежде - черкесске, украшают черкесску *газыри*, относящиеся к наиболее поздним составляющим верхней распашной одежды горцев, и появлением своим обязанные распространению огнестрельного оружия. Название *газыри* данный элемент одежды получил из языков тюркских народов Северного Кавказа, в числе которых и карачаево-балкарцы, на родном языке которых данный предмет называется *хазырла* (пер. готовый). «Газыри представляли собой небольшие трубчатые ёмкости, выступавшие готовыми зарядами для ружей. Впоследствии значение их сузилось, они стали декоративным элементом мужского костюма, украшались серебряными и позолоченными колпачками *хазырбаи*, нередко соединёнными между собой цепочками» (Къарачай, 2019).

Газыри часто упоминались в русских произведениях про Кавказскую войну, когда необходимо было дать описание внешнего виде горца, посредством чего в русскую языковую картину мира была внедрена данная карачаево-балкарская лингвокультурема. Рассмотрим примеры.

Недалеко от него, у стены, спал Элдар. Элдар лежал на спине, раскинув широко свои сильные, молодые члены, так что высокая грудь его с черными хозырями на белой черкеске была выше откинувшейся свежесбритой, синей головы, свалившейся с подушки (Толстой, 1912).

Поэтому на боевой черкеске газыри закрыты не серебряным колпачком, как на парадной, а заткнуты тряпкой (Штыбин, 2020).

Очевидно, что в современных произведениях не освещают данный элемент традиционного кавказского костюма. Современные люди могут познакомиться с данным элементом карачаево-балкарской картины мира, как правило, в исторических работах или на исторических выставках, которые также являются немаловажными платформами трансляции элементов одной лингвокультуры, представленных как часть экспозиции или исторического контекста, в иноязычную лингвокультуру, представители которой как раз и знакомятся с соответствующими выставками и научными трудами. Приведём к примеру описание одного из экспонатов на выставке в музее Фелицина (г. Краснодар) и отрывок из статьи для виртуальной выставки музея «Царское село» (г. Санкт-Петербург).

Газыри для мундира черкески Александра II с серебряными наконечниками. Северный Кавказ, вторая половина XIXв. Серебро, чернение, бамбук (Музей Фелицина).

К концу XIX века газыри превратились в декоративный элемент национального военного костюма. Корпус мог выполняться из ценны. ... К началу Первой мировой войны газыри использовались в униформе казачьих частей и двух драгунских полков (Музей «Царское село», 2020).

Интересным будет заметить, что кавказский традиционный костюм, как и его элементы по отдельности, получил известность не только в России, но и во всём мире. Так, лингвокультурема *газыри* получила визуальную репрезентацию

в культовом анимационном фильме японского режиссёра Хаяо Миядзаки «Навсикая из Долины ветров», часть героев которого, в том числе и главная героиня, на протяжении всего фильма носят одежду с чётко выделяющимися газырями. Учитывая популярность данной работы японского оscarоносного режиссёра, логично будет выдвинуть гипотезу о проникновении данной лингвокультуры в языковую картину мира не только японцев, но и других поклонников японской анимации со всего земного шара (Плиева, 2024).

В описываемый в анализируемых фильмах исторический период традиционные карачаево-балкарские костюмы с газырями уже вышли из обихода, в связи с чем в данных фильмах нельзя найти словесного упоминания данного предмета гардероба. Однако в фильмах показаны фотографии старейшин аксакалов в традиционных карачаево-балкарских костюмах, каждый из которых, согласно обычаю, включал в себя газыри. Исторически осведомлённому зрителю будет несложно догадаться о том, что данные фотографии делают акцент на почётном возрасте аксакалов, жизнь которых началась ещё в предыдущую эпоху.

Из наблюдений за повседневной жизнью карачаевцев и балкарцев, можно заметить их любовь к такому традиционному мероприятию, как *той* (пер. танцы, веселье, торжество). Той, как правило, устраивался на свадьбах или других торжественных мероприятиях и имел чётко установленные нормы проведения, которые включали в себя обязательное присутствие ведущего, формировавшего пары для танцев, а также запрет на физический контакт между танцующими, за исключением финального танца «Абезек», в котором касание также происходит не напрямую, а через ткань. В наши дни не каждый *той* проводится согласно всем обычаям, хотя, большей части норм всё же придерживаются. Тем не менее, несмотря на пренебрежение некоторыми обычаями, *той* по сей день остаётся обязательной сопровождающей всех праздничных событий (*той* на празднике отменяется, только если ранее произошло какое-то трагичное событие), и, следовательно, данная лингвокультура имеет в языковом сознании карачаевцев и балкарцев лишь положительную коннотацию. О важности и

праздничном характере данного мероприятия говорит следующая карачаево-балкарская пословица.

Тойгъа – чурукъ, ишге – чабыр, хар зат джерине джарашыр. – Для танцев – туфли, для работы – чабыры (обувь типа лаптей из кожи), каждому месту – своё.

В настоящее время традиция проводить той распространилась далеко за пределы родных республик. Карачаево-балкарские диаспоры в других российских и зарубежных городах регулярно проводят *той* с целью популяризации народных танцев среди своей молодёжи, а также для того, чтобы познакомить со своей культурой и другие народы. На подобные мероприятия приглашаются все, вне зависимости от их национальной или конфессиональной принадлежности. Эти мероприятия освещаются в СМИ, благодаря чему диапазон распространения лингвокультуры той в другие языковые картины мира становится ещё шире. Приведём отрывки из репортажей о данного рода мероприятиях из СМИ.

«Московский комсомолец – Кавказ»: Ещё пример объединяющих мероприятий – танцевальные вечера. У карачаевцев они называются «той». Танцы любят все, и поэтому каждый месяц, когда центр «Алан» устраивает той, гостей хоть отбавляй. Организаторы приглашают молодёжь любых национальностей (Петренко, 2019).

РИА «Карачаево-Черкесия»: Международный фестиваль культуры карачаево-балкарского народа «Нартский той» прошел накануне в Турции. На него съехались представители карачаево-балкарских диаспор из Турции, России, Сирии и Голландии.

Социальные сети фонда содействия развитию карачаево-балкарской молодёжи «Эльбрусойд»: *Эльбрусойд-Москва приглашает всех на традиционный карачаево-балкарский праздник – Алан Той.*

География проведения данных мероприятий, освещённых в СМИ, позволяет нам сделать вывод о проникновении лингвокультуры той в сознание представителей широкого круга людей различных народностей,

взаимодействующих с карачаево-балкарскими диаспорами или коренным населением республик как напрямую на их общественных мероприятиях, так и посредством ознакомления с подобными репортажами и объявлениями. Собственные наблюдения авторов исследования также свидетельствуют о том, что в рамках Ставропольского края даже некарачаево-балкарская молодёжь знакома с традиционными карачаево-балкарскими танцами *той* и с энтузиазмом ходит на соответствующие мероприятия.

Имея представление о неотъемлемом характере *тоя* для карачаево-балкарских празднеств, зритель может полноценно воспринимать ностальгические настроения главных героев фильма «Мариям», которые в депортации мечтают о том, чтобы вернулись прежние радостные дни, в которые всё село собиралось на чьей-нибудь свадьбе и наслаждалось праздничными танцами. Приведём примеры соответствующих цитат.

Эсингдеми, Мариям, алгъын тойлада къалай ариу теңсей эдинг сен? Аллах айтса, бурунгу къууанч кюнле тойла бла джашауубузгъа къайтырдыла (Мариям, 2022, 17:54-18:00). – А помнишь, Мариям, как **красиво** ты раньше на **тоях танцевала**? Даст Аллах, в нашу жизнь снова вернуться **праздничные дни с танцами** (перевод автора – А.А.).

Значительную роль в распространении карачаево-балкарского мировидения на другие народы России сыграло развитие туризма на Северном Кавказе. Благодаря популярности среди туристов таких природных объектов, как Эльбрус (Минги Тау) и Бештау, в поликультурное пространство России проник устоявшийся в карачаево-балкарском мироощущении образ кавказских гор, а также в языках других народов закрепились их исконные названия на карачаево-балкарском языке.

Анализ нартского эпоса (нарты – древние предки карачаевцев и балкарцев) показывает, что для карачаево-балкарской культуры была «весьма релевантна сакрализация горного пространства». Именно в высоких горах, согласно древним карачаево-балкарским преданиям, «обитали языческие (тенгрианские) боги, «...» а также их посланники». Эпические тексты показывают, что «носители

карачаево-балкарского языка рассматривают горные образования как главную характеристику региона и место динения этноса». Архаичная модель мира в нартском эпосе «предполагает наличие центра освоенного пространства – мировую гору», и именно с реальной горой Эльбрус, называемой в карачаево-балкарском языке *Минги Тау* (пер. Вечная гора), у древних нартов соотносился образ мировой горы. Характеристики её в нартском эпосе включают: «а) мировая гора, у подножья которого жили нарты; б) на её вершине имеется источник бессмертия; в) это место деятельности нартского кузнеца Дебета; г) Минги тау является священным местом, где вырос и окреп один из главных героев эпоса Карашауай и (по некоторым текстам) где родился крылатый конь Гемуда» (Ахматова, 2015).

Подобный сакральный образ Минги Тау в нартских легендах вполне соотносится с её реальным величием и недостижимостью, описанной многими путешественниками, вознамерившимися покорить эту гору. В новое время величие и неприступность данной вершины воспеваются в карачаево-балкарской поэзии и песнях, а легендарная песня «Минги Тау» на основе стихотворения классика и осноположника карачаево-балкарской литературы И.У. Семёнова стала гимном карачаево-балкарского народа.

К образу гор, ассоциируемых с родиной, неоднократно обращались и авторы проанализированных нами фильмов о депортации. Таким образом, учитывая место образа горы и, в особенности, *Минги Тау* в карачаево-балкарской культуре, мы можем с уверенностью заявить о высокой степени положительной аксиологизации данной лингвокультуремы, репрезентирующей природное и культурное достояние не только кавказского региона, но и всей России и всей Европы (Эльбрус – самая высокая вершина Европы). Получив мировую популярность, Эльбрус был подвергнут широкому обсуждению в СМИ и туристических блогах, часто использовалось и оригинальное название. Приведём примеры соответствующих заголовков.

«Вести.Ру»: *Богатство Минги-Тау: курорты, виды и человеческое тепло* (Киселев, 2022).

«Моковский Комсомолец – Кавказ»: *К подножию Минги-Тау: Кавказ глазами путешественника* (Кузьминых, 2014).

«ОТЗЫВ.RU»: *Минги Тау – гора, на которую я почти поднялась* (Carpe diem, 2016).

Рождённые у подножия Минги Тау карачаевцы и балкарцы определяли эту гору как символ своей свободы и величия. Разлука с родными горами и, в частности, с Минги Тау неоднократно упоминается в избранных кинотекстах. Учитывая чётко установившиеся для жителей других народов ассоциации Карачая и Балкарии с этой величественной вершиной, закономерно ожидать, что даже зритель другой лингвокультуры сможет эксплицировать заложенную во фразы с упоминанием Минги Тау аксиологичность, которую в зависимости от контекста можно охарактеризовать как положительную, так отрицательную. Приведём примеры подобных цитат.

Минги Тауну къатында ёсген бизлени тюппе-тюз тюзлеге къуйгъандыла (Хорлатмаз адам эси, 2019, 34:05-34:07). – Нас, выросших у **Минги Тау**, выбросили на самую ровную степь (то есть смена географической обстановки для спец. переселенцев была радикальной) (перевод автора – А.А.).

Минги Тау этегине ызына къайтыргъа сукъланыб тургъанбыз (Хорлатмаз адам эси, 2019, 18:01-18:04). – Ма мечтали о том, чтобы вернуться к подножию **Минги Тау** (перевод автора – А.А.).

Таким образом, рассмотренные лингвокультуремы, такие как *айран*, *аксакал*, *салам алейкум*, *джигит*, *газыри*, *той* и *Минги Тау*, демонстрируют глубокое проникновение элементов карачаево-балкарской культуры в русскоязычное и даже мировое культурное пространство. Важно отметить, что эти лингвокультуремы, как правило, обладают высокой степенью позитивизации в сознании носителей карачаево-балкарского языка, отражая ценности гостеприимства, уважения к старшим, отваги и связи с родной землей. Благодаря литературе, кинематографу, туризму и даже японской анимации, эти понятия становятся узнаваемыми и за пределами Кавказа, обогащая культурную палитру России и мира.

Языковая картина мира языка, будучи одним из центральных объектов лингвокультурологических исследований, является отражением культурного опыта и достояния народа. Лингвокультуремы, как системообразующие единицы языковой картины мира, служат средством репрезентации и накопления культурных представлений народа. Языковые картины тесно коммуницирующих между собой этносов взаимодействуют друг с другом и модифицируют аксиологические системы, структурирующие их. Этноспецифические доминанты карачаево-балкарского языка действительно интегрировались в русскую языковую картину мира и воспринимаются как часть русскоязычного поликультурного пространства.

Выводы по второй главе

Фильм «Мариям» представляет полиаспектную репрезентацию карачаево-балкарской лингвокультуры, где метаконцепты ВЕРА (ДИН), БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), СТЫД (УЯТ) и ГОЛОД (АЧЛЫКЪ) реализуются через вербально-аудиовизуальные средства. Корреляция ВЕРЫ и СТЫДА демонстрирует влияние религиозных норм на этику горского социума. Эпизод с Бэлой иллюстрирует социальные санкции за нарушение предписаний. Лента «Хорлатмаз адам эси» исследует депортацию балкарцев через концепты ВЕРА, БЫТ, СОЛИДАРНОСТЬ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ) и МУЖЕСТВО (ДЖИГИТЛИК), раскрывая духовную резилентность этноса. Синтез интервью, архивов и поэзии создаёт полифоничное повествование, формирующее эмпатическое восприятие истории.

Проведённый анализ кинотекстов карачаево-балкарских фильмов о депортации («Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы», «Чтобы помнили», «Мариям») позволил выявить ключевые аксиологические доминанты,

формирующие прецедентный мир ДЕПОРТАЦИЯ. Несмотря на художественную природу некоторых произведений, их нарративы основаны на реальных событиях, что обеспечивает высокий уровень достоверности и документальности.

В ходе исследования установлено, что аксиологическое пространство кинодискурса структурировано вокруг бинарной оппозиции позитивных и негативных оценочных концептов. К позитивным относятся: ДОМ (ЮЙ), ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК), ВЕРА (ДИН), ВОЗВРАЩЕНИЕ (ЫЗЫНА КЪАЙТЫУ), что подчёркивает духовную стойкость и этническую идентичность. В то же время доминирующими оказываются негативные концепты: ИЗГНАНИЕ (КЪЫСТАУ), ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), СМЕРТЬ (ЁЛЮМ), НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ (ТЕРСЛИК), отражающие травматический опыт народа.

Оценочность выражена через эмоционально маркированную лексику, аффиксацию, образные средства, что усиливает дерогативную семантику. Лингвокультурологический анализ подтвердил необходимость учёта этнокультурного контекста для адекватной интерпретации аксиологем.

Таким образом, поликодовые контексты репрезентируют не только историческую память о депортации, но и ценностные ориентиры карачаево-балкарского этноса, демонстрируя механизмы языковой концептуализации коллективной травмы. Преобладание негативных оценок во всех пяти фильмах закономерно обусловлено тематикой, однако присутствие позитивных концептов указывает на этническую резилентность и сохранение культурной идентичности. Данные материалы представляют значительный интерес для дальнейших лингвокультурологических и дискурсивных исследований.

Проведённый анализ выявил тесную взаимосвязь языка и социокультурных факторов в формировании аксиологической системы карачаево-балкарского этноса. Как показало исследование, ключевые концепты (ВЕРА (ДИН), БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ), СТЫД (УЯТ), ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ)) отражают не только

лингвистические особенности, но и исторический опыт, религиозные установки и традиционные ценности народа.

Особую значимость приобретает концепт ВЕРА (ДИН), детерминированный исламскими нормами и трагическим контекстом депортации. Концепты ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК) и ГЕРОЙ (ДЖИГИТ) репрезентируют воинскую доблесть горцев, подтверждённую историческими фактами их участия в Великой Отечественной войне. Концепт СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ) отражает традиционные патриархальные устои, а БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ) актуализирует ностальгию по утраченному домашнему укладу.

Негативные концепты ГОЛОД (АЧЛЫКЪ), ИЗГНАНИЕ (КЪЫСТАУ) связаны с травмой депортации, тогда как ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ) подчёркивает межэтническую солидарность. Таким образом, кинотексты служат не только историческим свидетельством, но и инструментом трансляции культурной памяти, формируя этническую идентичность и нравственные ориентиры новых поколений.

Проведенный анализ лингвокультурем (айран, аксакал, салам алейкум, джигит, газыри, той, Минги Тау) выявил их глубокую интеграцию в русскоязычное и международное культурное пространство. Данные элементы карачаево-балкарской культуры обладают высокой позитивной коннотацией, отражая ключевые ценности: гостеприимство, почитание старших, мужество и связь с природой. Через литературу, кинематограф, туризм и популярную культуру (включая японскую анимацию) эти концепты становятся узнаваемыми за пределами Кавказа, обогащая межкультурный диалог.

Исследование подтверждает, что языковая картина мира формируется под влиянием культурного опыта, а лингвокультуремы служат важными носителями этнической идентичности. Особый интерес представляет факт взаимопроникновения языковых картин мира тесно связанных этносов, что выражается в успешной адаптации многих карачаево-балкарских концептов в русскоязычном поликультурном контексте. Данный процесс подчеркивает динамичный характер языковых систем и их способность к культурному обмену.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование представляет собой системный анализ лингвокультурных и аксиологических особенностей карачаево-балкарского этноса, раскрывающий сложные механизмы взаимосвязи между языком, культурой и системой ценностей и репрезентированный в этнонациональном кинодискурсе, транслирующем компоненты прецедентного мира ДЕПОРТАЦИЯ. Проведённая работа позволяет сделать ряд фундаментальных выводов, имеющих существенное значение для развития современной лингвистики, культурологии, антропологии и смежных гуманитарных дисциплин. Результаты исследования вносят значительный вклад в понимание процессов формирования этнической идентичности в условиях глобализации и культурной трансформации.

Основным достижением исследования стало выявление системного характера взаимовлияния языковых структур и социокультурных факторов в процессе формирования аксиологической парадигмы карачаево-балкарского народа. Детальный анализ продемонстрировал, что ключевые концепты изучаемой культуры представляют собой сложные семиотические образования, органично интегрирующие лингвистические, исторические, религиозные и культурные компоненты. Особое значение в этом контексте приобретает концепт ВЕРА (ДИН), выступающий в качестве центрального элемента всей ценностной картины мира. Его тщательное исследование позволило выявить глубинную детерминацию исламской традицией и историческим опытом депортации, что обусловило особую роль данного концепта в формировании этнического самосознания и механизмов культурной самоидентификации.

Важнейшие результаты были получены при анализе концептуальной пары ОТВАГА (ДЖИГИТЛИК) – ГЕРОЙ (ДЖИГИТ), репрезентирующей воинский этос и систему ценностей горского сообщества. Историко-культурный анализ с привлечением широкого круга источников позволил установить тесную связь

этих концептов с документально подтверждёнными фактами боевого пути представителей этноса в годы Великой Отечественной войны, что существенно обогатило понимание их аксиологического содержания и культурной значимости. Особого внимания заслуживает выявленная в исследовании динамика традиционных патриархальных устоев, отражённая в концепте СЕМЬЯ (ЮЙДЕГИ), а также ностальгический дискурс утраченной повседневности и традиционного уклада жизни, актуализированный через концепт БЫТ (ЮЙ ДЖАШАУ). Эти концепты были рассмотрены не только как статичные элементы культуры, но и как динамические системы, подверженные трансформации под влиянием современных социокультурных процессов.

Значимым достижением работы стало всестороннее раскрытие диалектики позитивных и негативных концептов в структуре коллективной памяти карачаево-балкарского народа. Установлено, что такие травматические концепты как ГОЛОД (АЧЛЫКЪ) и ИЗГНАНИЕ (КЪЫСТАУ) образуют особое семантическое ядро, находящееся в сложном взаимодействии с позитивными ценностными ориентациями. При этом концепт ДРУЖБА НАРОДОВ (ХАЛКЪЛАНЫ ШОХЛУКЪЛАРЫ) продемонстрировал свою интегративную функцию в сфере межэтнического взаимодействия, что имеет особую актуальность в условиях современных мультикультурных процессов и необходимости выстраивания диалога между различными этническими группами.

Особую научную ценность представляют результаты комплексного анализа кинодискурса как специфической и высокоэффективной формы репрезентации культурных ценностей и этнической идентичности. Многоаспектное исследование фильмов «Мариям» и «Хорлатмаз адам эси» позволило выявить уникальные механизмы вербально-аудиовизуальной концептуализации ключевых этнокультурных смыслов и исторического опыта. Установлено, что кинотексты выполняют полифункциональную роль, выступая одновременно как: 1) носители исторической памяти; 2) трансляторы культурных ценностей; 3) инструменты формирования и укрепления этнической идентичности; 4) средства

концептуализации коллективного опыта. Особенно значимым оказалось их свойство концептуализировать коллективную травму, демонстрируя при этом удивительную культурную резилентность этноса и его способность к адаптации в условиях социокультурных трансформаций.

Важным и новаторским аспектом исследования стал детальный анализ процессов межкультурного взаимодействия через призму лингвокультурем. Всестороннее изучение таких значимых элементов карачаево-балкарской культуры как джигит, той, Минги Тау и других продемонстрировало их успешную инкорпорацию в транскультурное пространство и процесс межэтнической коммуникации. Эти языковые и культурные единицы, обладая выраженной позитивной семантикой и высоким аксиологическим потенциалом, выполняют функцию эффективных культурных медиаторов, существенно обогащая процессы межкультурного взаимодействия и способствуя взаимопониманию между различными этническими группами. Полученные данные убедительно свидетельствуют о динамической природе языковых систем и их значительном адаптационном потенциале в условиях глобализации и усиления межкультурных контактов.

Проведённое исследование значимо также с точки зрения расширения и углубления методологического аппарата современной лингвокультурологии и этнолингвистики. Разработанный комплексный подход к анализу взаимосвязи языка, культуры и ценностных систем открывает новые перспективы для изучения этнической идентичности в её лингвистическом выражении и дискурсивной реализации. Особенно важно, что предложенная методология позволяет учитывать как синхронический, так и диахронический аспекты формирования и трансформации аксиологических систем, что значительно углубляет понимание культурной динамики и механизмов сохранения этнокультурной идентичности в условиях социальных изменений.

Полученные результаты и разработанные методические подходы могут быть продуктивно использованы в образовательном процессе при подготовке учебных материалов и программ по лингвокультурологии, лингвоаксиологии

этнопсихоллингвистике, межкультурной коммуникации и смежным дисциплинам. Исследование предлагает конкретные методические решения для анализа культурных ценностей через языковые и дискурсивные формы их выражения, что может быть применено в практике преподавания родных и иностранных языков, а также в переводческой деятельности. В-третьих, выявленные закономерности и разработанные модели анализа представляют значительный интерес для практики межкультурного взаимодействия, особенно в полиэтнических регионах и в условиях необходимости гармонизации межнациональных отношений.

Перспективы дальнейших исследований в данном направлении видятся в нескольких важных аспектах. Прежде всего, требует углублённого и системного изучения проблема трансформации традиционных ценностей в условиях глобализации, цифровизации и усиления межкультурных контактов, а также исследование процессов конвергенции концептуально-валёрных систем народов в общероссийском лингвокультурном сообществе в аспекте цивилизационного единения в современных геополитических условиях. Особый научный и практический интерес представляет анализ роли новых медиа и цифровых технологий в процессах сохранения, трансляции и реинтерпретации культурного наследия. Значительный исследовательский потенциал имеет сравнительное изучение аксиологических систем родственных и контактирующих этносов, которое могло бы выявить как универсальные, так и специфические черты в их ценностных ориентациях и механизмах культурной самоидентификации. Отдельного внимания заслуживает изучение языковых и дискурсивных механизмов концептуализации культурной памяти в различных видах дискурса – художественном, медийном, политическом, образовательном и других.

В методологическом плане наиболее перспективным представляется дальнейшее развитие и совершенствование комплексного подхода, интегрирующего достижения лингвистики, культурологии, аксиологии, социальной антропологии и когнитивных наук. Особенно актуальной научной задачей является разработка более тонких и дифференцированных инструментов

анализа взаимосвязи между языковыми структурами, дискурсивными практиками и ценностными системами, позволяющих адекватно учитывать современные социокультурные трансформации и вызовы глобализирующегося мира. Важным направлением методологического развития представляется также интеграция качественных и количественных методов исследования, позволяющая сочетать глубину культурологического анализа с точностью лингвистических методов.

Список литературы

1. Абайханова, П. И. Карачай в составе Российской империи / П. И. Абайханова. – Текст : электронный // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2016. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karachay-v-sostave-rossiyskoj-imperii>. (дата обращения: 28.03.2025).
2. Авдеев, Е. А. Имперская политика включения народов Северного Кавказа в российское культурно-языковое пространство во второй половине XIX в / Е. А. Авдеев, А. М. Ерохин, С. М. Воробьев, С. Н. Бредихин. – Текст : непосредственный // Былые годы. – 2024. – № 19(4). – С. 1663–1673.
3. Авдеев, Е. А. Имперская политика переселения на Северном Кавказе и мухаджирство горцев во второй половине XIX в.: основные этапы и последствия для региона / Е. А. Авдеев, С. М. Воробьев, С. Н. Бредихин. – Текст : непосредственный // Былые годы. – 2024. – № 19(2). – С. 738–749.
4. Агафонова, Н. А. Общая теория кино и основы анализа фильма / Н. А. Агафонова. – Минск : Тесей, 2008. – 392 с. – Текст : непосредственный.
5. Айбазова, А. М. Аксиологическое пространство карачаево-балкарского кинодискурса (на материале документальных фильмов о депортации «Хорлатмаз адам эси», «Судьбы печальные страницы» и художественного фильма на основе реальных событий «Мариям») / А. М. Айбазова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 504-513. (1,05 п.л.).
6. Айбазова, А. М. Дерогативная сфера концептуализации как доминанта тематического кинодискурса (на материале Карачаево-балкарского документального фильма о депортации) / А. М. Айбазова // Казанский лингвистический журнал. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 180-190. (0,6 п.л.).
7. Айбазова, А. М. Традиционные духовные ценности как глокальная основа интерпретации аксиологических концептов в кинодискурсе / А. М.

Айбазова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 183-194. (1,2 п.л.).

8. Алиев, У. Д. Карачаево-балкарская грамматика. (Горско-тюркский язык) / У. Д. Алиев. – Кисловодск : Крайнациздат, 1930. – 197с. – Текст : непосредственный.

9. Аль-Бухари. Мухтасар Сахих аль-Бухари. В 2 т. / Аз-Зубайди. – Алматы : ТОО «Кәусар-саяхат», 2013.– II т. – 594 с. – Текст : непосредственный.

10. Андрюхина, М. С. «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры / М. С. Андрюхина. – Текст : электронный // МНКО. – 2010. – №3. – С. 54–58. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-otsenka-kak-odin-iz-bazovyh-kontseptov-lingvokulturologii-i-teorii-kultury> (дата обращения: 18.09.2024).

11. Апресян, Ю. Д. Избранные труды в 2х т. Т. II.: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с. – Текст : непосредственный.

12. Аристотель. Этика / Аристотель М.: Эксмо, 2019. – 384 с. – Текст : непосредственный.

13. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / под ред. Н. К. Рябцевой. – М. : Наука, 1993. – 176 с. – Текст : непосредственный.

14. Арутюнова, Н. Д. Об объекте общей оценки / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1985. – № 3. – С. 13-24.

15. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1988. – 338 с. – Текст : непосредственный.

16. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С .А. Аскольдов. – Текст : непосредственный // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. – М. : Academia, 1997. – С. 267-279.

17. Ахматова, М. А. Концепт «ГОРА» в карачаево-балкарском нартском эпосе / М. А. Ахматова. – Текст : электронный // Современные проблемы науки

и образования. – 2015. – № 2 (часть 3). – URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/2-3/86.pdf> (дата обращения: 06.04.2025).

18. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 438 с. – Текст : непосредственный.

19. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 40 с. – Текст : непосредственный.

20. Беккер, Е. В. Аксиология и лингвоаксиология в современном гуманитарном научном дискурсе (на примере исследования концепта "человек" в русской и китайской культурах) / Е. В. Беккер, О. Б. Панова. – Текст : электронный // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – №4-12 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-i-lingvoaksiologiya-v-sovremennom-gumanitarnom-nauchnom-diskurse-na-primere-issledovaniya-kontsepta-chelovek-v-russkoj-i> (дата обращения: 21.01.2024).

21. Блюмкин, В. А. Мир моральных ценностей / В. А. Блюмкин. – М. : Знание, 1981 – 64 с. – Текст : непосредственный.

22. Богданов, В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л. : ЛГУ, 1990. – 87 с. – Текст : непосредственный.

23. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение / В. В. Богданов. – СПб. : СПбГУ, 1993 – 67 с. – Текст : непосредственный.

24. Болдырев, Н. Н. Оценка при категоризации и понятие оценочной категоризации / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Экспрессивная лингвистика : матер. докл. Междунар. науч. конф. в 3 ч. (Минск, 13-14 ноября

2000 г.). – Ч. 1. – Минск : МГЛУ, 2000. – С. 10–14.

25. Боровков, А. К. Карачаево-балкарский язык / А. К. Боровков. – Текст : электронный // Яфетический сборник VII Recueil Japhetique. – 1932. – URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-lang/427735/> (дата обращения: 18.04.2024).

26. Браславская, Е. А. Аксиологические аспекты иноязычного образования / Е. А. Браславская. – Текст : электронный // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 7. – С. 28–32. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43869593_27923867.pdf (дата обращения: 25.03.2024).

27. Бредихин, С. Н. Поэтическая структура смыслопорождения в философском дискурсе : специальность 10.02.19 – «Теория языка» : автореф. Диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бредихин Сергей Николаевич. – Нальчик: КБГУ, 2014. – 39 с. – Текст : непосредственный.

28. Бредихин, С. Н. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира / С. Н. Бредихин, Н. А. Пелевина. – Ставрополь: Параграф, 2021. – 172 с.– Текст : непосредственный.

29. Бредихин, С. Н. Стратегическое моделирование сетевой кризисной коммуникации / С. Н. Бредихин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 3. – С. 183–195.

30. Бредихин, С. Н. Моделирование перехода частных пертинентностей в коллективную релевантность в интернет-коммуникации / С. Н. Бредихин, А. А. Серебряков, Г. Н. Манаенко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 2. – С. 189–199.

31. Бредихин, С.Н. Общие принципы текстопостроения как объекта распредмечивания смысла / С.Н. Бредихин. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2015. – №20. – С. 634–640.

32. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира. (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки

русской культуры», 1997. – 576 с. – Текст : непосредственный.

33. Звегинцев, В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа / В. А. Звегинцев. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 111–134.

34. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с. – Текст : непосредственный.

35. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с. – Текст : электронный. – URL: <http://iakovlev.org/zip/vindelband.pdf> (дата обращения 10.02.2024).

36. Виноградов, С. Н. Концептуальный анализ аксиологических концептов в школьных сочинениях / С. Н. Виноградов, Н. Г. Круглов. – Текст : электронный // Вестник ННГУ. – 2021. – №2. – С. 193–197. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-analiz-aksiologicheskikh-kontseptov-v-shkolnyh-sochineniyah> (дата обращения: 01.03.2025).

37. Виноградов, С. Н. К лингвистическому пониманию ценности / С. Н. Виноградов. – Текст : непосредственный // Русская словесность в контексте мировой культуры : Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. – С. 93–97.

38. Волкова, Р. А. Прецедентные тексты как сегменты вербального культурного кода / Р. А. Волкова. – Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – №7 (43). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-teksty-kak-segmenty-verbalnogo-kulturnogo-koda> (дата обращения: 11.02.2025).

39. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М., 1985 – 232 с. – Текст : непосредственный.

40. Вольф, Е. М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структуры в семантике слова и высказывания / Е. М. Вольф. – Текст : непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Москва, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 391–397.

41. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. – Текст непосредственный.
42. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
43. Воркачев, С. Г. Семантические комплексы в российской антропологической лингвистике: смысловые единства и их составляющие / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 24–40.
44. Воркачев, С. Г. Семантическое единство «страсть-бесстрастие» в народном анекдоте / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Русистика без границ. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 33–42.
45. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – 336с. – Текст : непосредственный.
46. Выжлецов, Г. П. Аксиология в системе философского знания / Г. П. Выжлецов. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2010. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologiya-v-sisteme-filosofskogo-znaniya> (дата обращения: 03.02.2024).)
47. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с. – Текст : непосредственный.
48. Гиндин, С. И. Что такое текст и лингвистика текста / С. И. Гиндин – Текст : непосредственный // Аспекты изучения текста. – М., 1981. – С. 25–32.
49. Голованова, А. В. Ценности и оценки в языковом отражении: На материале русского и польского языков : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Голованова Анастасия Владимировна. – Пермь, 2002. – 16 с. – Текст : непосредственный.
50. Голубева, Н. А. Аксиологический концепт: векторы исследования / Н. А. Голубева – Текст : непосредственный. // Современная германистика и

западноевропейская литература (= Modern Germanic Philology and West-European Literature) : коллективная монография. Вып. 3. / отв. ред. А. В. Иванов. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – С. 5–27.

51. Гончаренко, В. В. Фреймы для распознавания смысла текста / В. В. Гончаренко, Е. А. Шингарёва. – Кишинев : Штиинца, 1984. – 200 с. – Текст : непосредственный.

52. Гончарова, Н. Н. Концепт – основная единица языковых картин мира / Н. Н. Гончарова. – Текст : электронный // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2013. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-osnovnaya-edinitsa-yazykovykh-kartin-mira> (дата обращения: 13.09.2024).

53. Горелов, И. Н. Вопросы теории речевой деятельности / И. Н. Горелов. – Таллин, 1987 – 190 с. – Текст : непосредственный.

54. Горлова, И. И. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа» как ресурс государственной политики и форма общественного взаимодействия / И. И. Горлова. – Текст : электронный // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : Сборник научных статей по итогам международного научного форума. – Москва, 2021. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46180207_92420480.pdf. (дата обращения: 31.07.2024)

55. Горшкова, В. Е. Перевод в кино / В. Е. Горшкова. – Иркутск : ИГЛУ, 2006. – 278 с. – Текст : непосредственный.

56. Гранин, Ю. Д. О гносеологическом содержании понятия «оценка» / Ю. Д. Гранин. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1987. – № 6. – С. 58–72.

57. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с. – Текст : непосредственный.

58. Гурьянова, А. В. Экофилософия как мировоззренческая основа глобализации и цифровизации / А. В. Гурьянова, В. В. Жданова. – Текст : электронный // Современные философские исследования. – 2022. – №1. – С. 76–84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekofilosofiya-kak-mirovozzrencheskaya->

osnova-globalizatsii-i-tsifrovizatsii (дата обращения: 21.01.2024).

59. Данильян, О. Г. Философия: Учебник / О. Г. Данильян, В. М. Тараненко. – М. : ЭКСМО, 2006. – 512 с. – Текст : непосредственный.

60. Дейк, Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М., 1989 – 312 с. – Текст : непосредственный.

61. Делёз, Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратов / Ж. Делёз. – М. : Изд-во Ад Маргинем, 2004. – 624 с. – Текст : непосредственный.

62. Демина, И. Н. «Ценности» в российском научном дискурсе / И. Н. Демина. – Текст : электронный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2022. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-v-rossiyskom-nauchnom-diskurse> (дата обращения: 03.02.2024).

63. Джамбаева, Ж. А. К вопросу о разработке психолингвистического направления аксиологической лингвистики / Ж. А. Джамбаева. – Текст : непосредственный // Cuadernos de Rusística Española. – 2013. – № 9. – С. 29–36.

64. Джуртубаев, М. Ч. Ёзден Адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа/ Сост., предисловие и комментарий М. Ч. Джуртубаева / М. Ч. Джуртубаев. – Нальчик : Эльбрус, 2005. – 576 с. – Текст : непосредственный.

65. Донская, М. М. Английский язык в мультимедийном пространстве рекламного дискурса : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Донская Мария Михайловна. – М., 2007. – 23 с. – Текст : непосредственный.

66. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе. – М., 1984. – 232 с. – Текст : непосредственный.

67. Дружинин, А. Г. Евразийский вектор развития современной России: тюркская составляющая / А. Г. Дружинин. – Текст : непосредственный // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2018. – Т. 4 (14). – № 4. – С. 11–24.

68. Дыбо, А. В. Карачаево-балкарский язык / А. В. Дыбо, М. З. Улаков, М. Б. Кетенчиев, З. К. Айбазова. – Текст : электронный // ПостНаука. – 2021. – URL: <https://postnauka.org/longreads/156136> (дата обращения: 18.07.2024).

69. Каурова, Е. М. Лингво-аксиологический анализ антиковидных лозунгов (немецкий и французский языки) / Е.М. Каурова, М.Р. Коренева. – Текст : электронный // МНКО. – 2022. – №5 (96). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvo-aksiologicheskij-analiz-antikovidnyh-lozungov-nemetskiy-i-frantsuzskiy-yazyki> (дата обращения: 09.03.2024.)

70. Ефремова, М. А. Концепт кинотекста : структура и лингвокультурная специфика : на материале кинотекстов советской культуры : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ефремова Марина Алексеевна. – Волгоград, 2004. – 185 с. – Текст : непосредственный.

71. Зайченко, С. С. К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса / С. С. Зайченко. – Текст : электронный // Вестник ЧелГУ. – 2013. – №2 (293). – С. 96–99. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-znakovoy-neodnorodnosti-kinodiskursa> (дата обращения: 07.07.2024).

72. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе / А. Н. Зарецкая. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета, 2008. – № 16 (117). – С. 70–74.

73. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зарецкая Анна Николаевна. – Челябинск, 2010. – 180 с. – Текст : непосредственный

74. Зильберт, А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) / А. Б. Зильберт. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация. – 2001. – Вып. 19. – С. 103–112.

75. Итоги ВПН-2020. – Текст : электронный. – Том 5. – Национальный состав и владение языками. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 29.03.2025).

76. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Текст :

электронный. – // Федеральная служба государственной статистики России. Официальный сайт. – Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf.

77. Кабанков, А. И. Прецедентный мир В. Высоцкого в дискурсе новых медиа: семантико-аксиологический и регулятивный аспекты : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кабанков Артем Игоревич. – Томск, 2018. – 225 с. – Текст : непосредственный.

78. Каган, М. С. И вновь о сущности человека / М.С. Каган. – Текст : электронный // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: сб. ст. под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солониной, В. В. Парцвания. – СПб. : Петрополис, 2001. – Вып. 1. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/i-vnov-o-sushchnosti-cheloveka> (дата обращения 11.02.2025).

79. Кадачиева, Х. М. Ценность как философская и лингвистическая категория / Х. М. Кадачиева, А. Б. Абдулкадырова. – Текст : электронный // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – №4–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-kak-filosofskaya-i-lingvisticheskaya-kategoriya> (дата обращения: 09.04.2025).

80. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – Текст : электронный. – URL: <https://vehi.net/zph/ikant.html> (дата обращения 10.02.2024).

81. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Антология концептов (под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина). – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. I. – С. 13–15.

82. Карасик, В. И. Этноспецифические концепты / В. И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – 206 с. – Текст : непосредственный

83. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И.

Карасик. – М., 2004. – 389 с. – Текст : непосредственный.

84. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / Воронежский межрегиональный институт общественных наук; Воронежский государственный университет; Московский общественный научный фонд. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 75–80.

85. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 331 с. – Текст : непосредственный.

86. Карасик, В. И. Языковые концепты как измерения культуры (концепт времени в языке) / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Изучение и преподавание русского языка : Юбилейный сборник. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2001. – С. 100–116.

87. Карасик, В. И. Антология концептов (под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина) в 4 т. / В. И. Карасик. – Волгоград, 2005-2006. – Т. 1– 4. – Текст : непосредственный.

88. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Вопр. языкознания. – 2009. – № 2, март–апрель. – С. 3–21.

89. Клапрот, Г-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 годах / Г-Ю. Клапрот. – Текст : непосредственный // АБКИЕА. – Н., 1974. – С. 236–280.

90. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста : специальность 10.01.10 «Журналистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Клушина Наталья Ивановна. – М., 2008. – 57 с. – Текст : непосредственный.

91. Койчуев, А. А.-Дж. Ислам в Карачае: гомогенные и гетерогенные факторы / А. А.-Дж. Койчуев. – Текст : непосредственный // Исламоведение. – по. 3, 2010. – С. 60–66.

92. Койчуев, А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой

Отечественной войны / А. Д. Койчуев. – Ростов-на-Дону : Изд. РГПУ, 1998. – 483 с. – Текст : непосредственный.

93. Койчуев, А. Д. Славные сыны Карачая / А. Д. Койчуев. – Карачаевск : Изд. КЧГПУ, 1998. – 232 с. – Текст : непосредственный.

94. Койчуев, А. Д. В годы Великой Отечественной войны сражались отважно, спасали евреев, детей и взрослых, но это не считали за подвиг / А. Д. Койчуев. – Текст : электронный. – Евразийский научный журнал. – по. 6, 2019. – URL: <https://journalpro.ru/pdf-article/?id=12711>. (дата обращения: 27.02.2025)

95. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В.В. Колесов. – Текст : непосредственный // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – С. 13–24.

96. Корячкина, А. В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода : специальность 10.02.24 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Корячкина Антонина Викторовна. – СПб., 2017. – 312 с. – Текст : непосредственный.

97. Косвен, М. О. Архивные материалы по географии и этнографии Кабарды (1808-1834 гг.) / М. О. Косвен. – Текст : непосредственный // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. – Т. 13. – Н., 1957. – с. 381–418.

98. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В.В. Красных. – Текст : электронный // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-lingvokultury-ili-chto-derzhit-yazykovuyu-kartinu-mira> (дата обращения: 11.02.2024).

99. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.

100. Кудаев, М. Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд / М. Ч. Кудаев.

– Нальчик : Эльбрус, 1988. – 128 с. – Текст : непосредственный.

101. Кузнецова, А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев / А. Я. Кузнецова. – Нальчик : Эльбрус, 1982. – 176 с. – Текст : непосредственный.

102. Кумыков, Т. Х. История Кабардино-Балкарской АССР гл. ред. Т. Х. Кумыков / Т. Х. Кумыков. – М., 1967. – т. I. – 482 с. – Текст : непосредственный.

103. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с. – Текст : непосредственный.

104. Лавриненко, В. Н. Философия. Серия Institutions / В. Н. Лавриненко. – М. : Юристъ, 1998. – 520 с. – Текст : непосредственный.

105. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур / Р. Ладо. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 32–63.

106. Лайпанов, Б. Л. Ас-Алан: Журнал / Б. Л. Лайпанов. – М. : Мир дому твоему, 1998. – 464 с. – Текст : непосредственный.

107. Латышева, В. Л. Характеристика прецедентных феноменов как ядерных элементов национального языкового сознания (на материале русского и французского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Латышева Вера Леонидовна. – Иркутск, 2011. – 19 с. – Текст : непосредственный.

108. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, Наука, 2010, – 224 с. – Текст : непосредственный.

109. Лужнёва, Т. Оценка в текстах музыкальных рецензий (на материале британской прессы) / Т. Лужнёва. – Текст : непосредственный // Матер. ежегод. науч. конф. студ. и магистр. ун-та в 4-х ч. (Минск, 14–15 апреля 2004 г.). – Минск, 2004. – Ч. 4. – С. 75–77.

110. Лучинская, Е. Н. Язык культуры в дискурсе постмодерна / Е. Н. Лучинская. – Текст : электронный // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kultury-v-diskurse-postmoderna>

(дата обращения: 11.02.2024).

111. Майсюк, Н. В. Оценка эмоциональная и рациональная / Н. В. Майсюк. – Текст : непосредственный // Матер. ежегод. науч. конф. студ.и магистр. ун-та в 4-х ч. (Минск, 16–17 апреля 2003 г.). – Минск, 2003. – Ч. 2. – С. 159–161.

112. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.

113. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь: Издво Твер. ун-та, 1998. – 200 с. – Текст : непосредственный.

114. Хайдеггер, М. Ницше Том II / М. Хайдеггер. – Издательство «Владимир Даль», 2007. – 456 с. – Текст : электронный. – URL: <https://www.nietzsche.ru/userfiles/pdf/heid2.pdf> (дата обращения: 18.02.2024).

115. Маругина, Н. И. Концепт «Природа» в русской и английской языковых картинах мира / Н. И. Маругина, Д. А. Ламинская. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2010. – № 2 (10). – С. 36–46.

116. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.

117. Меньшикова, С. И. Соотношение понятий «концепт» и «метаконцепт» / С. И. Маньшикова. – Текст : непосредственный // Вестник ТвГУ. – Серия: Филология (9). – 2007 – С. 56–64.

118. Метц, К. Кино: язык или речь? / пер. с фр. М. Б. Ямпольский / К. Метц. – Текст : непосредственный // Киноведческие записки: историко-теоретический журнал. – 1993/1994. – № 20 – С. 54–90.

119. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура / Н. Б. Мечковская. – М. : Академия, 2007. – 432 с. – Текст : непосредственный.

120. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М. : Энергия, 1979 г. – 152 с. – Текст : непосредственный.

121. Мирошников, Ю. И. Аксиология: концепция эмотивизма / Ю. И. Мирошников. – Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН, 2007. –

164 с. – Текст непосредственный.

122. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис. – Текст непосредственный // Семиотика / ред. Ю. С. Степанов. – М. : Радуга, 1983. – с. 37–89.

123. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 344 с. – Текст непосредственный.

124. Мурысов, Р. З. Опыт анализа оценочного высказывания / Р. З. Мурысов, А. С. Самигуллина, А. Л. Федорова. – Текст непосредственный // Вопросы языкознания. – 2004. – № 5. – С. 67–78.

125. Омелаенко, Н. В. Становление понятия «ценности» в европейской философии: аналитический обзор / Н. В. Омелаенко, О. Е. Яцевич. – Текст электронный // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ponyatiya-tsennosti-v-evropeyskoj-filosofii-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 03.02.2024).

126. Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак. – Текст непосредственный // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80–85.

127. Нерсесян, Г. Р. Педагогический дискурс как инструмент формирования ценностей современного общества (на материале англоязычного дискурса) / Г. Р. Нерсесян. – Текст непосредственный // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2020. – № 13. – С. 216–221.

128. Гартман, Н. Этика Николай Гартман. Этика / Пер. с нем. А.Б.Глаголева / Н. Гартман. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 707 с. – URL: https://vk.com/doc-123708210_441917150 (дата обращения 11.02.2024). – Текст электронный.

129. Ницше, Ф. К генеалогии морали / Ф. Ницше. – URL: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/genealogia/> (дата обращения 19.02.2024). – Текст электронный.

130. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – URL: <https://www.nietzsche.ru/works/main-works/zaratustra/runkovich/> (дата обращения 19.02.2024). – Текст электронный.

131. Орлова, О. В. Динамика прецедентного мира творческой личности в дискурсе новых медиа: постановка проблемы / О. В. Орлова, А. И. Кабанков. – Текст непосредственный // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 182–187.

132. Пазолини, П. П. Поэтическое кино / пер. с ит. Н. Нусинова / П. Пазолини. – Текст непосредственный // Структура фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана. Сборник статей. – М. : Радуга, 1984. – С. 45–66. – Текст непосредственный.

133. Пирс, Ч. Избранные философские произведения / Ч. Пирс. – М. : Логос, 2000. – 448 с. – Текст непосредственный.

134. Пирс, Ч. Начала прагматизма / Ч. Пирс. – СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с. – Текст непосредственный.

135. Питерс, Б. Прикладная этнолингвистика – это лингвокультурология, но лингвокультурология ли? / Б. Питерс. – Текст непосредственный // Жанры речи. – 2017. – № 1(15). – С. 37–50.

136. Покровская, Н. В. Исследование кинодискурса в зарубежной лингвистике начала XXI века / Н. В. Покровская. – Текст электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №3. – С. 936–941. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-kinodiskursa-v-zarubezhnoy-lingvistike-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 07.06.2024).

137. Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Привалова Ирина Владимировна. – М., 2006. – 50 с. – Текст : непосредственный.

138. Прудченко, Е. А. История понятия «Антропоцентризм» в контексте современных размышлений о человеке и цивилизации / Е. А. Прудченко, Ю. В.

Дюпина, Я. Э. Дизер. – Текст : электронный // Манускрипт. – 2020. – №5. – С. 150–154. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ponyatiya-antropotsentrizm-v-kontekste-sovremennyh-razmyshleniy-o-cheloveke-i-tsivilizatsii> (дата обращения: 21.01.2024).

139. Раемгужина, З. М. Башкирский антропонимикон в свете языковой картины мира : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (башкирский язык)» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Раемгужина Зилия Мухаметьяновна. – Уфа, 2009. – 300 с. – Текст : непосредственный.

140. Ремчукова, Е. Н. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социокультурном и «игровом поле» современных медиа / Е. Н. Ремчукова, Л. А. Кузьмина. – Текст : электронный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnyuy-mir-f-m-dostoevskogo-v-sotsio-kulturnom-i-igrovom-pole-sovremennyh-media> (дата обращения: 11.02.2025).

141. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексикограмматическом аспекте / Е. А. Реферовская. – Л., 1989. – 168 с. – Текст : непосредственный.

142. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов. – М., 1988. – 183 с. – Текст : непосредственный.

143. Савоськина А. М. Понятие «Ценность» в работах М. Хайдеггера и Ф. Ницше / А. М. Савоськина. – Текст : электронный // Вестник ОГУ. – 2014. – №7 (168). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tsennost-v-rabotah-m-haydeggera-i-f-nitsshe> (дата обращения: 18.02.2024).

144. Сафонова, Н. В. Концепт благо/добро как сегмент ментального поля нации (на материале русского языка): монография. / Н. В. Сафонова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 357 с. – Текст : непосредственный.

145. Светоносова, Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе : специальность 10.02.20

«Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Светоноснова Татьяна Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 174 с. – Текст : непосредственный.

146. Сенцова, В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень) : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Сенцова Валентина Андреевна. – Санкт-Петербург, 2017. – 184 с. – Текст : непосредственный.

147. Серебренникова, Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова. – Текст : непосредственный // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 7–48.

148. Серебренникова, Е. Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов / Е.Ф. Серебренникова, Н. П. Антипьев и др. – М.: Тезаурус, 2011. – 352 с. – Текст : непосредственный.

149. Серебренникова, Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова. – Текст : непосредственный // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – С. 8-62.

150. Сидорова, Н. А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сидорова Наталья Анатольевна. – Москва, 2011. – 49 с. – Текст : непосредственный.

151. Синеева, Т. А. Когнитивные модели экономической метафоры во французском медийном дискурсе : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Синеева Татьяна Александровна. – Иркутск, 2007. – 16 с.

– Текст : непосредственный.

152. Сиротинина, О. Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителей / О. Б. Сиротинина. – М.: Просвещение; Учеб. лит., 1996. – 175 с. – Текст : непосредственный.

153. Скворцова, А. А. Этапы становления аксиологической теории / А. А. Скворцова. – Текст : непосредственный // XX Юбилейные царскосельские чтения, материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2016 г.). – Санкт-Петербург, 2016. – С. 275–280.

154. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Волгоград. гос. пед. ун-т, 2004. – 323 с. – Текст : непосредственный.

155. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М., 2000. – 128 с. – Текст : непосредственный.

156. Слышкин, Г. Г. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа / Г. Г. Алексеев, М. А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 164 с. – Текст : непосредственный.

157. Солодилова, И. А. Способы концептуализации оценки в немецком языке (на материале немецкоязычной художественной прозы) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Солодилова Ирина Анатольевна. – Уфа, 2014. – 538 с. – Текст : непосредственный.

158. Старостина Ю. С. Англоязычные дискурсивные практики в русле лингвоаксиологического подхода / Ю. С. Старостина. – Текст : электронный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – №3. – С. 248–253. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnye-diskursivnyye-praktiki-v-rusle-lingvoaksiologicheskogo-podhoda> (дата обращения: 09.03.2024).

159. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры,

1996. – 284 с. – Текст непосредственный.

160. Такова, А. Н. Ключевые аспекты основных этнических проблем двухсубъектных республик Северного Кавказа (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия) на постсоветском этапе развития / А. Н. Такова. – Текст : электронный // Манускрипт. – 2018. – №11–2 (97). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-aspekty-osnovnyh-etnicheskih-problem-dvuhsubektnyh-respublik-severnogo-kavkaza-kabardino-balkariya-i-karachaevo-cherkesiya> (дата обращения: 21.03.2025).

161. Тамбиянц Ю. Г. Постэкономические ценности общественного сознания / Ю. Г. Тамбиянц, О. С. Уварова (Михайленко). – Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. – 2016. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postekonomicheskie-tsennosti-obshchestvennogo-soznaniya> (дата обращения: 04.02.2024).

162. ТАСС. В Карачаево-Черкесии почтили память жертв депортации / ТАСС. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19182649> (дата обращения: 30.03.2025).

163. Тахтарова, С. С. Концепт «Ordnung» как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре / С. С. Тахтарова. – Текст : электронный // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-ordnung-kak-kulturnaya-dominanta-v-nemetskoj-lingvokulture> (дата обращения: 17.03.2024).

164. Телегина, В. А. Средства выражения оценки в характеристике политической элиты (на материале современной французской прессы) : специальность 10.02.05 «Романские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Телегина Виктория Александровна. – Воронеж, 2021. – 200 с. – Текст непосредственный.

165. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 242 с. – Текст непосредственный.

166. Тодоров, Ц. Понятие литературы / пер. с фр. Г. К. Косикова / Ц.

Тодоров. – Текст непосредственный // Семиотика : сб. ст. общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 355–369.

167. Толстая, С. М. Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. редактор С.М. Толстая / С. М. Толстая – М. : «Индрик», 2015. – 432 с. – Текст непосредственный.

168. Тоторкулова, А. Х-М. Национальные и культурные ценности народов Карачаево-Черкесии как фактор воспитания межэтнической толерантности подрастающего поколения / А. Х-М. Тоторкулова. – Текст электронный // Ярославский педагогический вестник. 2003. – №3. – С. 1–5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-i-kulturnye-tsennosti-narodov-karachaevo-cherkesii-kak-faktor-vozpitaniya-mezhetnicheskoj-tolerantnosti> (дата обращения: 16.07.2024).

169. Тульчинский, Н. П. Пять горских обществ Кабарды / Н. П. Тульчинский. – Владикавказ : Типография Терского областного правления, 1903. – 154 с. – Текст непосредственный.

170. Тураева, З. Я. Лингвистика текста / З. Я. Тураева. – М., 1986. – 126 с. – Текст непосредственный.

171. Усачева, А. К. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Усачева Александра Николаевна. – Волгоград, 2002. – 167 с. – Текст непосредственный.

172. Филиппов, С. А. Два аспекта киноязыка и два направления развития кинематографа. Прологомены к истории кино / С. А. Филиппов. – Текст непосредственный // Киноведческие записки: историко-теоретический журнал. – 2001. – № 54. – С. 245–280.

173. Формановская, Н. И. Речевое воздействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с. – Текст непосредственный.

174. Форофонта, Ю. Л. Аксиологический концепт сквозь

таксономическую призму (на примере концепта судьба) / Ю. Л. Форфонтова. – Текст непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 8 (64). – С. 141–146.

175. Хаджиева, М. Х. Медиативная роль карачаево-балкарской пищи в обряде перехода в мир мертвых в конце XIX – начале XX в. / М. Х. Хаджиева. – Текст : электронный // Сфера культуры. – 2021. – №3 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediativnaya-rol-karachaevo-balkarskoy-pischi-v-obryade-perehoda-v-mir-mertvyh-v-kontse-hih-nachale-hh-v> (дата обращения: 24.11.2024).

176. Харузин Н. Н. По горам Северного Кавказа / Н. Н. Харузин. – Текст непосредственный // Вестник Европы, 1888. – т. 6. – кн. 2. – с. 154-194. – Цит. По: Кудаев, М. Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд / М. Ч. Кудаев. – Нальчик : Эльбрус, 1988. – 128 с. – Текст непосредственный.

177. Хефни, Х. А. Языковая картина мира в современных лингвокультурологических исследованиях / Х. А. Хефни. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2019. – № 21 (259). – С. 578–580. – URL: <https://moluch.ru/archive/259/59463/> (дата обращения: 10.09.2024).

178. Цивьян, Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе. – Текст непосредственный / Ю. Г. Цивьян // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1984. – Вып. XVII. – С. 109–121.

179. Чекулай, И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке: монография / И. В. Чекулай. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – 234 с. – Текст непосредственный.

180. Черкас, Е. М. К проблеме оценки в семантической структуре языковой единицы / Е. М. Черкас. – Текст непосредственный // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск, 1999. – № 5. – С. 71–75.

181. Чернявская, В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости / В. Е. Чернявская. – Текст непосредственный // Вопросы

КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ. – М., Тамбов, 2004. – № 1. – С. 106–112.

182. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – 1994. – 490 с. – URL: https://vk.com/doc-123708210_438948301 (дата обращения 11.02.2024). – Текст электронный.

183. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации / Р. Шенк. – М. : Энергия, 1980. – 360 с. – Текст непосредственный.

184. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974. – Текст непосредственный.

185. Bower, G. H. Scripts in memory for texts / G. H. Bower, J. B. Black, T. J. Turner. – Text : direct // Cognitive Psychology. – 1979. – Vol. 11. – P. 177–220.

186. Bredikhin, S. N. Poly- and inter-discursiveness in complex discourse / S. N. Bredikhin, A. V. Tsybulevskaya. – Text : direct // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – 2020. – Vol. 92. – P. 1507–1514.

187. Chaume, F. Cine y traducción / F. Chaume. – Madrid : Cátedra, 2004. – 336 p. – Text : direct.

188. Dynel, M. Stranger than Fiction: A Few Methodological Notes on Linguistic Research in Film Discourse / M. Dynel. – Text : direct // Brno Studies in English. – 2011. – № 37 (1). – P. 41–61.

189. Galiullina, G. R. Cosmological views in the Tatar anthroponymic picture of the world / G. R. Galiullina. – Text : direct // Proceedings of Kazan University. Humanities Series. – 2008 – vol. 150. – pp. 197–205.

190. Grzmil-Tylutki, H. L'axiologie discursive: entre l'implicite et l'explicite / H. Grzmil-Tylutki. – Text : electronic // Synergies Pologne. – 2011. – № 8. – P. 247–253. – URL: <https://www.gerflint.fr/Base/Pologne8/halina.pdf> (date of access: 19.04.2020).

191. Halliday, M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning / M. A. K Halliday. – London : Arnold, 1978. – 256 p. – Text : direct .

192. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London : Longman, 1976. – 383 p. – Text : direct.

193. Hare, R. M. *The Language of Morals* / R. M. Hare. – Oxford, England : Oxford University Press, 1952. – 202 p. – Text : direct.
194. Jackiewicz, A. *Études sur l'évaluation axiologique: présentation* / A. Jackiewicz. – Text : direct // *Lingue française*. – 2014. – № 184. – P. 5–16.
195. Lago, F. A. *Axiomatic analysis of brand names in English: A semanticopragmatic approach to branding* / F. A. Lago. – Text : direct // *Multilingualism in Specialist Communication (Proceedings of the 10th European Symposium on Language for Special Purposes)* / Gerhard Budin (ed.). – Vienna : IITF/Infoterm, 1996. – Vol. II. – P. 991–1010.
196. Mai, M. *Das Kino der Gesellschaft – die Gesellschaft des Kinos. Interdisziplinäre Positionen, Analysen und Zugänge* / M. Mai, R. Winter. – Köln : Herbert von Halem Verlag, 2006. – 320 S. – Text : direct.
197. Östman, J. *Discourse analysis* / J. Östman, T. Virtanen. – Text : direct // *Handbook of Pragmatics: Manual*. – Amsterdam, Philadelphia, 1995. – P. 239–253.
198. Vikulova, L. G. *Retrospective semiometrics of the sign valeur* / L. G. Vikulova, E. G. Tareva, E. F. Serebrennikova [et al.]. – Text : electronic // *XLinguae*. – 2020. – T. 13. – №1. – P. 169–183. – URL: http://xlinguae.eu/files/XLinguae1_2020_13.pdf (date of access: 03.03.2024).
199. Schank, R. C. *Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures* / R. C. Schank, R. P. Abelson. – Hillsdale, 1977. – 266 p. – Text : direct.
200. Sharifian, F. *Cultural Linguistics and World Englishes* / F. Sharifian. – Text : direct // *World Englishes*. – 2015. – 34(4). – pp. 515–532.
201. Tannen, D. *Analyzing Discourse: Text and Talk* / D. Tannen. – Washington : Georgetown University Press, 1982. – 382 p. – Text : direct.
202. Thompson, G. *Evaluation in context* / G. Thompson, L. Alba-Juez. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2014. – 418 p. – Text : direct.
203. Walter, H. *Axiologie et sémantique chez André Martinet* / H. Walter. – Text : electronic // *La linguistique*. – 2001. – P. 1. – Vol. 37. – P. 59–68. – URL:

<https://www.cairn.info/revue-la-linguistique-2001-1-page-59.htm> (date of access: 03.03.2024).

204. Widdowson, H. G. Directions in the teaching of discourse / H. G. Widdowson. – Text : direct // Theoretical Linguistic Models in Applied Linguistics. – London, 1973. – P. 65–76.

205. Wildfeuer, J. Film Discourse Interpretation. Towards a New Paradigm for Multimodal Film Analysis / J. Wildfeuer. – L., N. Y. : Routledge, 2013. – 284 p. – Text : direct.

206. Wildfeuer, J. Film Text Analysis: New Perspectives on the Analysis of Filmic Meaning / J. Wildfeuer, J. Bateman. – L., N. Y. : Routledge, 2016 – 208 p. – Text : direct.

207. Wright, G. H. von. The varieties of goodness / G. H. von. Wright. – London : Routledge, 1963. – 238 p. – Text : direct.

Словари и справочники

208. Арутюнова, Н. Д. Дискурс. Речь / Н. Д. Арутюнова.– Текст : электронный // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 31.07.2024).

209. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с. – Текст : непосредственный.

210. Губман, Б. Л. Искусство / Б. Л. Губман. – Текст : непосредственный // Культурология. XX век: энциклопедия в 2-х т. / редкол.: Ж. М. Арутюнова, В. Н. Басилов, И. С. Вдовина и др. – СПб. : Университетская книга, 1998. – Т. 1. – С. 274–275.

211. Кабардино-Балкария // Большая российская энциклопедия. – Текст : электронный. – URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5647985> (дата обращения: 02.02.2024).

212. Карачаево-Черкесия // Большая российская энциклопедия. – Текст :

электронный. – URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5663869> (дата обращения: 02.02.2024).

213. Ковшова, М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2018 . – 192 с. – Текст : непосредственный.

214. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с. – Текст : непосредственный.

215. Новая философская энциклопедия. Институт Философии Российской Академии наук. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01018ece6b4d1aefc3392301> (дата обращения: 21.09.2024). – Текст : электронный.

216. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 2001. – 990 с. – Текст : непосредственный.

217. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с. – Текст : непосредственный.

218. Философский энциклопедический словарь / Гл.редакция: Л. Ф. Ильичев, Г. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – Текст : непосредственный.

219. Чеченов, А. А. Карачаево-балкарский язык / А. А. Чеченов. – Текст : электронный // Большая российская энциклопедия. – 2018. – URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/5229775> (дата обращения: 18.07.2024).

220. Эльбрусид, карачаево-балкарско-русский, русско-карачаево-балкарский словарь. – URL: <http://www.elbrusoid.org/dictionary/>. – Текст : электронный.

221. Ямпольский, М. Б. Семиотика кино / М. Б. Ямпольский. – Текст : непосредственный // Кино: Энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. – М. : Сов. энциклопедия, 1986. – С. 384–385.

Источники эмпирического материала

222. «Мариям». – худ. фильм. – 2022. – [Видео файл]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/10721673632711950051?text=фильм%20мариям%20о%20депортации%20балкарцев&path=yandex_search&parent-reqid=1745596722200588-1950088425763346852-balancer-17leveler-kubr-yp-klg-277-BAL&from_type=vast.
223. «Судьбы печальные страницы». – док. фильм. – 2022. – [Видео файл]. – URL: <https://rutube.ru/video/5c91630a1c0360de15910db43cbbef70/>.
224. «Чтобы помнили». К 75-летию депортации балкарского народа. – док. фильм. – 2019. – [Видео файл]. – URL: <https://rutube.ru/video/e10c3c47a558b7b84b0f7dd14560b661/>.
225. Carpe diem Минги Тау – гора, на которую я почти поднялась / Carpe diem. – Текст : электронный. – 2016. – URL: <https://otzyv.ru/review/197718/> (дата обращения: 06.04.2025)
226. Алан Той. – Текст : электронный. – 2016. – URL: https://vk.com/wall-37717901_17346 (дата обращения: 06.04.2025).
227. Артемьева, Г. Зрелой женщине принадлежит мир / Г. Артемьева. – Текст : электронный. – URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%90%D1%80%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%97%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B9_%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B5_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%BB%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D1%82_%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%9A%D0%B0%D0%BA_%D0%B1%D1%8B%D1%82%D1%8C_%D1%81%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%B2_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B5/4#p121 (дата обращения: 20.03.2025).
228. Бяз, К. Мистические рассказы / К. Бяз. – Текст : электронный. –

URL:

https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B8_%D0%91%D0%B5%D1%8F%D0%B7_%D0%9C%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D1%8B/5#p557 (дата обращения: 20.03.2025).

229. В Турции прошёл фестиваль культуры карачаево-балкарского народа «Нартский той». – Текст : электронный. // РИА КЧР. – 2024. – URL: <https://www.riakchr.ru/v-turtsii-proshyel-festival-kultury-karachaevo-balkarskogo-naroda-nartskiy-toy/> (дата обращения: 06.04.2025).

230. Вульф, М. Тысяча жизней подряд. Вечности недостаточно / М. Вульф. – 2019. – Текст : электронный. – URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B0_%D0%92%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%84_%D0%A2%D1%8B%D1%81%D1%8F%D1%87%D0%B0_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%80%D1%8F%D0%B4_%D0%92%D0%B5%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%BD%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE/3#p535 (дата обращения: 06.04.2025).

231. Гастротур с дегустацией хычинов на плато Бермамыт (из Пятигорска). – Текст : электронный. – URL: <https://experience.tripster.ru/experience/51183/> (дата обращения: 06.04.2025).

232. Голубев, М. Иван-Дурак / М. Голубев. – 1991. – Текст : электронный. – URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%93%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%94%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%BA_%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8_%D0%9A%D0%B0%D1%89%D0%B5%D1%8F/2#p132 (дата обращения: 06.04.2025).

233. Градова, И. Ложь под звездным соусом / И. Градова. – Текст : электронный. – URL:

https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%98%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%93%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9B%D0%BE%D0%B6%D1%8C_%D0%BF%D0%BE%D0%B4_%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%BC_%D1%81%D0%BE%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%BC/1#p644

(дата обращения: 06.04.2025).

234. Запивалин, О. Кавказские тосты / О. Запивалин. – Текст : электронный. – URL:

https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3_%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD_%D0%9A%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8B/3#p458 (дата обращения: 06.04.2025).

235. Кавказский айран. Традиции и история похищения. – Текст : электронный // Кавказ сегодня. – 2021. – URL: <https://kavtoday.ru/article/6282> (дата обращения: 05.04.2025)

236. Кузьминых, Ю. К подножию Минги-Тау: Кавказ глазами путешественника / Ю. Кузьминых. – Текст : электронный // Московский комсомолец Ставрополь (Кавказ). – 2014. – URL: <https://kavkaz.mk.ru/articles/2014/08/20/k-podnozhiyu-mingitau.html> (дата обращения: 06.04.2025)

237. Къарачай-малкъар тилде ат бла байламлы сёзле эмда бир къауум айтыула, газета Къарачай. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://gazeta-karachai.ru/index.php/stati/adabiyat-literatura/1745-k-arachaj-malk-ar-tilde-at-bla-bajlamly-sjozle-emda-bir-k-auum-ajtyula-4> (дата обращения: 05.04.2025).

238. Лермонтов, М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – М. : Махаон, 2017. – 208 с. – Текст непосредственный.

239. Киселев, М. Богатство Минги-Тау: курорты, виды и человеческое

тепло / М. Киселев. – Текст : электронный. – 2022. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4438046> (дата обращения: 06.04.2025).

240. Малейкин, И. В. Наивный романтик / И. В. Малейкин. – Текст : электронный. – URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%BA%D0%B8%D0%BD_%D0%9D%D0%B0%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BA/4#p389 (дата обращения: 06.04.2025).

241. Петренко, О. Как живут карачаевцы и балкарцы на Ставрополье? / О. Петренко. – Текст : электронный. – 2019. – URL: <https://kavkaz.mk.ru/social/2019/08/13/kak-zhivut-karachaevcy-i-balkarcy-na-stavropole.html> (дата обращения: 06.04.2025).

242. Плиева, О. В традиции манги: как японские авторы видят Кавказ / О. В. Плиева. – Текст : электронный // Сапа Медиа. – 2024. – URL: <https://sapa.media/opinions/v-tradiczii-mangi-kak-yaponskie-avtory-vidyat-kavkaz/> (дата обращения: 05.04.2025)

243. Садыков, Р. Русская императрица Анна Иоанновна и Оренбургская экспедиция / Р. Садыков. – Текст : электронный. – URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A0%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%8C_%D0%A1%D0%B0%D0%B4%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%AE%D1%80%D0%B3%D0%B0_%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD/6#p235 (дата обращения: 05.03.2025).

244. Серегин, Н. Тревожная группа / Н. Серегин. – Текст : электронный. – URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%

В5%D0%B3%D0%B8%D0%BD_%D0%A2%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE
%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D
0%BF%D0%B0/1#p47 (дата обращения: 05.03.2025).

245. Толстой, Л. Н. Хаджи-Мурат / Л. Н. Толстой. – М. : Азбука, 2023. 320 с. – Текст : непосредственный.

246. Чарская, Л. А. Вторая Нина / Л. А. Чарская. – М. : Энас-книга, 2017. – 320 с. – Текст : непосредственный.

247. Чарская, Л. А. Княжна Джаваха / Л. А. Чарская. – М. : АСТ, 2022. – 320 с. Текст : непосредственный. 1903

248. Штыбин, В. Танцы, горы и каштановый мёд / В. Штыбин. – Екатеринбург : Ridero, 2020. – 416 с. Текст : непосредственный.